

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ВЕЕР

Черновик • Чистовик

Сергей Васильевич Лукьяненко

Веер (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8209112

*Лукьяненко, Сергей Васильевич Веер. [Черновик; Чистовик : фантастические романы]: Аст; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084403-6*

Аннотация

Еще вчера у него была своя квартира, работа, друзья, собака, налаженный быт... а сегодня мир словно перевернулся – никто не узнает парня, даже самые близкие люди, а документы, подтверждающие его личность, рассыпаются в пыль. Сумасшествие? Нет, жестокое испытание, после которого Кирилл становится функционалом – человеком, наделенным сверхспособностями и возможностью перемещаться между параллельными мирами. Кто такие эти функционалы? В чем состоит их предназначение? И чем заплатит Кирилл за свою новую, улучшенную жизнь?

Содержание

Черновик	5
1	5
2	23
3	39
4	56
5	75
6	93
7	113
8	136
9	157
10	182
11	204
12	222
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Сергей Лукьяненко

Веер (сборник)

© С.В. Лукьяненко, 2005, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Черновик

1

Бывают дни, когда все не ладится. Нога с кровати опускается не в тапочек, а на спину любимой собаки, с перепугу цапающей тебя за щиколотку, кофе льется мимо чашки – и прямо на свежую рубашку, дойдя до метро, обнаруживаешь, что позабыл дома документы и деньги, а возвратившись домой, понимаешь – ты их не забыл, а потерял. Вместе с ключами.

Но случается и наоборот. Встаешь бодрым и с приятными воспоминаниями о приснившемся сне, вчерашний насморк за ночь прошел бесследно, яйца удаётся сварить «в мешочек», подруга, с которой разругался накануне, звонит сама и просит ее простить, троллейбусы и автобусы подкатывают, едва ты подходишь к остановке, начальник вызывает к себе и сообщает, что решил поднять тебе зарплату и выплатить премию.

Таких дней я опасаюсь больше. Все-таки правы были древние – нельзя гневить судьбу излишней удачливостью. Царь Поликрат не зря выбросил кольцо в море – вот только когда море отвергло жертву, царю стоило бы отрезать себе палец, авось не прирастет. Если ты не прирожденный счаст-

ливчик, идущий по жизни легкой походкой бездельника, – бойся счастливых дней! Жизнь не зря походит на полосатую тюремную робу. Случилась беда, значит – завтра придет удача.

Обычно эта мысль меня успокаивает. Но только не сегодня.

Я стоял перед дверью своей квартиры. Дверь как дверь. Железная в силу нынешних криминальных времен, дешевая по причине отсутствия богатого дядюшки в Америке.

Вот только дверь была приоткрыта. Что это значит, объяснять вряд ли требуется. Склерозом я пока не страдаю, ключи Аня презрительно швырнула на пол неделю назад перед уходом. Был запасной комплект у родителей – не для инспекций, разумеется, а на тот случай, если я ухитрюсь потерять свои. Но вот беда, родители неделю как отдыхают в Турции и наведаться в гости никак не могут.

Я стоял и думал о Кешью. Почему моего скай-терьера зовут Кешью, надо спрашивать у заводчицы. Может быть, она любит эти орехи. А может быть, просто не знает, что такое кешью. Я спросить постеснялся.

Что сделает вор, обнаружив в квартире мелкого, но отважного терьера? Хорошо, если только пнет.

Конечно, в квартире было кое-что ценное. Ноутбук. Музыкальный центр. Телевизор тоже неплохой, DVD-проигрыватель совсем новый. В конце концов, любой опытный вор обнаружит приклеенную скотчем к задней стенке гардероба

заначку – тысячу евро в бумажном конверте.

Но думал я только о Кешью. И простоял бы, наверное, еще несколько минут, не решаясь распахнуть дверь, не раздайся из квартиры легкий металлический звон.

Вор еще был в квартире!

Богатырским сложением или геройским нравом я никогда не отличался. Все знакомство с единоборствами заключалось в вялом полугодовом хождении на курсы каратэ в нежном тинейджерском возрасте, а весь боевой опыт – в нескольких потасовках примерно в то же самое время. Но в квартиру я ворвался с энтузиазмом Брюса Ли, которому наступили на любимое кимоно.

Вам когда-нибудь доводилось чувствовать себя полным идиотом?

Я стоял в тесной полутемной прихожей своей однокомнатной квартиры. Вот только квартира выглядела чужой. Вместо аккуратно прикрученных к стене крючков, с которых одиноко свисала неубранная с весны куртка, обнаружилась разлапистая деревянная вешалка с бежевым плащиком и зонтом-тростью. На полу лежал коврик веселенькой раскраски. На кухне, насколько я мог видеть, тоже все было не так... к примеру – исчез куда-то холодильник. Зато на его месте стояла с кастрюлей в руках молодая некрасивая девица в халатике. При виде меня она громко завизжала и выронила кастрюлю.

– Попалась, лахудра! – закричал я. Что такое лахудра? От-

куда слово-то выскочило? Сам не знаю.

– Что вы себе позволяете! – завопила в ответ девушка. – Убирайтесь! Я вызову милицию!

Учитывая, что телефон висел у самых дверей, обещание ее было не просто наглым, но еще и опрометчивым. Я заглянул в комнату – сообщников девицы там не наблюдалось. Зато имелся Кешью, стоящий на диване – не моем диване! И Кешью громко лаял: живой, здоровый, совершенно невредимый.

Это ж надо – вынесли всю мебель! Сколько меня не было дома – пять часов, шесть? Но вынести-то вынесли, а зачем принесли другую...

– Милиция? – спросил я. – Будет вам милиция.

Я снял трубку и набрал ноль-один. Девушка прекратила визжать и молча смотрела на меня. Кешью лаял.

– Пожарная охрана слушает, – раздалось в трубке.

Я нажал на рычаг и набрал ноль-два. Ничего, со всяким бывает. Не каждый день тебя обворовывают, да еще и так затейливо.

– Милиция? Ограбление, – быстро сказал я. – Приезжайте быстрее. Студеный проезд...

– Вы что, больной? – спросила девушка. Кажется, она успокоилась. – Или напились?

– Напился, обкурился, обкололся, – злорадно подтвердил я, вешая трубку. – Конечно-конечно.

– Кирилл? – раздалось из-за спины.

Я обернулся, с радостью обнаружив на лестничной клетке соседку. Вздорная старая женщина по имени Галина, любительница сплетен и ненавистница соседей. Но сейчас, в преддверии новой темы для разговоров, лицо ее выражало неподдельное любопытство и дружелюбие.

– Посмотрите, Галина, что творится, – сказал я. – Пришел и обнаружил дома воровку!

На лице соседки отразился восторг в смеси с легкой опаской.

– Так, может, милицию вызвать, Кириллушка?

– Я уже вызвал, – успокоил я ее. – Будете свидетелем?

Соседка закивала и изобразила что-то вроде легкого замаха в сторону девицы:

– У, лахудра драная! У меня на рынке в прошлом году такая кошелек из сумки украла!

– Да вы с ума посходили, – спокойно сказала девица. Достала пачку сигарет, закурила. В комнате продолжал лаять отважный Кешью. – Кешью, заткнись! – рявкнула девица, и пес немедленно замолчал.

Я оторопел. Соседка насторожилась и покосилась на девицу. Мою собаку она ненавидела, как и любое живое существо в доме. Но...

– Подружка твоя?

– Что? Эта? – Я поперхнулся от досады. Понятно, в ее глазах любой молодой мужчина – кобель, а если он еще и неженатый – так, значит, смесь Казановы с Калигулой. Но

заподозрить меня в том, что я привел домой это бесцветное существо с рыжими волосенками и конопушками по всему лицу... – Первый раз ее вижу!

– Это я вас первый раз вижу! – совершенно излишне возразила девушка. – Не знаю, чего вы добиваетесь, но лучше бы убрались из моей квартиры...

– Кирилл здесь четвертый год живет, – сразу же встала на мою защиту соседка. В этот миг я готов был признать, что старая сплетница заслуживает уважения. – Родители у него люди богатые, купили сыночку квартиру, ремонт сделали. Другие всю жизнь по углам маются, а он с молодости при жилье...

Нет, наверное, я погорячился насчет соседки. Какое ее собачье дело, кто купил мне квартиру? Ей-то самой трехкомнатная досталась в стародавние времена от государства непонятно за какие заслуги на ниве работ в Госплане...

– Вы с ума сошли, – сказала девица. – Или все – одна шайка.

Галина всплеснула руками. И бросилась звонить в соседнюю дверь. Мы с девицей остались мерить друг друга злобными и подозрительными взглядами. Словно по уговору ни она, ни я не трогались с места. Только девица курила – уже вторую сигарету, а я крутил на пальце кольцо с ключами.

– Мамы дома нет, – отвечала Галине из-за приоткрытой двери соседская девочка. – А папа спит после работы...

– Разбуди папу, тут у нас соседа грабят! – радостно сказа-

ла старуха.

Девочка выглянула, пискнула мне: «Здрасте» и скрылась в квартире, не забыв хлопнуть дверь. Галина тут же прокомментировала:

– Знаем мы эту работу. Нажрался как свинья, отсыпается...

Дверь снова открылась. Вышел сосед – в трусах, майке и босиком. Ему лет под сорок, но мужик он здоровый и, похоже, не прочь сейчас кому-нибудь засветить кулачищем в глаз.

– Здрасте, Петр Алексеич! – выпалила соседка. – А у нас тут беспредел! Грабят мальчика нашего средь бела дня!

– Вечер уже, – отстраняя соседку, сказал Петр. Подошел, глянул через плечо. Спросил: – Помощь нужна?

– Сейчас милиция приедет.

Сосед кивнул. С грустью произнес:

– Жаль, что девка. Мужiku бы сейчас дали в репу. Для начала.

Девушка побледнела.

– А может, стоит все-таки дать? – вслух размышлял Петр.

Но тут загудел лифт, и сосед замолчал. Через несколько секунд на площадку вывалились трое милиционеров. Двое – с автоматами. Обнаружив, что стрелять пока не в кого, они замерли будто почетный караул. Третий – видимо, старший, – спросил у меня:

– Кто вызывал милицию?

– Я.

– Ваша квартира? – кивая на дверь, спросил старший.

– Да.

Девушка внутри истерически засмеялась.

– Его-его, – подтвердила Галина. – Мы соседи. И свидетели!

– Старший сержант Давыдов. Предъявите документы, – велел милиционер, не делая пока попыток пройти в квартиру. – Всех касается!

Соседи нырнули в свои квартиры. Даже неспешный Петр Алексеевич обрел некоторую торопливость. Я достал паспорт и протянул милиционеру, сбивчиво объясняя:

– Вернулся с работы, дверь открыта... За собаку испугался, эти ж сволочи и прибить пса могут...

– Собаку надо держать такую, чтобы при ее гавке преступник мочился в штаны, – изучая паспорт, сказал милиционер. Покосился на девушку. – Или мимо юбки... Так. Кирилл Данилович Максимов. Прописан в городе Москве, Студеный проезд, дом тридцать семь, квартира восемнадцать... Так. Что ж, все ясно.

Вышли соседи с паспортами.

– Будете понятыми, – сообщил им Давыдов. – Входим в квартиру?

– Входим, – злорадно сказал я. – Представляете, вынесли мебель, вместо нее свою притащили...

– Захват жилого помещения, – вставил один из ментов с

автоматом.

– Выводы оставь судьям, – оборвал его старший сержант.

Мы вошли в квартиру. Кешью опять залаял. Давыдов посмотрел на него и покачал головой. После чего вполне вежливо поинтересовался:

– Ваши документы.

– Они в сумочке. На вешалке, – кивнула девица.

– Достаньте.

Девица достала из сумочки документы. На меня она теперь смотрела как-то очень странно.

С минуту старший сержант изучал ее паспорт. Потом прошел к окну и еще минуту разглядывал паспорт при остатках дневного света. Присвистнул и посмотрел на меня с загадочной улыбкой:

– Вот так третья улица Строителей, гражданин Максимов...

То, что он назвал меня гражданином, мне не понравилось. И вполне обоснованно.

* * *

Звали девицу Натальей, фамилия – Иванова. Двадцать один год, на пять лет моложе меня. Прописана она была в моей квартире. Сейчас мы сидели на кухне за столом – я, Наталья и старший сержант.

Некоторое время Давыдов изучал паспорта, потом спро-

сил:

– И друг друга вы не знаете?

Я даже не стал отвечать. Девушка – тоже.

– Кто здесь проживает? – поинтересовался старший сержант у соседей.

– Он! – воскликнула Галина. – Он тут живет! Три года как живет.

Все-таки что-то человеческое в ней есть.

– Кирилл, – подтвердил Петр Алексеевич. – Не сомневайтесь. А эту... первый раз вижу.

Старший сержант посмотрел на Наталью и укоризненно спросил:

– И зачем это вам, гражданка? Подделка паспорта, воровство...

– Выводы оставьте судьям, – огрызнулась девушка. – Я здесь живу! Три года, как квартиру купила. А этих... – неопределенный кивок то ли в мою сторону, то ли в сторону соседей, – первый раз вижу! Это же шайка, ну как вы не понимаете!

Я слушал ее – а сам смотрел на кафель. Обычная полоска кафеля над плитой и умывальником, «фартук». У меня был красивый бордовый кафель, в принципе – очень дорогой, но купленный задешево, как остатки. Сколько там нужно было этого кафеля, два квадратных метра...

У Натальи кафель был попроще. Голубенький.

Да, за день можно вынести из квартиры всю мебель. И ес-

ли уж на то пошло, даже переклеить обои. Но сколоть старый кафель и положить новый? Да еще так аккуратно?

Или все-таки можно?

Я посмотрел на пол. Линолеум. Не тот, что у меня. Другой.

– Это ваша квартира? – спросил Давыдов. – Вы здесь живете?

– Не знаю...

– Как это – не знаете? – Он даже растерялся. – Вы же...

– Я здесь живу. Это мои соседи. – Я кивнул на понятых. – Но... тут все совершенно изменилось. Мебель другая. Линолеум на полу... у меня посветлее был и мягкий такой, на подкладке...

Наталья фыркнула.

– Кафель на стенах другой... – чувствуя, что шансы получить поддержку в милиции падают, закончил я.

– Кафель? – заинтересовался старший сержант. – Кафель другой?

Он подошел к стене. Поковырял ногтем шов. Пожал плечами. Спросил у другого милиционера:

– Ты же вроде на стройке работал? Можно за один день кафель на стене сменить?

Мент поколебался:

– Теоретически оно все можно. Хороший клей, быстро-сохнущая затирочка... А практически – нет.

– Пройдемте в ванную, – решил Давыдов.

В ванной комнате сушилось белье. Женское. Наталья засутилась, срывая с веревочек трусики и лифчики.

– Ваша ванная комната? – спросил Давыдов. – Кафель ваш?

Дался ему этот кафель... Но я понимал, к чему он клонит. Сменить два метра кафеля – дело одно. А вот в ванной комнате ремонт сделать...

– Вроде мой, – печально сказал я. – Тот, который и был, я не менял.

– Приметы какие-нибудь? Скол на ванне, плитка треснувшая?

Я честно пытался вспомнить. Мне очень хотелось найти в этой квартире хоть что-нибудь свое.

– На смесителе царапины были, я его в некондиции брал, – признался я. – Но тут другой смеситель, старый.

– Какой еще старый? – возмутилась Наталья. – Я смеситель не меняла, какой стоял, такой и стоит!

У старшего сержанта пискнула рация. Он буркнул что-то в микрофон. Задумчиво потрогал смеситель. Произнес:

– Значит, так. У кого есть документы на квартиру?

– У меня! – откликнулась Наталья. – Сейчас...

Она убежала в комнату.

– У меня тоже были, – безнадежно сказал я. – В письменном столе. Только его нет в комнате, я заглядывал. Стола, в смысле, нет.

– Такие документы надо хранить в банковской ячейке, –

серьезно сказал старший сержант.

И тут я не выдержал, взорвался:

– Ты что несешь, страж закона? Какая ячейка! Ну кто я тебе – новый русский, ячейку в банке снимать? Ты сам-то где документы хранишь?

Он даже не обиделся – и это вновь меня испугало.

– Под матрасом... Остыньте, Кирилл Данилович, наговорите лишнего – придется вас задержать.

Вернулась Наталья. С документами на квартиру – бланки о квартплате, квитанции за электричество, свидетельство о покупке квартиры...

Я молчал. Старший сержант просмотрел документы, вернул их и сказал:

– Что ж, господа и дамы, не вижу возможности вам помочь. Вам, Кирилл Данилович, следует обратиться в суд. Если квартира действительно ваша...

– То есть как это действительно? – воскликнул я.

Давыдов поморщился и продолжил:

– ...то копии документов хранятся у нотариуса, в органах регистрации актов купли-продажи жилья, в дэзе, наконец. Подменить все эти документы... – он замялся, – ну, наверное, возможно, но настолько сложно и дорого, что овчинка выделки не стоит. Не будет никто из-за однокомнатной в панельном доме на окраине такие дела воротить!

Наталья хмыкнула – так торжествующе, что стало ясно: она уверена в наличии документов. И в дэзе, и у нотариуса...

– Вам же, гражданка Иванова, если вы здесь проживаете, я бы посоветовал завести хоть какие-то отношения с соседями. Кто может подтвердить, что вы тут живете? Подруги, родственники?

– Родственники в Пскове живут, ко мне не приезжали, – отпарировала Наталья. – С подругами я в парке гуляю и в кино хожу, а не пью в квартире, как мужики. А с соседями такими, стыд пропившими... – она гневно посмотрела на соседей, – знаться не собираюсь.

– Тихо-тихо. – Движением руки Давыдов притормозил шагнувшего к Наталье Петра Алексеевича. – Ситуация сложная, но правда всегда восторжествует. Давайте покинем квартиру гражданки...

Я понял, что проиграл. И сказать мне было нечего.

Хотя...

– Кешью я тебе не оставлю, сука! – подхватывая вертящегося у ног Натальи скай-терьера, сказал я. – А-а!

Кешью цапнул меня за палец, вывернулся, упал на пол и принялся лаять. На меня.

– Ты мне только покалечь собаку, сволочь! – взвизгнула Наталья. – Кешью, маленький...

– Пусть документы на собаку представит! – крикнул я. – Это мой пес!

Кешью сидел на руках у Натальи и возмущенно облаивал меня. Палец болел, но все-таки скай прихватил его не до крови.

– Идемте, Кирилл. – Давыдов похлопал меня по плечу. – Идемте. Собака, похоже, с вами не согласна.

– Сейчас покажу документы! – вопила вслед Наталья. – Вот сволочь! Вот для чего ты все задумал, да? Собаку отнять?

Едва мы вышли в подъезд – Давыдов то ли подталкивал меня, то ли выпихивал, – дверь за нами с грохотом захлопнулась. Щелкнули замки. Потом брякнула задвижка.

– Дела... – с чувством сказал старший сержант.

Я посмотрел на соседей. Галина, я наконец-то вспомнил ее отчество – Романовна, смотрела на меня с неподдельным восторгом. Еще бы! Такая тема для разговоров!

– Улыбаться будете, когда вернетесь домой из булочной, а в вашей квартире будет жить чужой мужик, – сказал я.

Глаза у Галины Романовны округлились.

– Ах ты... – завопила она, в панике отступая в свою квартиру. – Знать тебя не знаю! И не жил ты здесь никогда!

Давыдов вздохнул:

– Зря вы так. Похоже, вам предстоит долгое разбирательство, а вы свидетелей против себя восстанавливаете...

– Так вы мне верите? – спросил я.

Никогда я милицию не любил. Слишком уж часто беды от ментов больше, чем помощи. Но этот старший сержант мне нравился, он... ну, как сказать, походил на правильного. На нормального милиционера. Такого, каким тот должен быть. Даже то, что он спасовал перед документами Натальи, меня

не обидело.

– Верю. Не похоже, что вы врете, да и зачем вам врать. И соседям вашим я верю. – Давыдов достал пачку «Явы», предложил мне, я отказался. Давыдов закурил и продолжил: – Если бы я решал, то одно слово этой сволочной бабки все бумажки бы перевесило.

– Да уж, если она вступилась... – буркнул Петр Алексеевич. – Не угостите?

Давыдов глянул в пачку. Сказал:

– Последнюю менты не забирают... зато угощают. Кури, у меня в машине есть.

Похоже, расходиться им не хотелось – настолько ошарашило всех происходящее.

– Что же мне делать? – спросил я.

– Документов у вас нет? Кроме паспорта?

Я покачал головой.

– Идите в дэз. Идите по всем конторам, где могут быть бумажки, подтверждающие ваше право на жилье. Без бумажки ты кто?

– Букашка, – пробормотал я.

– Вот. Хоть сто свидетелей приведи, которые с тобой в квартире водку пили, обои клеили, новоселье обмывали. Но без бумажки ты никто, и ни один суд тебя не защитит. Если знакомые журналюги есть – к ним обратиться. Может, посоветуют чего или статью напишут...

– Это раньше к статьям внимание было, – пробормотал

Петр Алексеевич. – Сейчас... только подтереться.

– С собакой странно, – сказал вдруг Давыдов. – Я все допущаю. И что документы всюду подменили, и что обои переклеили, кафель сменили. Но чтобы собака хозяина не признала? Взрослой брал?

– Щенком. В два месяца.

– Чушь какая-то. – Давыдов покачал головой. – Значит, другой пес.

– Мой! Ну что же я, свою собаку не узнаю? Это для чужого человека они на одно лицо...

Рация у Давыдова вновь запищала.

– Удачи... – сухо буркнул он, будто решив, что излишне разоткровенничался. Надавил кнопку лифта. – Правда – она все равно дырочку найдет...

– До свидания, – как-то очень неуместно произнес тот мент, что прежде работал строителем.

Они погрузились в лифт, цепляясь друг за друга стволами автоматов и как-то совершенно этого не замечая. Вот так и происходят несчастные случаи...

– Кирилл, может, зайдешь, сто грамм выпьешь? – спросил Петр Алексеевич. – На тебе лица нет...

Я покачал головой:

– Напиться-то я сегодня напьюсь, но не сейчас...

– Тебе есть где ночевать?

– Есть... наверное. Если у родителей теперь не прописаны какие-нибудь таджикские беженцы...

Петр не улыбнулся.

Я тоже подумал, что ничего смешного в этих словах нет.

Пожал ему руку и вызвал лифт.

– Если что – всегда скажу, ты здесь жил! – сказал сосед. –

И дочка подтвердит, и супруга...

Я отметил слово «жил», хотя вряд ли Петр придавал ему какое-то значение.

В квартире родителей таджикских беженцев не обнаружилось. Наглых некрасивых девиц – тоже. Я достал из холодильника пакет замороженных сосисок, пока они варились – полил цветы. Цветочкам повезло, я хоть и обещал заезжать, но все ленился...

Может быть, цветы во всем виноваты? Они обладают коллективным растительным разумом и древней магией...

Хихикнув, я пошел есть сосиски. Как ни странно, но настроение у меня почему-то не упало окончательно, а, напротив, улучшалось с каждой минутой.

Отوبرали квартиру? А вот хрен! Никто ее не отберет. Найдутся «бумажки», найдутся свидетели, найдутся и нужные люди в прокуратуре, чтобы «взять дело на контроль». В конце концов, отец у меня всю жизнь отработал гинекологом, очень даже неплохим, и сколько через него прошло женщин-судей и судейских жен... Помогут. В нашей стране прав не тот, на чьей стороне правда, а тот, у кого друзей больше. А у меня и дело правое, и связи найдутся.

Зато будет, что потом вспомнить!

Успокаивая себя этими мыслями, я достал из холодильника бутылку водки, выпил под сосиски сто граммов и спрятал обратно. Напиваться в одиночку в мои планы не входило, а вот посоветоваться с умным человеком за бутылкой, снять

стресс – это будет очень даже к месту.

Прихватив телефон, я завалился на диван. К кому бы напроситься или лучше кого позвать к себе? Такого, чтобы разговор не выродился в пьяный треп ни о чем...

И тут телефон зазвонил сам.

– Алло? – настороженно спросил я. Не дай Бог, родители вздумали позвонить мне домой и наткнулись на эту... лахудру...

– Кирилл? – раздался жизнерадостный голос. – Во, нашел я тебя. Мобильник отключен, у тебя дома Анька рычит, что ты там больше не живешь... ты что, совсем спятил, квартиру ей отдал и сам ушел?

– Анька? – доставая трубку, спросил я. Блин. Мобильник, оказывается, сел. А зарядка оставалась в квартире...

– Ну а кто? Баба какая-то...

Все женщины в мире делились для Коти на «баб» и «даму». Бабы – это все лица женского пола. Дама – это та баба, в которую он в данный момент влюблен.

– Котя, ты не тараторь, – попросил я. – Тут такие дела, что мне твой совет нужен...

– А мне – твой! – радостно сказал Котя. К кошачьим он был совершенно равнодушен, но свое паспортное имя Константин почему-то не любил и с детства с удовольствием откликался на Котю или Котенка. Обычно такие прозвища прилипают к здоровенным неторопливым мужикам, относящимся к ним с иронией. Котя же был невысоким, шуплым

и подвижным до суетливости. Не Квазимодо, но и не Аполлон, Котя, однако, обладал изрядным обаянием. Многие писанные красавцы, пытавшиеся закадрить с ним на пару девиц, с удивлением убеждались, что самая симпатичная неизменно предпочитала Котю. «Можно просто – Котенок», – с улыбкой говорил он при знакомстве, и это почему-то не выглядело ни манерным, ни фальшивым.

– Приезжай, – сказал я. – К родителям, адрес еще помнишь?

– Помню. – Котя поскучнел. – Слушай, я горю, мне статью надо добить. Еще на два часа работы. Приезжай ты, а?

– А твоя дама против не будет? – спросил я.

– Все бабы – сволочи, – печально сказал Котя.

Понятно. Очередная дама перешла в категорию баб, не сумев окольцевать моего слишком подвижного друга. А новой еще не появилось.

– Приеду, – вздохнул я. – Хотя отрываться от дивана...

– У меня коньячок есть хороший, – затараторил Котя. – Веский довод, а?

– Да хрен с ним, с твоим коньяком... – вздохнул я. – Ладно, сейчас приеду. Что прихватить?

– Ну ты же у нас умный, – ответил Котя. – Все что угодно, кроме баб!

Вот так и получилось, что, лишившись квартиры, я отправился пьянствовать с другом. Нормальный русский вариант развития событий, странно было бы ожидать чего-то друго-

го.

Котя жил в просторной двухкомнатной квартире в старом сталинском доме на северо-западе. Временами в квартире было чисто и прибрано, но сейчас, в отсутствие дамы, жилье постепенно превращалось в свойственный Коте безалаберный бардак. Судя по пыли на подоконниках и немытой плите, с очередной пассией Котя расстался не меньше недели назад.

При моем появлении Котя оторвался от компьютера, выставил на стол бутылку коньяка – и впрямь приличный пятилетний «Арабат», – довольно потер руки. Сказал:

– Теперь пойдет. А то без ста грамм рассказ не осилю, а в одиночку не пью.

Это была его обычная присказка. Без ста грамм он не был готов осилить уход очередной дамы, дописать рассказ или выдать мудрый совет. В одиночку, впрочем, он действительно никогда не пил.

Мы разлили коньяк по рюмкам. Котя задумчиво посмотрел на меня. В голове крутились десятки вопросов, но задал я самый нелепый:

– Котя, а что такое «лахудра»?

– Это и есть то, что ты хотел у меня узнать? – Котя поправил очки. Близорукость у него была очень умеренная, но кто-то его убедил, что очки ему идут. В принципе они и шли, к тому же в очках Котя выглядел совершенно типич-

ным умным еврейским мальчиком, работающим «где-то в сфере культуры». То есть самим собой. – Лахудра, наивный друг мой, это проститутка самого низкого пошиба. Вокзальная, плечевая...

– Плечевая?

– Ну, которая с водителями-дальнобойщиками... – Котя поморщился. – И скажу я тебе по совести, что в каждой бабе сидит эта самая лахудра...

– За это пить не буду, – предупредил я.

– Тогда просто за баб.

Мы выпили.

– Если ты с горя решил проститутку вызвать... – начал Котя.

– Нет. Ты-то что хотел спросить?

– Слушай, у тебя же папаня – гинеколог?

– Угу.

– Какие есть венерические заболевания? Экзотические?

– Затрудняешься в диагнозе? – не удержался я. – СПИД, сифилис...

– Все старо... – вздохнул Котя. – Я тут для одной газетки письмо пишу, исповедь мужика, который вел разгульную половую жизнь и в результате пострадал... Ну не сифилисом же он заразился! И не СПИДом... Старо все это и скучно...

– Ты что-нибудь из личного опыта вставь... – ехидно сказал я. – Не знаю, старик. Дома мог какую-нибудь книжку глянуть, а на память... я-то сам не врач.

Котя зарабатывал на жизнь довольно оригинальным методом – он писал рассказы для «желтой» прессы. Якобы документальные. Всякие там исповеди матерей, согрешивших с сыновьями, терзания голубых, влюбившихся в мужика с нормальной ориентацией, записки зоофилов, восплававших страстью к дикобразам, признания несовершеннолетних девочек, которых соблазнил сосед или учитель. Все это дерьмо он гнал километрами в тот период, когда его бросала очередная подруга. Когда же половая жизнь Коти налаживалась, он переходил на сенсационные материалы о летающих тарелках, духах и привидениях, личной жизни знаменитостей, масонских заговорах, еврейских кознях и коммунистических тайнах. Ему было в принципе все равно, что писать, существовало лишь два периода – о сексе и не о сексе.

– Ладно, – поморщился Котя. – Пусть будет СПИД... в конце концов...

Я подошел к компьютеру, посмотрел на экран. Покачал головой:

– Котя, ты хоть сам понимаешь, чего пишешь?

– А? – насторожился Котя.

– Ну что это за фраза? «Хотя ей было всего шестнадцать, развита она была как семнадцатилетняя»?

– Чем плохо? – насупился Котя.

– Ты хочешь сказать, что шестнадцатилетнюю девчонку можно от семнадцатилетней отличить? По степени развитости?

Котя промычал что-то невнятное. Потом изрек:

– Замени там «семнадцатилетняя» на «двадцатилетняя».

– Сам заменишь. – Я вернулся к столу. – Ну сколько можно эту чушь писать? Ну сочини эротический роман, что ли. Большой, серьезный. Все-таки литература. Может, «нобелевку» получишь или «букер».

Котя вдруг опустил глаза, и я с удивлением понял, что попал в точку. Сочиняет он что-то такое... серьезное. Или собирается.

В принципе Коте достаточно было хорошим языком описать свою жизнь, чтобы получилось вполне занятное чтение о нравах московской богемной и около нее молодежи. Но это я говорить уже не стал, решив, что на сегодня лимит дружеских подколов выбран.

– У меня беда, Котя, – сказал я. И сам удивился, как легко это прозвучало. Правдиво. – Случилась какая-то сумасшедшая история...

Слова полились сами собой. За рассказом мы почти допили коньяк, Котя несколько раз снял и протер очки, под конец вообще убрал их на телевизор. Пару раз он что-то уточнял, один раз все-таки не выдержал и спросил: «А ты не гонишь?»

Когда я закончил, был уже двенадцатый час.

– Ну ты и попал, – произнес Котя тоном врача, выносящего предварительный, но весьма нерадостный диагноз. – Никаких документов?

– Никаких.

– Ты... точно там паспорт не терял... документов? Может, тайком квартиру перепродали, эту стерву вселили...

– Котя! Она утверждает, что живет там три года! И по документам – три года!

Котя кивнул и сказал:

– С первого взгляда – похоже на обычное квартирное кидалово. Но... за один день сменить обои, кафель... что там еще?

– Линолеум...

– Ага. А также перекрутить смесители, вытащить мебель, поставить новую... и еще создать обжитую обстановку, тапочки там раскидать, лифчики развесить... Кирилл, единственная разумная версия – ты врешь.

– Спасибо.

– Подожди. Я же говорю – разумная версия! Теперь – неразумные. Первая – ты сошел с ума. Или ушел в запой. Квартиру продал неделю назад, когда тебя Анька бросила, и забыл про это.

– А еще я подделал документы, чтобы квартира казалась проданной три года назад!

– Давай для начала убедимся, что еще вчера все было в порядке. Кто-нибудь у тебя в гостях был?

– Нет. – Я покачал головой. – Постой, был! Игорек вечером забегал. Выпросил диск один посмотреть.

– Какой диск?

– Не эротический, – вновь не удержался я. – Мультики

японские.

– А какой Игорек?

– Да не помню я его фамилию, Игорек и Игорек... пацан такой шустрый, у нас в фирме работал, потом к врагам ушел... да знаешь ты его! Он тебе компьютер собирал и ставил!

– Это который все от армии косит? – усмехнулся Котя. – Помню. Номер его есть?

– У меня телефон сел.

– У тебя же «Нокиа»? Возьми мою зарядку, они все стандартные. Счет на электричество я тебе потом выставлю. – Котя хихикнул.

Я достал трубку, подключил зарядник – и в самом деле удобно, что на разных моделях один и тот же разъем, – порылся в записной книжке.

– Вот. Ну и что?

– Набирай.

Котя забрал у меня трубку, опасно откинулся на табуретке – впрочем, у него все было схвачено, спиной он оперся о стену. И тут же бодро воскликнул:

– Игорек? Привет, дорогой. Это Котя. Которому ты год назад компьютер ставил. Друг Кирилла.

Он подмигнул мне, и я стал откупоривать принесенную с собой бутылку.

– Да, конечно, поздно. Извини. Но очень важный и неотложный вопрос. Ты вчера был у Кирилла? Какая еще «Служ-

ба доставки Кики»? Нет, не интересуюсь. У меня другой вопрос – он по-прежнему живет в Медведково? Все там же? Не был раньше? Однушка у него, верно? Однокомнатная, говорю! Ага. Разгрома в квартире не было, ремонта, следов переезда? Ну надо, очень надо! Ага. А пес у него есть? Славный пес, говоришь? А он вчера Кирилла не кусал? Нет, почти не пьян. Слушай, Игорек, скажи своей бабе, что если мужики разговаривают, то мешать не надо! Даже если она в постели и тебя ждет... Чего?

Котя молча отдал мне трубку. Покачал головой:

– Учишь молодежь, учишь... просвещаешь сексуально... все равно баб не воспитывают! Да. Но свидетель, как я понимаю, у тебя есть. Вчера ты еще там жил. И пес твой держал тебя за хозяина, а не за тварь дрожащую.

– Котя, я тебе найду еще десяток свидетелей. Ромка Литвинов три дня назад заходил, мы пивка попили. А он у меня часто бывает. Еще кто-то был... Ты пойми, я не спятил. В моей квартире живет чужой человек. И все выглядит так, будто она живет там уже давно.

– Говоришь, баба некрасивая? – небрежно спросил Котя.

– На даму никак не тянет.

– Чего только не сделаешь ради друга, – вздохнул Котя. – Где она работает?

– Менту сказала, что продавщицей на Черкизовском рынке... обувью торгует...

– Ужас какой, – вздохнул Котя. – Страх и ужас. Давно я

не обольщал продавщиц. Но свежие штиблеты мне не помещают.

— Ну ты даешь, — только и сказал я. — Только чем это поможет?

— Хотя бы выясню, кто такая.

В способности Коти увлечь блеклую мошь Наталью Иванову я не сомневался. И никакой жалости к аферистке не испытывал. Но мне этого было мало.

— Хорошо. Спасибо. Но что мне еще делать, посоветуй? Может, в прессу обратиться?

Котя фыркнул. О прессе он был очень низкого мнения.

— Завтра с утра ты на работу не идешь. Ну, звонишь шефу, отпрашиваешься... Двигаешь по маршруту жэк — нота-риус...

— Давно уже не жэки, а дэзы...

— Какая разница? В общем — обходишь все, где могут быть документы о твоём существовании в бывшей квартире.

— Скажешь еще раз «бывшей» — получишь в лоб, — мрачно сказал я.

— Извини. В будущей. — Котя ловко увернулся от нарочито медленного замаха. — В настоящей, настоящей... В общем, ты все обходишь, не забыв и про телефонный узел.

— О, точно, — оживился я.

— А потом, когда ты нигде не обнаруживаешь своих документов...

— Почему нигде? — Я мигом протрезвел.

– Кирилл, судя по размаху аферы, за тебя взялись всерьез. Я не понимаю, кто и зачем, но устраивать в квартире скоростной ремонт и делать фальшивые документы, не изъязвляя настоящих, – глупо. А твои неведомые враги – не глупцы! И так, документов ты не находишь. После этого идешь к юристу. Хорошему. Очень хорошему, если деньги есть, а не в рядовую юридическую консультацию. Если денег нет, я могу занять... ну, полштуки точно займу.

– Спасибо, – только и сказал я. – Ничего, деньги есть. У меня на карточке почти штука, да и у родителей... в общем, знаю, где их заначки.

– Хорошо. Юрист даст тебе мудрые советы. Я тем временем попробую познакомиться с этой ба... – Котя сделал над собой усилие и мужественно сказал: – ...дамой. Вряд ли они ожидают такого хода.

– Они?

– А что, она похожа на бога Шиву? Одной парой рук кафель клала, другой – обои клеила, третьей линолеум стелила? Точно хочу познакомиться с затейницей... Да! Об удивительном ремонте! Еще ты идешь в строительную фирму. Хорошую фирму, серьезную. Попытайся выглядеть психом при деньгах. И пытай их насчет того, можно ли в однокомнатной квартире за восемь часов сделать ремонт. Вот именно то, что у тебя в квартире изменилось, и перечисляй. Скажи, что хочешь сделать сюрприз жене... какой жене, кольца ты не носишь... подруге. Или еще чего скажи. Нет, с подругой

правдоподобнее всего будет. Очень важно, что они скажут...

Котя оживлялся на глазах. И виной тому явно был не коньяк, а ситуация, в которую я влип. Вот так всегда в жизни – твои проблемы доставляют развлечение даже самым лучшим друзьям!

– Я в прошлом году унитаз менял, – рассказывал он. – Так... раскокал по дурости... Хорошего мастера нашел, непьющего, пожилого. В сантехнике ведь как?

На всякий случай я неопределенно кивнул.

– Опыт нужно иметь! Опыт – главное, – заявил Котя. – Так вот старый опытный мастер целый день провозился. С восьми утра и до десяти часов вечера. Я извелся, он сам страдал... у хороших мастеров примета есть – пока унитаз не закончишь ставить, в туалет нельзя ходить. Зато уж потом обновить его по полной программе – их святое право и обязанность... Четырнадцать часов! На один унитаз! А у тебя весь ремонт за восемь...

Из кухонного шкафа Котя достал сигареты и пепельницу. Я кивнул, хотя курил так же редко, как и он. Спичек Котя не нашел, мы прикурили от газовой плиты с автоподжигом.

– Как ты унитаз-то рассадил? – спросил я.

– Говорю же – по дурости. Знаешь, есть такие китайские хлопушки, маленькие, будто спички. Чиркнул, бросил – она взрывается. Под Новый год дети ими на улице балуются...

– Ну?

– Я летом с друзьями ходил купаться. Завалялась коробка

этих хлопнушек, я и стал ими бросать в воду. Они не гасли, а в воде взрывались... прикольно так. Друзья очень веселились. А домой приехал, решил показать... одной дамочке... что эти хлопнушки в воде продолжают гореть. Не наливать же ванну? Я бросил одну в унитаз... хорошо, что дверь прикрыл. Грохот – и унитаз на кусочки! Только труба торчит, а края – острым венчиком...

– Гидродинамический удар, – сказал я. – Взрыв в жидкой среде в замкнутом пространстве. Думать надо было.

Котя не спорил. Вздохнул, затянулся сигаретой. Сказал:

– Вот еще что... Очень меня волнует твой пес. Крайне волнует.

– И мент то же самое говорил...

– Прав был мент. Стены можно перекрасить. Люди могут соврать. Собака не предаст никогда...

Некоторое время он молча курил. Потом с удовольствием повторил:

– Люди могут обмануть. Собака никогда не предаст... Надо вставить в рассказик про зоофила...

– Сволочь ты гнусная, – сказал я. – Точно писателем станешь. Из человеческой беды сюжет делаешь!

– Не из человеческой беды, а из собственной удачной фразы, – возразил Котя. – Пока все. Буду думать, но больше ничего посоветовать не могу. Расскажи лучше, что у тебя с Анькой?

– Да ничего. Ей хочется стабильности, уверенности. В об-

щем — кольца на пальце.

— А ты против? Пора и остепениться. Четверть века прожил, а до сих пор болтаешься менеджером в торговой фирме, запчастями к компа́м торгуешь... Это что — работа? Да это все равно что сказать: «Моя работа в ОТК, презервативы надуваю!» Тебе нужна хорошая работа, верная жена, ребенок какой-нибудь заваливающий...

Я вытаращил глаза.

— Да шучу, шучу, — пробормотал Котя. — Не мне тебя учить. А все-таки жаль, что ты с Анькой расстался, она мне нравилась.

Кажется, он не шутил. Я подумал и плеснул коньяк по рюмкам.

— Мне тоже жаль, Котя. Но так уж сложилось.

— Анька-то свидетелем выступит, если что?

— Выступит, — уверенно сказал я. — Мы, в общем, не разругались, по-интеллигентному разошлись.

— Когда интеллигенты расходятся, тут-то самая грызня и начинается... ни один сантехник такого не учудит.

— Дались тебе эти сантехники... — пробормотал я. — Наливай лучше...

Мы просидели еще часа два. До третьей бутылки, слава Богу, дело не дошло. Но и к концу второй мы развеселились изрядно. Происшествие с квартирой окончательно превратилось в приключение. Котя рассказал историю своего дальнего родственника, путем хитрых обменов, разводов и схож-

дений превратившего две однокомнатные на противоположных концах Москвы в четырехкомнатную «почти в центре». История почему-то показалась нам очень смешной, мы хохотали в голос, и даже когда Котя сообщил, что в результате перенапряжения сил его родственник схватил инфаркт, его бросила жена и теперь он, как дурак, сидит один в большой квартире, больной и никому не нужный, это нас не огорчило.

По этому поводу Котя заметил, что самое главное в жизни человека – исполнить свое предназначение, об этом даже писал великий мыслитель Коэльо. Видимо, предназначение родственника в том и заключалось, чтобы совершить этот грандиозный обмен. А по сравнению с исполненным предназначением и потерянное здоровье, и утраченная жена – мелочи жизни.

Потом Котя постелил мне на диване и вернулся к своему недописанному произведению. Я уронил голову на подушку, сообщил, что сна нет ни в одном глазу, и мгновенно уснул под ровное постукивание клавиш.

Встал я рано, на удивление свежим и бодрым. Припомнился старый анекдот о том, что в двадцать лет всю ночь пьешь и гуляешь – утром встаешь бодрый, в тридцать лет всю ночь пьешь и гуляешь – утром встаешь и чувствуешь, что всю ночь пил и гулял, а в сорок всю ночь спишь – а утром встаешь, будто всю ночь пил и гулял. Поскольку я пока был между двадцатью и тридцатью, то у меня ночь на ночь не приходилась.

Эта выдалась удачной.

Котя еще дрых. Я принял душ, вычистил зубы намазанным пастой пальцем, порылся в холодильнике и сделал себе пару бутербродов с докторской колбасой. Ждать, пока работник умственного труда и вольного графика проснется, не было никакого желания. Хотелось действовать. Хотелось бороться и искать, найти и не сдаваться. Я заглянул в спальню.

Котя спал на широкой двуспальной кровати, сиротливо прижавшись к стенке. Я потряс его за плечо.

– Вставайте, граф!

Замычав, Котя открыл глаза. Удивленно уставился на меня.

– Пошел я. Правду искать. По дэзам, нотариусам и прочим адвокатам. Дверь закрой.

– А... Кирия... – Котя потер переносицу. – Что-то мы вчера

изрядно кирнули...

Ненавижу глупые каламбуры! Даже с похмелья.

– На Черкизовский заедешь?

– На даму посмотреть? Помню, помню... – Котя крикнул и сел на кровати. – Ладно, давай двигай... Я тоже вставать буду.

– Работу-то закончил? – спросил я.

– А как же... «Девочка и ее пес». – Котя встал и вслед за мной двинулся в прихожую. – Отличная история вышла, душещипательная... В малолетстве девочку соблазнил родной дядя, потом изнасиловали все одноклассники по очереди, потом она работала в борделе на Мальте, потом вернулась в Россию и занялась разведением мальтийских овчарок... тут-то и нашла свою любовь...

– Балда! – не выдержал я. – Мальтийских овчарок в природе не существует! Есть мальтийские болонки!

– Это ты у нас собаковод, тебе и положено знать, – не смутился Котя. – А рядовому читателю по барабану – что мальтийская болонка, что йоркширский терьер... Зато какова финальная фраза: «Люди могут соврать. Собака не предаст никогда!»

– Ну-ну. «Букер» тебе обеспечен, – сказал я, выходя за дверь. Вспомнил Кешью, и настроение как-то сразу упало.

Следующие четыре часа я провел в разъездах. Поймал машину с водителем-кавказцем, как нынче принято в Москве.

Рыдван у него был покрепче обычного, да и сам водитель мне понравился, так что я сразу договорился с ним «на время» и принялся мотаться по городу. Дзэ, нотариус, отдел регистрации жилого фонда... все те места, куда по доброй воле не пойдешь. Но мне сегодня отчасти везло. Почти всюду я проходил без очереди, почти все бюрократы «входили в мое положение».

Котя оказался прав.

Все документы на квартиру были выписаны на имя Натальи Степановны Ивановой.

Я не устраивал скандалов. Выписаны – и выписаны. Вряд ли стоило восстанавливать против себя мелких клерков. Вначале надо составить полную картину происходящего.

Последней точкой был Останкинский телефонный узел. Телефон тоже принадлежал гражданке Ивановой.

И вдруг меня посетила неприятная догадка. Я попросил водителя остановиться у офиса МТС на проспекте Мира, подошел к окошечку кассы и назвал свой номер.

– Фамилия, – скороговоркой сказала барышня.

– Максимов.

– Неверно, – холодно ответила девушка. – Повторите еще раз номер.

– Фамилия – Иванова, – предположил я. – Забыл совсем, ведь жена оформляла...

– Сколько будете класть денег?

– Сто рублей, – мрачно сказал я.

Итак, меня лишили даже мобильного. Казалось бы – невелика потеря. В любом ларьке купи пакет «Би+» или «Джинс», а то и просто оформи новый контракт. Что там у меня на счету лежало? Рублей пятьсот, не больше...

Ужасало другое. Они все продумали! Они не упустили даже такой мелочи, как контракт на мобильный телефон!

Неужели они не упустили совершенно ничего?

– Давай в поликлинику, – велел я водителю. – Это здесь, рядышком...

Поликлиника была самая обычная, «совковая». Старая, вечно ремонтируемая, с огромными очередями из кашляющей молодежи и охающих старушек. Молодежь приходила за больничным, старушки – за общением. Лечиться здесь стоило, только если вас не волнует результат. Я и сам стоял на учете лишь ради редких больничных «по гриппу».

Моей тощей карточки не нашлось. Была карточка гражданки Ивановой – пухлая, растрепанная. Видимо, она любила лечиться...

Выйдя из поликлиники, я постоял, глядя на терпеливо ожидающего водителя. Куда податься бомжу? Впрочем, у меня еще не так все плохо. Можно к маме с папой, можно к друзьям, можно на работу...

– Четвертый час кончается, – предупредил водитель.

– Дальше я пешком, – сказал я. – Тут рядом.

Заплатил восемьсот рублей – вполне по-божески, исходя из московских расценок.

– Давай уж подброшу, – сказал водитель. – Просто так.

Наверное, если бы я рассказал ему свою историю, он бы меня понял. Водитель был мингрел, бежавший во время войны из Абхазии. У него тоже где-то был дом, который теперь ему не принадлежал. И он даже не мог его увидеть – «в Абхазии меня сразу убьют».

А я мог посмотреть на свой бывший дом.

– Спасибо, – отказался я. – Пройдусь немного. Я тут рядом живу.

Водитель уехал, я двинулся к дому. По пути купил пачку сигарет – нервы все-таки пошаливали. Черт с ним, со здоровьем, когда вся жизнь рушится!

Некоторое время я бродил у дома, покуривал и разглядывал занавески. Чужие занавески... я вообще их не вешал, предпочитал жалюзи.

Потом вошел в подъезд, поднялся, постоял у двери. Тихо. Кешью, наверное, дрыхнет на диване...

Я достал связку ключей. Открыл первый замок.

А вот второй не смог. Пригляделся – и увидел, что в замке стоит новенькая личинка.

– Что творим? – раздалось со спины.

Я обернулся – по лестнице поднимался сосед.

– Петр Алексеевич, это же я, Кирилл! – воскликнул я.

– А... – Он кивнул. Остановился у своей двери. – Сменила она замок утром. Сама сменила, рукастая дама...

При слове «дама» мне сразу вспомнился Котя.

– Что же это делается? – спросил я. – Отобрали квартиру... представляете, все документы выписаны на нее! Везде!

Петр кивнул. Достал ключи, стал отпирать свою дверь. Потом сказал:

– Честно говоря, сосед, я твоих документов никогда не видал...

Это было как удар под дых. Я не нашелся, что ответить. А тут еще хлопнула вторая дверь, и высунулась стервозная бабка Галина.

– Кто такой, что тут ходит? – спросила она у Петра Алексеевича, начисто меня игнорируя.

– Кирилл же это, сосед... бывший... – буркнул Петр.

– Какой еще Кирилл? Какой еще сосед? Здесь Наташа Иванова живет! – злобно сказала бабка.

– Старая ты дрянь... – не выдержал я. – Совести нет, так о Боге подумай, скоро уже встреча предстоит.

– Сейчас милицию вызову! – юркнув к себе, выкрикнула бабка. И принялась бесноваться за дверью.

– В милицию тебе попадать точно не с руки, – сказал Петр, входя в свою законную квартиру. – Выпить хочешь?

Я молча стал спускаться по лестнице. Ждать лифт я не мог, слишком уж бурлил адреналин в крови.

Куда теперь? Строительная контора... и кинолог. Начнем с кинолога.

Достав телефон, я отыскивал номер заводчицы, которой не звонил уже года два. Взяла она не сразу: судя по голосу, я

ее оторвал от дел. Впрочем, заводчикам породистых собак звонят непрерывно.

– Полина Евгеньевна? – нарочито бодро спросил я. – Это Кирилл Максимов, помните? Я у вас покупал Кешью.

– Кешью... Кешью... – пробормотала Полина Евгеньевна. Как и все заводчики, она помнила скорее собак, чем их владельцев. – Помню, славенький кобелек... Вы его развязать решили? Или приболел?

– Да нет, все в порядке, – соврал я. – Я у вас проконсультироваться хочу, если можно. У моего хорошего друга с собакой проблема случилась.

– Только коротко, – сразу же расставила акценты Полина Евгеньевна. Консультировать друзей бывших клиентов, конечно же, не входило в ее обязанности.

– У него тоже скай, хороший молодой песик, – сказал я. – И вот он внезапно перестал хозяина признавать. Совершенно случайную девушку теперь воспринимает как хозяйку, а на друга рычит, лает, чуть ли не укусить готов. Почему такое могло случиться?

– Совсем не воспринимает? – заинтересовалась заводчица.

– Совсем! Как на чужого смотрит! А девчонку эту слушается прекрасно!

– Вы пса не наказывали? – спросила Полина Евгеньевна, давая понять, что моя жалкая хитрость про «друга» не работала.

– Да нет, как можно, – пробормотал я.

– Он же у вас не кастрирован? Может быть, у девушки сейчас... критические дни... – замялась Полина Евгеньевна. – А пес молодой, активный, вот и ластится к ней. Но то, что он перестал воспринимать вас как хозяина...

– Моего друга!

– Хорошо, хорошо. Вашего друга. Так вот вы передайте вашему другу, что скай – порода очень эмоциональная, интеллигентная и в ответ на грубое обращение может обидеться. Даже на хозяина. Надо быть ласковее с собакой. Может быть, даже извиниться перед ней. Они ведь все понимают, совсем как люди! Не поверите, был у меня случай...

– То есть такое возможно? – прервал я Полину Евгеньевну.

– Я, честно говоря, не сталкивалась, – сухо сказала заводчица. – Но все когда-нибудь случается в первый раз. Доброта и забота, запомните! Добротой и заботой можно от собаки добиться всего, а вовсе не силой и командным голосом! Собаки – они как люди, только еще лучше. Они в отличие от людей не предадут!

– Спасибо большое... – промямлил я. – Так и скажу другу...

– Вот так и скажите! И супруге привет большой передавайте... Наташа, кажется, ее зовут?

Я похолодел. Мне показалось, что в трубке я слышу шуршание бумаг.

– Вы ошиблись, я не женат.

– Ну как же не женаты? Вот у меня все записано: Кешью фон Арчибальд, кобель, владелица – Наталья Иванова...

– Да, вы правы, – сказал я. – Простите за беспокойство. До свидания.

Они не упустили ничего! Они подменили документы даже в квартире заводчицы!

И ради чего? Ради однокомнатной квартиры в старом панельном доме?

Бред, чушь, нонсенс!

Я присел на скамейку. Достал еще одну сигарету. Повертел в руках трубку. Чужой телефон, чужая квартира, чужая собака. А если это все – только начало? Чего меня еще можно лишить?

Родных. Друзей. Работы.

Я набрал номер розничного отдела своей фирмы. Занято. Что ж, обычное дело. Звонят всякие пионеры, ищут крутую видеокарту подешевле... Номер босса.

– Слушаю...

– Валентин Романович, добрый день!

– Добрый.

– Это Кирилл Максимов вас беспокоит. Менеджер розницы.

– Из какой фирмы?

Телефон едва не выпал из моих рук.

– Из вашей! Из «Бит и Байт»!

Пауза. Шепоток – будто микрофон прикрыли рукой. Шеф в технике полный ламер, никак не научится пользоваться кнопкой отключения микрофона. Мне показалось, что я услышал: «Кирилл Максимов у нас работает? На рознице?» Потом шеф тем же вежливым тоном спросил:

– Да?

– Я сегодня не могу прийти на работу, Валентин Романович. Тут сложились такие обстоятельства...

Снова пауза и шепоток сквозь ладонь.

– Э... Кирилл Максимов?

– Кирилл, – обреченно сказал я.

– Где вы, говорите, работаете?

– В розничном отделе. Менеджер по продажам. Спросите Андрея Исааковича!

– Андрей Исаакович, – нарочито громко спросил шеф. – Работает у вас Кирилл Максимов?

– Нет, – донесся ответ старшего менеджера розницы. – Валентин Романович, я вам все время говорю – у нас не хватает одного человека! Ну трудно втроем с нашими объемами, просто совсем невозможно!

– Э... Кирилл Максимович... – сказал шеф.

– Кирилл Максимов!

– Кирилл Максимов. Я не совсем понял смысл вашей шутки, но если вы хотите работать в нашей фирме и имеете опыт...

– Имею. Три года работы.

– Где?

– В «Бите и Байте!» – крикнул я и прервал связь.

Меня колотило мелкой дрожью. Это уже не бумажки. Меня не узнал Валентин Романович? Пускай. Не так уж часто я с ним вижусь. Но вот Андрюшка Ливанов, с которым вместе было и выпито технического спирта, и пролито трудового пота...

Бумаги можно подменить. Если уж решили отнять квартиру.

Людей можно подкупить... или запугать. Если уж задаться целью затравить меня.

Но откуда у шефа и Андрюшки подобные актерские способности? Андрей у нас хоть и Ливанов, да не тот. И выдать импровизированную горестную речь о нехватке менеджера он никак не мог!

Руки тряслись, и виной тому была не вчерашняя пьянка. Я огляделся. Мой двор. Мой, понимаете? Мой! Эти скамейки и карусели на детской площадке, свежевыкрашенные ко дню города, – они мои! Этот дворник, сгребаящий мокрые осенние листья, – мой! Этот магазинчик на углу, где я покупаю хлеб, колбасу и пельмени, – тоже мой! Все вокруг привычное и уютное, даже лужа в узком проходе между нашим и соседним домом – моя, обжитая, сто раз в ней промокали ноги, а однажды я поскользнулся и шлепнулся в нее – совершенно по-клоунски размахивая руками, пытаюсь удержаться от падения, но все-таки приземлившись на мягкое место.

Анька тогда хохотала будто ненормальная, я, глядя на нее, тоже принялся смеяться – сидя в луже, и проходившая мимо бабулька высказала все, что думает о пропившей стыд и совесть молодежи...

Я набрал номер Ани.

– Кирилл, не звони мне, хорошо? – раздалось в трубке. – Я не хочу больше с тобой общаться. Правда не хочу.

Отбой.

Наверное, наши отношения и впрямь иссякли. Я не огорчился. Я обрадовался! Анька узнала мой номер, она помнила меня!

Что же происходит?

Я уселся поудобнее, с улыбкой кивнул дворнику – тот меня не узнал и на кивок не ответил. И принялся обзванивать друзей, знакомых и деловых партнеров – всех подряд по записной книжке телефона, начиная с менеджера Ашимова, у которого иногда закупал железяки для фирмы, и кончая папиным знакомым, стоматологом Яблонским, полгода назад ставившим мне очередную пломбу.

Через полчаса, почти посадив телефон, я закончил обзвон.

Картина вырисовывалась странная... впрочем, нет, странная – это если бы в ней начисто отсутствовали закономерности. А здесь они имелись.

Случайные знакомые вроде Яблонского или менеджеров крупных оптовых фирм меня забыли начисто. Приятели,

с которыми связывали более-менее личные воспоминания, вспоминали не сразу, но после какого-нибудь «Лешка, ты что, опух? Мы на прошлой неделе вместе пиво пивали в «Граблях»!» вспоминали и начинали смущенно извиняться, ссылаясь на выбившую всю память работу или последствия вчерашнего пьянства. Пятеро вспомнили меня сразу – Котя, хотя тут, вероятно, сказывалось недавнее общение, три девчонки, отношения с которыми были более чем теплыми, и, совершенно неожиданно, один паренек из конкурирующей фирмы. С пареньком этим я общался не слишком уж часто... было в нем что-то такое... голубоватое, что ли...

Я крикнул. Вот те на! История почти как в Котиных рассказах. Парень-то, похоже, и впрямь гей! А я, видимо, ему симпатичен. Вот потому и помнит...

Почему-то мысль о том, что я являюсь объектом сексуальных фантазий голубого, меня потрясла больше, чем охвативший моих знакомых склероз. Я встал, дошел до магазинчика и купил пива. Продавщицы меня не узнали. Вернувшись на скамейку, я попытался сосредоточиться. Фиг с ним, с парнем, положившим на меня глаз. К вечеру и он меня забудет начисто, пра-а-ативный.

Потом, наверное, забудут те девчонки, с которыми у меня были романы.

Что дальше?

Без работы. Без квартиры. Без друзей.

Паспорт? Ну и что с того? Фальшивый. На рынке купил.

А родители?

Не вызовут ли они милицию, обнаружив меня в своей квартире?

Я набрал папин номер. Вслушался в щелканье и потрескивание мирового эфира.

– Да? – весело откликнулся папа.

– Привет, это Кирилл, – сказал я.

– Кто-кто? – не понял отец.

– Кирилл! Ты что, родного сына не узнаешь?

– Да слышно тебя плохо, Кириллка, – добродушно отозвался отец. – Не мобильная связь, а полевая почта... Как дела? Трудишься?

– Тружусь, – ответил я, отхлебывая пиво.

– Мать спрашивает – не болеешь?

– Здоров как бык...

– Все в порядке? Ничего не случилось?

Так и подмывало ответить – «выгнали с работы, отобрали квартиру, а друзья меня забыли».

– Все зашибись! Как отдыхаете?

– Хорошо отдыхаем. Турки облизывают со всех сторон, но так и норовят лизнуть в бумажник, – весело ответил отец. – Зря не поехал.

– Зря, – согласился я.

– Ты просто так звонишь, что ли? Соскучился?

– Ага.

– Ну, через три... через четыре дня приедем. Мать тебе

уже сувениров накупила.

Я кивнул. Пара футболок с надписями вроде «Турция – страна веселых девочек», ритуально привозимая с морей ракушка, бутылка какой-нибудь анисовой турецкой настойки.

– Пока, Кирилл, – продолжил отец. – У меня там денег на счету немного, а роуминг прожорливый.

– Положить тебе? – спросил я.

– Да ладно, не надо. Пока!

– Пока, папа, – сказал я.

Почему-то на душе было нехорошо. Вроде и узнали меня, и подарки везут...

Не было уверенности, вот оно что. Еслихватило суток, чтобы меня забыли все приятели, то родителям на это понадобится больше времени. Куда больше. Может быть, целая неделя. Но рано или поздно – я был почти уверен – забудут и они. Будут с удивлением наткаться на мои фотографии... впрочем, кто поручится, что фотографии не исчезнут? Или вместо них окажутся совсем другие снимки?

Что делать?

– Мне нужен специалист, – пробормотал я. И сам себе кивнул. Да, мне нужен специалист. Человек, понимающий хоть что-нибудь в происходящем. Мент? Вряд ли. Адвокат? Да ни в жизни. Экстрасенс? Может быть. Творится что-то совершенно невообразимое. Экстрасенс... или священник?

Я смущенно потрогал крестик, висящий на груди. Формально я – человек православный. И крещенный не в дет-

стве, а во вполне сознательном возрасте. То есть как бы осознанно. В церковь захожу... порой... Раз в год даже к исповеди прихожу. Может, и впрямь – настала пора за помощью бежать к Богу?

Ой беда какая... С Богом все сложно, на личную аудиенцию рассчитывать не стоит. Придется идти к его земным представителям. И что подумает любой здравомыслящий священник, а ведь они по большей части очень даже здравомыслящие, когда я расскажу ему свою историю?

Правильно. Больной человек. В крайнем случае – одержимый. Меня, конечно, будут утешать. Посоветуют молиться. Возможно, даже вместе со мной помолятся.

Но всерьез, конечно же, никто не поверит. Разве что совсем уж нездравомыслящий батюшка. Но такой помощи мне не надо.

На всякий случай я помолился. Стало чуть легче, как всегда, когда пытаешься переложить свою проблему на чужие плечи – и вроде как переключиваешь.

Однако совет мне требуется реальный – и в этой жизни. Я снова набрал номер Коти.

– Да? – отозвался герой литературного фронта.

– Привет. Это Кирилл.

– Э... Какой Кирилл?

Процесс прогрессировал... и прогрессия явно была геометрическая.

– Котя, я тебе звонил полчаса назад. Помнишь?

– Ну... – неуверенно начал Котя.

– Кирилл. Менеджер из фирмы «Бит и Байт». Мы же лет пять знакомы! Вчера вечером я к тебе приходил, мы две бутылки коньяка выхлестали!

Долгая пауза.

– Кирилл, ты можешь сейчас приехать? – спросил Котя.

– Да, – с облегчением ответил я.

– Приезжай. Только быстро. Что-то странное творится.

– Правда? Я тоже заметил, – ядовито сказал я, вставая со скамейки.

С транспортом мне сегодня везло. Я добрался до Коти минут через сорок. Позвонил в дверь.

Котя открыл не сразу. И уставился на меня с нескрываемым любопытством.

– Котя, это я, Кирилл, – сказал я. – Помнишь? Мы вчера...

– Квасили... – пробормотал Котя. – Пока помню. Входи.

И все-таки тарашился он на меня нехорошо. Не как на чужого, но как на очень, очень странного знакомого.

– Так ты помнишь? – уточнил я. – Происходит какая-то чертовщина. Стал звонить знакомым...

– Пошли к компу, – сказал Котя. – Прочитай, что там написано.

Я послушно прошел к компьютеру. На экране был открыт какой-то текст. Я вопросительно посмотрел на Котю.

– Читай с самого начала, – велел он, плюхаясь на диван.

Пролистав текст к началу, я послушно начал читать.

«Индивидуальная тренировка.

Семен Макарович, сорокалетний учитель физкультуры, внимательно смотрел на не по годам развитых восьмиклассниц, занимающихся в школьном спортзале. К нему подошла Юля и сказала:

– Никак у меня не получается сесть в шпагат.

– Значит, будет у тебя «тройка» в четверти, – ответил Се-

мен Макарович. – Гибкости у тебя не хватает.

Юля, признанная школьная отличница, побледнела.

– Только не «тройка», Семен Макарович! Неужели ничего нельзя сделать?

– Почему же? Можно. Зайди ко мне после занятий. Проведем с тобой индивидуальную тренировку по развитию гибкости...»

Я посмотрел на Котю. Тот поморщился:

– Это я халтурку одну делал, когда ты позвонил... дальше читай.

Занимательная история сорокалетнего учителя и негибкой отличницы и в самом деле оборвалась. Так мне и не удалось узнать, какими методами старый нимфоман собирался развивать и без того не по годам развитую школьницу. Зато дальнейший текст касался уже напрямую меня.

«Только что мне позвонил старый приятель Кирилл Максимов. Странное дело – я его не узнал. А ведь накануне мы с ним просидели весь вечер за бутылочкой коньяка...»

– За двумя, – уточнил я.

«Только когда он начал это напоминать, я его вспомнил. И вспомнил как-то странно. Вроде бы вчерашний день весь помню. И как работал, помню. И как выпивал с кем-то вечером – тоже. А вот с кем – совершенно из головы вылетело, пока Кирилл не позвонил. И лицо его с трудом вспомнил. И вообще – все, что с ним связано, в голове путается. Тут помню, а тут не помню».

– Слишком много «помню», – сказал я. – За стилем не следишь, литератор.

– Мне не до стиля было, – огрызнулся Котя. – Читай...

Далее Котя довольно подробно описал нашу вчерашнюю беседу и мои злоключения. Прерывался текст на фразе: «И у меня сильное подозрение, что если бы Кирилл позвонил на полчаса позже и я не успел записать этот текст, то я бы его уже не узнал».

Я вздохнул и повернулся вместе с креслом к Коте.

– Пока о тебе думаю, – уныло сказал Котя, – вроде бы все нормально. Помню и тебя, и все, что с тобой связано. А вот стоит отвлечься... Я отошел, кофе себе сделал. Вернулся, собирался продолжать про учителя физкультуры. Смотрю – на экране какой-то левый текст! Стал читать. Снова вспомнил. Но... как в тумане все.

– Котя, что происходит? – спросил я.

– Ты сам все помнишь? – с надеждой спросил он.

– Все. Это меня забывают. Родители вроде бы помнят, Анька... еще несколько девчонок...

– Те, с кем у тебя наиболее крепкий эмоциональный контакт, – заключил Котя.

– В смысле?

– Те, кто тебя постоянно вспоминает. Это не дает им тебя забыть... ну, быстро, во всяком случае. Мы ведь все постоянно всё забываем. Это нормально. Если информация лишняя, если не используется, то мозг ее стирает... ну или откла-

дывает куда-то в долгий ящик. У меня на компьютере такая же система стоит, периодически спрашивает: «Вы этой программой не пользовались уже полгода, она вам нужна или ее можно стереть?» Так что все нормально... только слишком быстро происходит. Будто у тебя склероз.

– При чем тут я? Я все помню. Склероз у моих друзей.

– Такого не бывает... – мрачно сказал Котя. – Слушай, Кирилл, ты хороший человек, очень мне симпатичен, но только я не собираюсь о тебе постоянно вспоминать. Ты это учти! А если вспоминать не буду – то забуду начисто. И никакие записки не помогут.

– Я от тебя подвигов не требую, – пробормотал я. – Хочешь – сотру твои писульки и уйду?

Котя некоторое время размышлял. Скорее всего чтобы потрепать мне нервы.

– Нет, погоди. Мне интересно. Ты сегодня чем занимался?

– Обошел толпу бюрократов... – начал перечислять я. Котя внимательно слушал, кивал. Потом спросил:

– В церковь не пробовал сходить?

Я вытращил глаза. Котя воинствующим атеистом не был, но и в Бога не верил.

– Ты чего?

– А чего? Я не атеист, я агностик. А любой агностик теоретически допускает существование высших сил. Раз уж пошла такая мистика...

– Нет, не ходил. Так... сам помолился... – с легкой стыд-

ливостью признался я.

– Надо сходить, – решил Котя.

– Точно?

– Точно. Потому что больше я никаких выходов для тебя не вижу.

Мы помолчали.

– Котя, мне нужна помощь, – сказал я наконец. – Может, и впрямь – мистика? У тебя нет знакомых экстрасенсов?

– Откуда?

– Ну... ты же сам, когда «не о», пишешь о всякой чертовщине... Общаешься...

– Чего? Да я с такими же охламонами и общаюсь! Ты думаешь, я хожу по шарлатанам-экстрасенсам, а потом о них пишу? Ты еще предположи, что я с овчарками трахаюсь, а потом это описываю... Все из головы, Кирилл! Все это гонимо на потребу публики! Нет никаких настоящих экстрасенсов... ну или я их не знаю...

– Тогда мне и впрямь только в церковь осталось пойти, – сказал я.

– Подожди. Знаю я, к кому пойдем.

Я вопросительно посмотрел на Котю.

– К Дмитрию Мельникову. А? Хорошо я придумал?

– А ты что, с ним знаком? – удивился я.

– О! И тебя склероз коснулся, – захихикал Котя. – Знаком. Не то чтобы очень, но Мельников – мужик внятный, компанейский. Только надо будет с коньяком прийти.

Дмитрий Мельников был человеком редкой профессии. Вот уже лет двадцать он работал писателем-фантастом и, видимо, на этом поприще преуспевал. Во всяком случае, жил знаток инопланетных чудовищ и отечественных вампиров в новом высотном доме на Кутузовском, с чистым подъездом и бравым дедком-вахтером, судя по выправке и въедливому взгляду, служившим раньше охранником в лагерях.

Квартиру Мельников имел огромную и богато обставленную, да и сам выглядел вполне благостным. Я всегда подозревал, что человек, герои которого зубами гнут арматуру, а пинком ноги прошибают бетонные стены, должен иметь не слишком-то геройское телосложение. Мельников и впрямь оказался человеком средних лет, среднего роста и средней плечистости – зато с изрядным брюшком.

Котю, однако, он принял вполне благосклонно. Я тоже был удостоен рукопожатия с властителем дум наивных подростков и романтических девиц.

– Проходите в кабинет, ребята, – демократично предложил Мельников. – Хотите – тапки надевайте.

Где-то в недрах квартиры звякала посуда, канючил что-то детский голос, тявкала собака. Но за массивными дверями кабинета сразу стало тихо. Что-то мурлыкал пижонский проигрыватель – весь прозрачный, так что было видно, как крутится внутри диск и перемигиваются наверняка ненужные, только ради эстетики понапиханные светодиоды.

– А внутри у ней неонка, – пробормотал я.

Мельников обрадованно уставился на меня:

– О! Как приятно встретить образованного человека! А то до чего дошло – классику никто не помнит. Прочитировал Стругацких без кавычек, сделал, так сказать, литературный комплимент – а читатели стали хвалить фразу как мою...

Настроение у меня было и без того не очень.

– По крайней мере у читателей хороший вкус.

Мельников замолчал. Кажется, решал, не стоит ли обидеться и выставить меня вместе с Котей.

Не выставил. Пробурчал:

– К вкусу бы еще общую начитанность... Ну как можно упереться в одного автора и читать только его? Пусть даже меня!

Котя хихикнул. Достал из пакета, на который Мельников уже успел покоситься, бутылку коньяка.

– Понятно, – сказал Мельников. Открыл шкаф, в котором оказался бар – и не пустой. Извлек бокалы. Поставил на стеклянный журнальный столик возле дивана. Подумал и спросил: – Как я понимаю, вы не только пить пришли?

– Очень нужна ваша помощь, – сказал Котя. – У Кирилла такая странная ситуация...

– Я не издатель, – быстро ответил Мельников. – Могу подсказать, куда обратиться с романом...

– Нет, что вы, Кирилл не пишет, – замахал руками Котя.

На лице Мельникова отразилось явное облегчение. Он

спросил:

– А чем я тогда могу помочь? Единственное, в чем я профессионально разбираюсь, – это литература. Конкретизирую – фантастика.

– История у Кирилла приключилась фантастическая... – начал Котя. – Да что я... Кирилл сам расскажет.

Писатель-фантаст без всякого энтузиазма посмотрел на меня. Я вздохнул, сел на диван, взял в руки бокал с коньяком и начал рассказывать:

– Вчера я пришел домой с работы. Живу один... ну, почти один, у меня собака есть...

Минут пять писатель откровенно скучал. Потом на его лице появилось легкое любопытство.

Странно – для того, чтобы пересказать самые наполненные событиями сутки из своей жизни, мне потребовалось всего четверть часа.

– Хорошая история. – Мельников плеснул себе еще коньяка. – Э... так это замысел вашего...

– Это случилось со мной на самом деле, – мрачно сказал я. Так и думал, что фантаст будет не лучшим советчиком. Фантасты в чудеса верят еще меньше, чем проститутки в любовь.

– Дмитрий Сергеевич, так и есть, – подтвердил Котя.

– Покажите мне ваш паспорт, – попросил Мельников.

Я пожал плечами – ну чем ему помогут мои документы, – но все-таки достал и протянул паспорт.

– Скажите, Кирилл Данилович... – изучая паспорт, сказал

Мельников. — А как вы довели документ до такого состояния? В вашей ситуации...

Выхватив паспорт, я уставился на страницу с фотографией. Паспорт как паспорт... Вот только... только очень бледный шрифт. И фотография — будто выцветшая. И страницы — хрупкие, пожелтевшие.

— Еще вчера он был нормальный, — сказал я. — Глянь...

Протянул паспорт Коте — тот с ужасом уставился на блеклые строчки.

— Любопытно, — сказал Мельников с нескрываемым удовольствием. — Дайте-ка сюда...

Он еще раз внимательно изучил паспорт. Пролистал. Хмыкнул.

— Чего еще? — спросил я.

— А вы знаете, Кирилл, что вы нигде не прописаны? — спросил Мельников.

Страница с пропиской и впрямь оказалась пустой. Как я ни смотрел на нее — под ярким светом лампы, у окна, под углом и на просвет, — никаких следов штампа не было.

— Тяжело в Москве без прописки, — вздохнул Котя. — Может, тебе временную регистрацию получить? Да шучу, шучу, успокойся!

Мне было не до шуток. Я спрятал паспорт в карман. Посмотрел на Мельникова.

— Итак, надо исходить из того, что ваш рассказ — правда? — спросил Мельников.

Я кивнул.

– И вы хотите моего совета... э... как человека, выдумывающего всякие неправдоподобные истории?

Я снова кивнул.

Мельников откинулся на спинку дивана, опер локоть на кожаную подушку. Задумчиво покрутил в руке бокал с коньяком.

– Если бы я был Стругацкий А и Бэ, – начал он, – то я бы придумал так... Я бы придумал, что вы – человек совершенно ненужный в жизни, никчемный... вы уж только извините, это все для примера...

– Ничего, продолжайте, – попросил я.

– И вот сама жизнь, сама реальность принялась вас исторгать из мироздания. Постепенно стираются все ваши следы – вначале бюрократические бумажки, потом воспоминания случайных знакомых, потом воспоминания друзей и родных... И кончилось бы это... – Он на миг задумался. Потом кивнул: – Кончилось бы это тем, что вы истаяли бы, превратились в неощутимого и забытого всеми призрака. Примерно так.

– Спасибо, – сказал я, чувствуя странную сухость во рту. – А можно иные варианты?

– Конечно! – радостно откликнулся Мельников. – Будь я Глобачёв, я бы предположил, что на Землю вторгаются инопланетяне. Таким хитрым образом они очищают себе плацдарм – вытесняют человека из жизни, стирают память о нем,

подменяют бумаги... и ваше место занимает агент враждебной цивилизации. Кончилось бы все тем, что вы вступили бы с ними в борьбу, проникли бы на их планеты – и надавали всем по полной программе.

Эта версия показалась мне более оптимистичной. Но в свои способности устрашать инопланетных захватчиков я не верил.

– Будь я Заров, – продолжал Мельников, – то вы бы были маленьким мальчиком или наивным юношей. И вас бы испытывала на стойкость инопланетная цивилизация – не такая злая, как у Глобачёва, но тоже недобрая. Вы бы повзрослели и закалились в борьбе, надавали бы всем по полной программе, по случаю обрели всемогущество – но отказались бы от него по невнятным причинам.

– Тут я уже пролетел, – сказал я. – По возрасту. Дальше?

– Будь я Велесов, – задумчиво произнес Мельников, – то подобным образом вас готовили бы к переходу в иной мир – откуда вы и прибыли в младенчестве. А в мире том много разных богов, монстров и волшебников. Вы, пожалуй, были бы сам из рода богов или героев. И...

– Всем бы надавал, – догадался я. – И занял подобающее мне место.

– Ага. Но потом бы обнаружили, что существуют еще более крутые боги. И принялись бы воевать с ними...

– Еще версии? – спросил Котя. Похоже, он любил фантастику – потому что сейчас довольно лыбился, глядя на Мель-

никова.

– Будь я Охотников – то я бы ничего объяснять не стал. – Мельников злорадно улыбнулся. – Вам бы навалили все кому не лень. Вы бы просто очень долго страдали, а потом поняли, что жизнь придется начинать с чистого листа. И заново добились бы всего в жизни и завоевали любовь забывшей вас женщины...

– Что-то мне это не нравится, – признался я.

Котя захохотал.

– Будь я Чудов, – Мельников прищурился, – то были бы вы мачо. Интеллигент с тонким знанием психологии окружающих, но с манерами армейского сержанта. И злая девица облила бы вас дерьмом из ночного горшка, а менты бы долго били дубинками. До кровавых соплей. Но ваша сила духа все превозмогла бы.

Котя прыснул.

– Будь я супругами Иноченко, – Мельников на миг задумался, – то подобные гадости творились бы со многими людьми, регулярно, все бы их ждали и к ним готовились. Но вы, пожалуй, изначально были бы девочкой или юной девушкой. Кончилось бы все грустно, но оптимистично.

Котя ржал в полный голос. Я невольно улыбнулся.

– Будь я молодой и честолюбивый автор Вася Пупкин, то я бы поиграл с религией, – продолжил Мельников. – К примеру – сделал бы вас современным Иовом, которого Господь испытывает и осыпает бедами. Я бы еще ждал у вас проблем

со здоровьем, милицией и преступным миром.

– Совсем не нравится, – сказал я.

– Будь я Дромов, то эпидемия стирания людей из реальности началась бы внезапно и во всем мире. Вы бы работали в спецслужбе и расследовали это дело – пока с вами самим не началось подобное. Объяснения я бы все-таки предложил, но не слишком убедительные – не в них дело.

– Скажите, а если бы вы были Мельниковым? – не удержался я.

Мельников вздохнул.

– Будь я Мельников... а я и есть Мельников... то я смело написал бы роман с любым подобным сюжетом. Вы поймите, я ведь и сейчас фантазирую, предлагаю различные варианты... а для смеха провожу параллели...

– Но все-таки? Что, по вашему мнению, более реально?

– Да ничего! – Мельников залпом выпил коньяк. – Да не верю я в этих дурацких пришельцев, в этих богов и героев, в таинственные законы мироздания, страдания и прочую ерунду! И Велесов, и Дромов, и Иноченко – никто не верит. Все писатели-фантасты – очень здравомыслящие люди. Они просто развлекают людей. Ну... еще немного экстраполируют реальные житейские проблемы на фантастическую ситуацию – чтобы читать было интереснее. Так что все варианты возможны – и все нереальны.

– Но со мной же что-то происходит, – сказал я. – Понимаю, вы не хотите мне поверить. Не можете. Думаете, что

это розыгрыш... бред больного... Но допустите хоть на миг! Что мне делать?

Мельников задумался.

– Ну, для начала... В милицию вам идти поздно. Вас арестуют на всякий случай, и все... Держитесь тех, кто вас помнит. Близких друзей. – Он посмотрел на Котю. – Родителей. Подруг. Не давайте им забывать. Тяните время – все может измениться... Что еще? Постарайтесь найти какие-то документы. Свидетельство о рождении, а? Какие-нибудь справки в совсем уж случайных конторах... В кино не снимались? На телевидении не выступали? Домашние видеозаписи, фотографии... Сходите к врачу, заведите на себя медицинскую карту. Платные поликлиники паспорт требовать не станут... В церковь сходите! Помолитесь!

– Пожалуй, мне только последнее и осталось, – сказал я. – Молиться.

– Кирилл, – начал Мельников. – Я готов вам поверить. И скажу честно – мне страшно вато при мысли о том, что вы не шутите. Ведь если такое случилось с вами, то может случиться и со мной. Но я не знаю ответа. Я не оракул. Я всего лишь писатель-фантаст. Могу посочувствовать, выпить с вами, дать пару дурацких советов. И все!

– Вы извините, что мы так вторглись, – сказал Котя. Похоже, нутром почувствовал, что аудиенция окончена.

Мельников встал, разлил остатки коньяка. Сказал:

– На посошок?

Я выпил без всякого удовольствия. Странное дело – вроде и не ждал никаких чудес, а все равно расстроился.

– Вы меня держите в курсе, – сказал Мельников. – И я, если что-нибудь придумается, позвоню... э... Коте.

– У меня мобильник есть, – зачем-то сказал я. – Запишите...

– Да, да, конечно. – Мельников засуетился, взял со стола какой-то клочок бумаги и нацарапал на нем мой номер. Надо полагать, через полчаса этот клочок уже отправится в мусорное ведро.

Попрощались мы как-то скованно. Возможно, при других обстоятельствах Мельников оказался бы интересным собеседником и просидели бы мы с ним не час, а весь вечер. Виноваты, конечно, были мы с Котей: пришли к человеку, который давным-давно в чудесах разуверился, и требуем в эти чудеса поверить.

Многokrатно повторяя, что «будем держать друг друга в курсе», мы потоптались у дверей, потом Мельников как-то ловко и незаметно отпер замки, и ничего не оставалось, кроме как выйти на лестницу. Из глубины квартиры явственно пахли свежепожаренные котлеты, и писатель слегка нервничал.

– Так мы еще позвоним! – бодро сказал Котя в закрывающуюся дверь, услышал в ответ неопределенное «угу» и виновато посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

– Он вообще-то ничего мужик, – пробормотал Котя. – Очень даже компанейский. Я думал, дольше пообщаемся.

– Проститутки верят в любовь, – сказал я.

– Чего? – Котя вызвал лифт. – Какие проститутки? Нет, я не против...

– Фантасты в чудеса верят еще меньше, чем проститутки в любовь. Это я так подумал, когда пришли к Мельникову. Вот только проститутки – они в любовь верят. Тихонечко, никому не говоря, но верят. Мечтают, что есть что-то, кроме потных толстых мужиков, которым требуется секс за деньги. Мечтают и боятся в это поверить. Так и Мельников твой... ему на самом-то деле хочется, чтобы все это было – чудеса, инопланетяне, параллельные миры. Чтобы это было не только оберткой для конфеты, а самой конфетой... разноцветным монпансье в коробочке. Но он боится поверить! Ему куда проще себя убедить, что я – аферист или псих. Тяпнет водочки под котлеты, почешет в затылке и пойдет писать про коварных пришельцев.

– Ну загнул! – с восхищением сказал Котя. Побарабанил пальцами по кнопке лифта. – Про проституток – это здорово!

– Вставь в рассказ, – предложил я. – Пошли пешком, не работает лифт.

– Да как же не работает, трос движется!

Я махнул рукой и стал спускаться.

– С двенадцатого этажа пехом? – возмутился вслед Котя. –

Ну-ну, посмотрим, кто быстрее!

Я дошел только до седьмого, когда вверх прошел лифт. Потом – второй. Я ускорил шаг, но где-то на четвертом спускающийся лифт меня обогнал.

Все-таки целесообразно быть ленивым...

Перепрыгивая через ступеньки, я выскочил в подъезд. Котя уже открывал дверь подъезда.

– Подожди! – крикнул я. – Ты куда разбежался?

Котя застыл в дверях и покосился на читающего газету вахтера. Я сделал еще несколько шагов – и остановился.

Котя смотрел на меня пустым, чужим взглядом.

– Котя? – спросил я.

Котя откашлялся и спросил:

– Да?

– Ты что, меня не узнаешь?

– Э... – промямлил Котя. Снова посмотрел на вахтера.

Тот подозрительно спросил:

– Какие-то проблемы, молодые люди?

– Нет, никаких проблем, – протискиваясь мимо Коти на улицу, ответил я. – Все в порядке!

– Вы откуда идете? – крикнул вахтер вслед.

Я не ответил. Стоял и ждал, пока Котя неуверенно выйдет из подъезда. Не то чтобы он запаниковал, но явно насторожился.

– Котя? – повторил я. – Костя?

– Не припомню, – искренне ответил Котя, слегка расслаб-

ляясь. – Вы... знакомый Мельникова?

– Ну да, – сказал я. – Знакомый. Неужели не помнишь?

Котя помотал головой. Спросил:

– Что-то случилось?

– Ты... вы от Мельникова идете? – выдавил я.

Котя кивнул.

– Он дома?

– Да, конечно. – Котя потоптался на месте. – Так вы к Мельникову? Извините, лицо знакомое, но никак не припомню...

– Все в порядке, – сказал я. – Это внешность у меня такая, не запоминающаяся.

– Ну, я пошел... – Котя сделал шаг, покосился на меня, что-то собрался сказать, но мотнул головой и отвернулся.

Я достал сигареты, закурил. Дым был сладок и горек одновременно. За стеклянным окошечком в двери мелькнуло лицо вахтера – бравый дедок был настороже. Не вызвал бы ментов...

Снова запустив руку в карман, я достал паспорт. Открыл. Хрупкие страницы рассыпались в руках, фотография со щелчком отскочила и упала на асфальт. Я поднял ее – на сером квадратике уже нельзя было различить лица.

Было холодно. Все-таки уже осень. А зиму обещали холодную...

– Значит, так... – пробормотал я. То ли угрожая кому-то, то ли пытаюсь выстроить план. – Значит, так? Значит, так!

Первое – чудес не бывает.

Второе – исключения возможны, но только для злых чудес.

А если настало время злых чудес, то бесполезно оставаться добрым.

Окна в моей квартире не светились. Вряд ли девица Наталья Иванова ложилась спать в восемь часов вечера.

Я поднялся на свой шестой этаж, позвонил в дверь. Гавкнул и настороженно затих Кешью. Я постоял несколько минут, потом пожал плечами и вошел в лифт. Если кто-то за мной следил через глазок, то этот кто-то сейчас зашаркает своей старческой походкой обратно к телевизору, отметив в памяти, что к соседке приходил кавалер. В том, что стерва Галина Романовна меня уже начисто забыла, я не сомневался.

Интересно, как вообще эти бабки, не отрывающиеся от бесконечных «мыльных опер» и утепляющие двери дерматином на синтепоне, ухитряются слышать звонок в соседские двери? А еще имеют обыкновение шастать по поликлиникам и жаловаться врачам на плохой слух!

В лифте я нажал кнопку девятого этажа. Ждать Наталью на площадке рядом с мусоропроводом было опасно, обязательно кто-нибудь выйдет с ведром или покурить. А вот девятый этаж меня вполне устраивал – в одной квартире жил старенький дедушка, никуда самостоятельно не выходивший, две другие снимали многочисленные семейства восточных гастарбайтеров, которые никогда в милицию не позвонят. Раньше меня раздражали эти тихие восточные люди,

то ли таджики, то ли узбеки, жившие по десять человек в квартире. Нет, ничего личного, они старались проскочить к себе незаметно, по углам, будто тараканы на свету. Обычный бытовой шовинизм.

Теперь я был рад тихим соседям с последнего этажа. Сидел у мусоропровода, курил, глядел в окно вниз, на подступы к подъезду. Темнело, но лампа над подъездом была яркая, Наталью я успею увидеть заходя.

Несколько таджиков поднялись вверх и юркнули в свои квартиры, сделав вид, что не видят меня. Я потихоньку добывал пачку сигарет.

Пошел дождь – мелкий, тихий, я такие даже люблю осенью. Они как напоминание, что лето кончилось. И почти сразу же внизу мелькнул цветастый кружок зонта.

Может быть, я видел его вчера в своей квартире, среди прочих чужих вещей. А может быть, и не видел. Но я сразу почувствовал – это Наталья.

Живот свело холодом, ноги будто отнялись. Я с трудом заставил себя дойти до лифта и нажать вызов. Где-то внизу хлопнула дверь, но лифт уже подъехал к девятому этажу. Я вошел, но нажимать кнопку первого не стал.

За меня это сделала Наталья – и лифт послушно пошел вниз.

Трудно становиться бандитом, четверть века прожив вполне честно и порядочно.

И очень не хочется в тюрьму за бандитизм.

Из внутреннего кармана куртки я достал нож, купленный два часа назад в ларьке у метро. Дешевая китайская подделка под какую-то знаменитую марку. Плевать. Мне важен был его устрашающий вид – узкое длинное лезвие с хищными зубринами и кровостоком. Если бы в ларьке продавались убедительно выглядящие муляжи пистолетов – я купил бы муляж пистолета.

В тюрьму не хотелось ужасно.

Дверь лифта с шипением открылась, и некрасивая девушка Наталья шагнула в лифт. Даже не шагнула – качнулась, занося ногу, но тут же увидела меня, глаза ее округлились, она попыталась отпрянуть.

Схватив девушку за плечо, я втолкнул ее в лифт. Прижал нож к горлу – движение оказалось таким естественным, будто я всю жизнь подрабатывал маньяком-насильником, промышленником по лифтам.

– Я буду кричать, – сказала Наталья, косясь на нож.

– Почему же не кричишь? – спросил я. Сложенный зонт упирался мне в ногу, Наталья его упорно не выпускала. В другой руке у нее был пакет с какими-то продуктами.

– Отпустите, я вас не знаю! – громко сказала девушка. – Отпустите меня!

Я нажал кнопку шестого этажа.

– Врешь. Ты меня помнишь. А это значит...

Ее глаза забегали по моему лицу. Она облизнула губы. Осторожно покачала головой:

– Вы с ума сошли. Вас посадят. Знаете, как в зоне с насильниками поступают?

– Наталья, вы слишком спокойны, – сказал я. И только сказав, понял – попал в точку. Она слишком спокойна для женщины, на которую с ножом напал... да не важно кто – маньяк или облапошенный накануне лох.

– Вы не убийца. Вы меня не тронете.

– Проверим? – спросил я. – Вы лишили меня всего. Квартиры, работы, документов. Мне терять нечего!

– Жизнь, – коротко ответила она.

– Это не так уж и важно. – Я перехватил нож поудобнее, так, чтобы острие покалывало шею в районе артерии. – Только пикни – я ударю.

Лифт остановился. Открылись двери.

– Рекомендую вести себя так, словно мы старые хорошие друзья, – сказал я, обнимая Наталью за плечи. – Спокойно откроешь дверь, и мы войдем в квартиру. Договорились?

Если я все рассчитал правильно и если Наталья не станет дергаться и кричать, то нож через соседский глазок не увидишь. Идут в обнимку парень и девушка, не терпится добраться до постели, чего тут необычного? Именно такую картину и желает увидеть старая климактеричная стерва-соседка.

Наталья дергаться не стала.

Щелкнули замки, мы вошли в квартиру. Ногой захлопнув за собой дверь, я зашарил по стене, нащупывая выключо-

читель. Прямоугольник кухонного окна сочился умирающими сумерками. В комнате тревожно тявкнул Кешью. Было холодно – неужели до сих пор не топят...

– Выключатель ниже, – презрительно сказала Наталья. – На уровне опущенной руки.

– Ну да, ну да, как же я мог забыть, – пробормотал я.

Вспыхнул свет. Я заглянул в комнату – собака лежит на диване, больше никого.

– Что дальше? – спросила Наталья. Она слегка наклонила голову, подальше от лезвия ножа. – Сразу убьешь или вначале помучаешь?

Кешью соскочил с дивана. Выметнулся в коридор, завилял было хвостом – и замер где-то на грани между бегством и лаем.

– Ты слишком спокойна, – повторил я как заклинание. Это было единственное, что я мог предъявить в качестве улики, стоя в этой чужой, незнакомой квартире. – Наталья, я ничего не смогу доказать. Но я уверен, что ты в этом замешана с головой.

Девушка фыркнула.

– Так и будем стоять?

– На кухню, – велел я.

Мы прошли на кухню, я задернул шторы. Кешью следовал за нами – все такой же настороженный, но пока тихий.

– Садись! – Я толкнул Наталью на табуретку. Достал из кармана скотч.

– Боевиков посмотрелся, – презрительно сказала Наталья.

Она не сопротивлялась, даже сама протянула руки – и я скрутил их скотчем. Потом прикрутил ее к табуретке. Тишина была мертвящая, страшная – даже на улице ни гула проезжающей машины, ни пьяных гуляк, ни хлопающих дверей подъезда.

– Успокоился? – холодно спросила Наталья, когда я отложил рулончик скотча и сел на другую табуретку. – Ну объясняй теперь, чего хочешь? Квартиру на тебя переписать? Трудновато будет...

Я ее не слушал. Я внимательно изучал кухню. Восемь квадратных метров, да комната – двадцать, да еще десять на ванну, туалет, коридор... невелики хоромы. Если затратить очень много сил и средств, то все можно замаскировать до неузнаваемости даже за восемь часов.

Замаскировать – но не переделать.

Чудес не бывает.

И мне надо найти следы моей квартиры в этом чужом жилье.

Что первое?

Кафель.

Я ковырнул ножом кафельную плитку. Все в порядке, кафель, а не наклеенная поверх цветная пленка. Поддел затирку между плитками – тоже ничего не понять. Сухая. Может быть, старая. Может быть, быстросохнущая.

Наталья засмеялась.

– Рот заклеить? – спросил я. – Могу.

– Ты ковыряй, ковыряй, – добродушно сказала девушка. –

Потом заставлю ремонт сделать.

Обои.

У самого пола, в незаметном месте, я надрезал кусочек обоев и оторвал. Под ними была стена. Следов прежних обоев не наблюдалось. Содрали? Могли, конечно...

– Дурак ты, – сказала Наталья.

Я сел на пол, крест-накрест вспорол линолеум – грубо, посередине кухни. Подошел Кешью, обнюхал дыру в полу – старого линолеума там не было. Зарычал на меня и отступил.

– Ну сам посуди – если документы действительно каким-то волшебством поменялись, если все друзья тебя забыли, то что ты собираешься здесь найти? – Наталья хихикнула. – Следы ремонта?

Я протянул руку к Кешью – пес увернулся. Ответил:

– И сам не знаю. Но про друзей я тебе ничего не говорил.

Наталья замолчала.

Я посмотрел ей в глаза, покачал головой:

– Это ты зря сказала. Теперь я на сто процентов уверен, что ты в этом замешана. Только не знаю как.

– Что дальше? – Голос у нее оставался совершенно спокойным. – Пытать будешь? Убьешь? Ты не в тайге, родной. Ты теперь для всех – спятивший маньяк. Без документов, без прошлого. Ворвался в чужую квартиру, убил хозяйку. Смертную казнь у нас отменили или как?

– Вроде как отменили.

– Пятнадцать лет в зоне – тоже не сахар. Ну? – Наталья победно улыбнулась. – Развяжи-ка меня, Кирилл. Сядем как люди, чаек поставим, поговорим по душам.

Больше всего на свете мне хотелось залепить ей пощечину. И не надо говорить, что бить женщин нехорошо! Таких – нужно!

Вот только бесполезно. Наталья в истерику не впадет, в коварных планах не сознается.

Можно плюнуть – даже в физиономию. И уйти – пусть сама освобождается, перегрызает скотч и хихикает в свое удовольствие.

А можно попробовать поговорить.

Я встал и подошел к Наталье. Она с улыбкой вытянула руки – я поднес к ним нож, чтобы разрезать скотч.

– Лопух, – с улыбкой сказала Наталья. И пронзительно завопила: – Помогите! Убивают! Убива...

Ничего я не успел сделать! Ни опустить руку с ножом, ни заткнуть ей рот. Продолжая кричать, Наталья приподнялась вместе с примотанной к заднице табуреткой – и рванулась вперед. Прямо на нож.

Лезвие дурацкого китайского ножа вошло ей под левую грудь. Мне на руку толчком выплеснулась кровь. Девушка перестала кричать, будто подавилась собственным голосом. Вскинула голову и прошептала:

– А что теперь придумаешь, Киря?

Я отпрыгнул – невольно выдергивая нож из раны. Наталья, скрючившись, упала на пол. Из-под нее потекла кровь, собираясь в разрезанном линолеуме. Кешью зарычал, прижался к полу и стал подползать к ней.

Никогда в жизни мне не было так страшно.

Я всегда считал, что всякие там «ослабевшие руки», «подкосившиеся ноги», «холодный пот» – это выдумки романистов. Когда мне доводилось попадать в передряги, то я, наоборот, заводился и становился деятельным. Отец по этому поводу одобрительно говорил – «адреналиновая реакция на стресс».

Сейчас я не падал только потому, что привалился к дверному косяку. Ноги дрожали, я весь был мокрый от пота. Нож я держал в вытянутой руке, и пальцы сжались так, что не расцепить.

Хотя – зачем мне его выбрасывать? На радость милиции? Проще всего зарезаться вслед за Натальей. Пусть следовательно строят версии о несчастной любви. И одним кинжалом он убил обоих...

В дверь позвонили.

Надо же...

– Эй, соседка! – донесся до меня голос Петра Алексеевича. – Эй, у тебя все в порядке? Наташа?

Когда Наталья упала, у меня на секунду мелькнула надежда, что вместе с ее смертью развеется и морок. Меня вспомнят друзья, соседи, сослуживцы...

Нет, не сработало.

Я все тот же человек без прошлого – да еще с ножом в руках и трупом у ног. И ни одна сволочь не поверит, что Наталья сама наделась на нож.

В дверь постучали.

Кешью завыл, лежа у тела Натальи. Пронзительно, истошно – никогда не думал, что он способен выть, даже оплакивая хозяйку...

Да какую, к чертовой матери, хозяйку! Аферистку-самозубийцу!

Кешью взвыл особенно жалостливо. Я даже дернулся к нему, чтобы взять на руки, успокоить (все собаководы советуют этого не делать – но вы когда-нибудь слышали щенячий плач?). Но Кешью сразу же оскалился на меня.

Собака мне не верит.

И никто не поверит.

Меня посадят. А не надо было приходить в чужой дом с ножом!

– Милицию уже вызвали! – донесся из-за двери визгливый голос соседки. – Щас приедут, разберутся!

Была в этом голосе такая жажда крови – не обязательно моей, чьей угодно, лишь бы случилась эта кровь, нашлось о чем сплетничать с подругами по телефону, – что я взглянул на нож. А не выйти ли, не зарезать ли старую стерву? Сделать напоследок доброе дело для человечества. Тварь ли я дрожащая?

Наверное, тварь. Не зарежу. И Наталью бы не тронул, права она была.

Долго ли наша милиция едет на вызовы?

А какая разница... Через окно я не удеру, шестой этаж. У дверей караулит Петр Алексеевич, мужик при всем его пьянстве и грубости правильный. Влепит в рожу – тут я и лягу...

– Попал я, Кешью, – сказал я. – И даже ты меня предал!

Кешью рычал.

С его точки зрения он никого не предавал, напротив – как мог защищал хозяйку.

Огибая по дуге собаку, я прошел в комнату. Выглянул в окно. Раз уж мир сошел с ума, почему бы у моего окна не возникнуть пожарной лестнице?

Не было никакой лестницы. Зато во двор неторопливо въезжала милицейская машина. Сирена была отключена, но мигалка помаргивала синим.

Вот и все.

Милиция всегда опаздывает к месту настоящих преступлений, зато в моем случае...

В дверь стали звонить непрерывно. Почему-то вспомнилось, как в раннем глупом детстве баловался с друзьями – бегали по подъезду и звонили в чужие двери. Высшим достижением было звонить очень долго, но все-таки успеть убежать до того, как откроется дверь... Потом мы нарвались на мужика вроде Петра Алексеевича, который по квартире ходил очень тихо, по лестнице бегал очень быстро, а пройтись

ремнем по жопе малолетнего сорванца считал правильной воспитательной методикой...

Я пошел к двери. Зацепился чем-то за стену, недоуменно глянул на зажатый в кулаке нож. Бросил его на пол. Какой смысл стирать отпечатки пальцев при таком количестве улик?

Звонок надрывался, и самым важным казалось прекратить этот звон.

Как во сне я повернул головку замка и открыл дверь.

На меня уставились Петр Алексеевич и Галина Романовна. Похоже, они уже и не ожидали, что дверь откроется. Наверное, я мог бы сейчас рвануться, проскочить мимо них и броситься вниз... прямо в руки милиции.

Петр Алексеевич все еще держал палец на кнопке звонка.

– А-а-а! – протяжно взвыла соседка, уставившись на мои руки. – Кровь, кровь! Убил!

И – вот чего не ожидал – закатила глаза и грохнулась в обморок.

Зато Петр Алексеевич отреагировал так, как я и ожидал. Навстречу моему лицу вылетел здоровенный кулак, мир закружился, и я кулем осел рядом с соседкой.

Почему-то даже уложив меня на пол, сосед продолжал звонить. Или это звенело в ушах? Я потряс головой, пытаюсь прийти в себя. Перед глазами почему-то оказалось две пары грубых шнурованных ботинок, все остальное плыло и было не в фокусе. Донесся сквозь звон чей-то суровый голос:

– Прекратите звонить! И нечего своевольничать, рукоприкладством заниматься...

Через меня перешагнули, заглянули в квартиру. И тот же голос, чуть изменившись, добавил:

– Для этого в стране милиция есть.

Ботинки вернулись – и один из них со всего маху ударил меня под ребра. С каким-то неожиданным облегчением я закрыл глаза и провалился в беспамятство.

В маленькой зарешеченной клетке милицейского УАЗа воняло хлоркой. Едкая вонь навевала унылые мысли о казенном доме, муниципальных больницах и прочих местах, где требуется перебить запах нечистот и уменьшить число микробов.

Я пришел в себя лежа на железном полу, скорчившись в три погибели. Руки были скованы за спиной.

К моему удивлению, машина стояла. Мне очень смутно вспомнилось, как меня протащили по лестнице, надели наручники и зашвырнули в «клетку». Видимо, собирались везти в отделение. Или куда там везут задержанных с поличным убийцев...

Но машина по-прежнему стояла – я почему-то был в этом уверен – возле моего дома. Моего бывшего дома.

Изгибаясь всем телом, я встал. Заглянул в зарешеченное окошечко двери. Стекла за решеткой не было. Воздух свободы был свежим и чистым после дождя. Поблескивали в свете

фонарей мелкие лужи.

Да, все верно. «Уазик» стоял у подъезда. Рядом появилась еще милицейская «волга». Собирают улики?

А меня на время оставили в покое?

Что-то было в этом неправильное. Либо вези в участок, либо допрашивай над свежим трупом, к чему полумеры...

Из подъезда вышли двое. Один, похоже, обычный пэпээсник, возможно, тот самый, что бил меня ногами. А другой в штатском. Следовательно, поднятый с постели?

— ...бытовуха, — донеслось до меня. — Торговка с рынка, привела хахалю...

— Разберемся, — мрачно сказал человек в штатском. — Ладно, сержант, спасибо за службу. Можете ехать... Да! Кто там у вас сидит?

Он мотнул головой в сторону уазика.

— Там? — Милиционер вроде бы задумался. — Пьянь какая-то.

— Где задержали?

— У метро, — как-то не очень убедительно сказал мент. — Давно уже. Да нет, не ваш клиент.

Человек в штатском вернулся в подъезд. А пэпээсник подошел к «уазику». Я присел на пол. Сердце зачастило. Неужели... Да нет, не может быть!

Где-то рядом щелкнула зажигалка, потянуло сигаретным дымком. Потом хлопнула дверь машины и кто-то сказал:

— Ну что там, старшой? Я прикемарил малость...

– Нож нашли, отпечатки сняли... Собачонку сосед к себе взял... Курить будешь?

– Давай.

Снова щелкнула зажигалка. Дымок стал гуще. Я не выдержал и попросил:

– Мужики, дайте сигарету...

Некоторое время никакой реакции на мои слова не было.

Потом сержант спросил:

– Слушай, а где мы его подобрали? Все из головы вылетело...

– У метро вроде, – подумав, сообщил водитель. – Или во дворах на детской площадке?

– Вроде как воспитывать его пришлось, – продолжил сержант. – Черт, с этой работой...

Дверь с грохотом открылась. Два милиционера неприязненно, но без особой ненависти уставились на меня.

– Мужики, дайте закурить, – попросил я.

– Проспался? – спросил сержант.

Я униженно закивал.

– Кури.

Мне в зубы всунули мятую «мальборину». Поднесли огоньку. Я жадно затянулся и, пьянея от никотина и собственной наглости, спросил:

– Долго ездить-то будем? Меня скоро и в вытрезвитель не примут.

Водитель заржал:

– А что, так рвешься?

– Совсем не рвусь, – признался я. – Жена убьет. И так скандал будет, ревнивая она у меня, а если в вытрезвитель залечу...

– Повернись, – велел сержант, затапывая окурок.

Я с готовностью повернулся. Получу дубинкой по башке или...

С меня сняли наручники.

– Иди домой, гуляка, – беззлобно сказал сержант. – Девку тут зарезали... не до тебя сейчас. Кому-то горе, а кому-то удача.

Я выпрыгнул из машины. Стал растирать затекшие руки. Заметил пятно крови на рукаве – и спрятал ладони в карманы. Сказал:

– Спасибо большое. Чтоб я еще так нажирался...

– Ну-ну, – скептически произнес сержант. Все-таки в его взгляде оставалась недоверчивость. Его что-то смущало... едва-едва, но смущало. – Где мы тебя подобрали-то, помнишь?

– У метро, во дворах, – с готовностью ответил я. И начал переминаться с ноги на ногу, как человек, мечтающий отлить. Особо притворяться не требовалось.

– Доберешься сам?

– Мы же в Медведково? – Я начал озираться. – Ну да, конечно! Спасибо!

– Ты там не нагадил? – вдруг встрепенулся водитель. Бди-

тельно осмотрел клетку и подобрел. – Ладно, вали к своей ревнивой...

Милиционеры смотрели мне вслед, пока я уходил. Вполне равнодушно смотрели. Не было им больше смысла возиться с подобранным у метро пьяным, везти его, уже пришедшего в себя, в вырезвитель...

Это что же получается?

Я уже совсем никто?

Я могу убить – и через час... часы остались? Остались и даже не разбились. Через два часа задержавшие меня менты уже не помнят, где и когда меня задержали...

Ноги сами вынесли меня в подворотню. Я подошел к углу, расстегнул ширинку. Что уж теперь, после всего случившегося...

Я стал идеальным преступником. Могу воровать, грабить, убивать. Меня не запомнят никакие свидетели. Если не убьют при задержании – то отпустят.

Ребра, кстати, болели. Переломов, наверное, нет, а вот ушибы или трещины – запросто.

Но в карманах остались деньги и ключи от родительской квартиры, на руке – часы, на поясе – мобильный. Все в порядке. Полпервого ночи. Еще успею доехать к родителям на метро. Вымыться, чего-нибудь съесть и подумать, что делать дальше.

Преступником я быть не хочу. Даже идеальным.

Но что я могу сделать? Наталья мертва – и у меня не оста-

лось ни одной ниточки к прошлому.

Только ключи от родительской квартиры.

Я вертел их в руках, выходя из подворотни на улицу. И когда металлический ключ переломился у меня в пальцах, ничуть не удивился.

Этого следовало ожидать.

Супермаркеты придуманы для многодетных семей. Круглосуточные супермаркеты – для мизантропов.

Нормальный человек не отправится среди ночи за покупками в огромный мультиплекс. Бутылку водки для продолжения пьянки проще купить в магазинчике у метро. Набирать полную тележку продуктов во втором часу ночи – удел людей, мечтающих жить на необитаемом острове.

Я стоял у молочных витрин, изучая бесконечные ряды йогуртов. Есть не хотелось, а нести продукты было попросту некуда. Но мне требовалось оказаться среди цивилизации – в ее самом вульгарном, товарном воплощении. Жратва, выпивка, бытовая электроника, дешевые тряпки. Негромкая музыка из невидимых громкоговорителей. Редкие покупатели, беззвучно бродящие по залу.

Вот молодой человек набивает тележку пакетами с молоком и картонными упаковками яиц. Кто это? Сумасшедший едок омлетов? Менеджер ресторана «Млеко-яйки»? Изобретатель новой чудо-диеты?

А кто этот просто одетый мужчина, сосредоточенно изучающий журналы по элитной недвижимости? Эксцентричный миллионер, присматривающий особняк на Рублевке? Нищий архитектор, не желающий отставать от новых тенденций в дизайне? Мазохист, которому хочется увидеть, как

живут сильные мира сего?

Ну, с парочкой, что прихватила в зале две бутылки шампанского и коробку конфет, а на кассе – пачку презервативов, все понятно. Вот только еще одна сопутствующая покупка, рулон туалетной бумаги, выглядит в корзине смешно и неуместно.

Первым делом я взял зарядник для телефона – будто у меня имелась для него розетка. Положил в свою тележку фляжку дешевого дагестанского коньяка. Подумал и добавил плитку шоколада и бутылку минералки. Можно всю ночь провести в торговом зале, охрана скорее всего на меня внимания не обратит. У маленького кафетерия в супермаркете есть туалет, я его уже посетил и долго отмывал с рук следы крови. Но смысл здесь оставаться? Проще сесть на лавочку перед супермаркетом и дать бой всем проблемам традиционным русским способом...

Идти мне некуда. Звонить некому. Даже родителям. Нет у них больше сына по имени Кирилл, уверен.

Я медленно двинулся к кассе. Кредитная карточка целая, но без паспорта ничем мне не поможет. Зато наличные пока не собирались рассыпаться. Вот ведь гадость какая, вопреки всем пословицам деньги оказались надежнее друзей!

За пересчитыванием на ходу купюр меня и застал телефонный звонок.

Сейчас, когда мобильные телефоны играют любую музыку, от Бетховена до «Уматурман», самый оригинальный зво-

нок – это простой «дзинь-дзинь». Как в старых телефонах, где еще не было никаких микросхем, а всего лишь барабанил по чашечкам звонка маленький молоточек.

Я достал трубку и уставился на надпись «номер засекречен».

В общем-то ничего эта надпись не значит. Вовсе не обязательно звонит президент или иная большая шишка, чей номер смертным знать не положено. Обычный сбой определителя...

– Алло, – сказал я.

– Кирилл.

Не вопрос, скорее утверждение. Сильный мужской голос, в меру властный и доброжелательный.

– Да.

– Запоминай путь. Метро «Алексеевская». Сразу из метро – налево. Вниз по лестнице. Идешь по тропинке между домами...

– Кто это говорит? – воскликнул я. – Что вы хотите?

– Запоминай путь.

– Я никуда...

– Как угодно.

Невидимый собеседник умолк.

– Алло? – осторожно спросил я.

– Запоминай путь. Метро «Алексеевская»...

Я сдался.

– Послушайте, просто назовите адрес!

– Запоминай путь.

Не знаю, чем бы закончился этот разговор, остановись я в зале. Мог бы и упереться, отказаться ехать неизвестно куда. Но я продолжал идти – и обнаружил, что миную кассиршу. Девушка равнодушно смотрела сквозь меня.

Я сделал еще шаг, прокатывая тележку сквозь рамку сигнализации. Раздался тревожный писк. Девушка вздрогнула, ее взгляд сфокусировался на мне.

– Не спите, – сказал я, откатывая тележку назад и выкладывая на транспортер кассы свои покупки.

И добавил в трубку:

– Подождите секунду. Я включу диктофон.

Машину я поймал с огромным трудом. То ли никому не хотелось среди ночи и под снова зарядившим холодным дождем сажать пассажира, то ли меня совсем перестали замечать. Судя по продавщице в супермаркете – второе.

Наконец остановился старый «жигуленок», для разнообразия – с русским водителем. Для себя я решил, что желание заработать способно преодолеть любую чертовщину.

За последние полтора ста рублей я доехал до «Алексеевской». Перешел проспект Мира по переходу – даже в два часа ночи там было довольно многолюдно. Теснились кучкой легко одетые ярко накрашенные девицы. Торопились домой пассажиры последних поездов. Подошел к метро – на вход станция уже не работала, но люди еще понемногу выходили.

Вниз по лестнице и между домами...

Чем дальше от метро, тем безлюднее становилось вокруг. Даже теплым летом мало кто гуляет в третьем часу. Что уж говорить о холодной дождливой осенней ночи!

Я шел, временами доставая телефон и прослушивая запись на диктофоне. Никогда не считал себя мастером ориентирования в городе, но кроки мне дали на удивление четкие. Налево – здание милиции. Проходим мимо, сворачиваем...

Безумный день!

С утра у меня еще была какая-то вера в обыденность происходящего. К вечеру стало ясно, что банальными бандитами ситуацию не объяснить.

Потом предполагаемая аферистка покончила с собой. Я был бит справедливо возмущенными гражданами и доблестными защитниками порядка – после чего отпущен.

Получил звонок непонятно от кого – и пошел в ночь неизвестно куда.

Ну не идиот ли?

Очередная порция ориентиров вывела меня к длинному сталинскому дому. Если я правильно понял, то за ним будет какая-то мелкая станция полуживой железнодорожной ветки. Последний ориентир.

Удивительно, но мне совсем не было страшно. Бить меня сегодня уже били, а убивать – после всего произошедшего – просто нелепо. Хотя я и очень себя люблю, но прекрасно понимаю – не стоят моя жизнь и мое имущество таких усилий.

Скорее мне было интересно.

А раздражал больше всего дождь, припустивший с новой силой и ставший совсем холодным.

Когда я обогнул дом и вышел к станции, ботинки у меня промокли насквозь, куртка стала влажной и тяжелой, джинсы облепили ноги холодными компрессами.

И что хорошего тут меня ждет? Даже не станция, платформа. Крошечная будочка кассы закрыта, тускло светит лампочка над дверью. Два павильончика магазинов, оба ярко освещены, на одном гордо написано «круглосуточно», но дверь тоже закрыта, сквозь стекло просвечивает табличка «перерыв 15 минут».

Я последний раз включил диктофон, прижал мобильник к уху.

«Стань лицом к круглосуточному магазину. Повернись направо. Пройди тридцать шагов», – сообщил чужой вежливый голос.

Я встал, повернулся и пошел – в чахлую лесополосу, тянущуюся вдоль насыпи с путями. К подошвам липла размокшая глинистая земля, с голых веток сыпались каскады брызг. Из темноты проступила приземистая кирпичная башня. Вдоль железки полно таких старых водонапорных башен. Наверное, их строили еще во времена паровозов, заполнять огромные котлы...

Впрочем, на этой башне белым кирпичом был выложен год: «1978». Паровозов в ту пору уже не водилось. Хотя один

друг мне рассказывал, что паровозы до сих пор стоят в депо законсервированные – на случай войны или прочих катаклизмов нет более надежного транспорта.

– Ау-у! – негромко позвал я. – Кто звал меня?

Тишина. Сеет с неба холодный дождь, спят в своих кроватях добропорядочные граждане, пьют на кухнях алкоголики и интеллигенты, в подвалах и на чердаках пригрелись бомжи в обнимку с дворовыми собаками.

Все люди как люди, один я в мокрых штанах и в поисках приключений.

Никто не откликнулся. Никто не спешил разъяснить мне, что именно происходит, – ну или огреть дубинкой по затылку.

Я подошел к башне. В крепкой стене красного кирпича была небольшая железная дверь. В водонапорных башнях есть двери? Никогда не приглядывался... Да еще и против обыкновения не с навесным замком. Просто дверь с металлической ручкой в глухой стене. Я некоторое время смотрел на дверь, представляя себя, как тяну, открываю – и обнаруживаю...

Что?

Да что угодно!

Чего только не помещали за такими дверями коллеги писателя Мельникова! Райские кущи. Миры, где трубят в боевой рог мускулистые герои, отмахиваясь тяжелой острой железякой от злых чудовищ. Сонные провинциальные го-

родишки, оккупированные бесчувственными инопланетянами. Вход в секретные лаборатории спецслужб. Древнюю Русь разной степени сусальности – в зависимости от знания автором истории. Я прямо-таки услышал бодрый голос фантаста: «Будь я Холопов, вы бы попали в подземные катакомбы...»

У меня хлюпнула вода в ботинке. Без всякой уверенности я взялся за ручку.

И замер.

Что вы почувствуете, взявшись за металлическую ручку на двери заброшенного строения под холодным осенним дождем?

Ну да. Влажная ржавчина, стылый металл, общая грязь и неуютность. Я тоже это почувствовал.

Но одновременно...

Такое чувство, словно, придя с промозглой улицы, я переделся в домашнее – старую заношенную рубашку и брюки, которые не наденешь на люди, но в которых уютно и комфортно; налил в большую кружку крепкого горячего чая и открыл новую книжку любимого писателя. Прочитал несколько страниц и удовлетворенно посмотрел, как много еще страниц впереди...

Теплота, спокойствие и ожидание чего-то хорошего...

Я оторвал руку от дверной ручки. Пальцы были в мокрой рыжей грязи.

Ощущение тепла не проходило.

Предвкушение праздника – тоже.

Я потянул дверь на себя, она открылась мягко, будто петли недавно смазывали. Я шагнул в темноту. Помедлил секунду.

Тут никого не было. Я это знал так четко, будто тщательно осмотрел все помещение.

Совершенно привычным движением, будто войдя в свой дом, я пошарил левой рукой по стене, наткнулся на выключатель и вдавил клавишу. Загорелся свет.

Просторная пятиугольная комната. Двери, оказывается, были в каждой стене. Очень чисто, никаких следов ночевок бомжей или подростковых гульбищ. Кирпичные неоштукатуренные стены, ровный бетонный пол, с низкого потолка свисает на проводах несколько лампочек без абажуров. Посередине – вертикальная металлическая лестница, уходящая в открытый на потолке люк.

Явно не жилое помещение.

Похоже на ангар или гараж.

Никак не на водонапорную башню.

Бессмыслица какая-то...

Я прикрыл за собой дверь. Обнаружил и задвинул засов. Прошел вдоль стен, дергая остальные двери. Все они были закрыты – на засов изнутри и, видимо, снаружи.

В возрасте лет десяти такие помещения вызывают восторг. Не зря дети обожают играть на стройках, к ужасу родителей и справедливому возмущению рабочих. Для взрослого человека ничего хорошего тут не было.

Но ощущение уюта, правильности этого места – не проходило. Я поймал себя на том, что по-хозяйски неодобрительно смотрю на грязные следы своих ног.

Ладно, оглядим второй этаж.

Я вскарабкался по лестнице – подошвы скользили на неудобных, сваренных из трубок ступеньках. На втором этаже лестница не кончалась, но люк на третий этаж был закрыт и не поддавался моим усилиям. Второй этаж оказался чуть уменьшенной копией первого – только вместо дверей здесь были наглухо закрытые железными ставнями окна. А когда я нашел выключатель и зажег свет, то обнаружил и мебель – два стула, стол, деревянную койку с матрасом, подушкой и одеялом, но без постельного белья. Все чистое, новое, будто только что из магазина. Мебель самая простая, словно кустарная. Гладко оструганные доски, крепко завинченные шурупы. Глаз не радуется, но не развалится...

– И чего вы от меня хотите? – громко спросил я.

Если за мной кто-то и следил, то отвечать явно не входило в его планы.

Возле выключателя нашлась розетка. Я включил телефон на зарядку и поставил будильник на восемь утра. Пакет с покупками из супермаркета бросил на столе. Спустился вниз, выключил свет на первом этаже. Поднялся, выключил свет на втором. На удивление легко нашел в полной темноте кровать, с наслаждением снял мокрые туфли, разделся и развесил мокрую одежду на стульях.

Лег.

Все начнется утром. Не знаю, что именно, но ночь в моем распоряжении...

Некоторое время я тихо лежал, прислушиваясь к перестуку дождя за окном. А потом легко, ни о чем не думая, уснул. Если мне что-то и снилось, я этого не запомнил.

Проснулся я не от будильника, а от ворвавшегося в сон стука. Несколько блаженных секунд не помнил, где я и что со мной приключилось. А потом вспомнил все – разом. Лающий на меня Кешью, витийствующий Мельников, рассыпающийся паспорт, кровь на моих руках, голос в телефоне...

Открыв глаза, я сел на кровати. Оказывается, ставни на одном из окон были закрыты неплотно, и в комнату проникал слабый утренний свет. Неожиданно белый... будто зимой. Поежившись – было прохладно, – я подошел к окну. Вечером я и не пробовал открыть ставни, но это оказалось неожиданно просто. Вначале я открыл створки окна, потом откинул защелку с блестящих, будто никелированных ставен. Распахнул их.

В комнату ворвался свежий холодный воздух. И свет – много света. Окно выходило не на железку, а в какой-то тупичок, застроенный старыми кирпичными домами промышленного вида, почти без окон. Все было припорошено чистым, чуть розоватым в лучах восходящего солнца, еще не истоптанным снегом. Тень от башни падала на снег и подни-

малась на глухую стену соседнего здания. Больше всего строения походили на какие-нибудь заводские корпуса девятнадцатого века постройки, еще не переоборудованные ушлыми дельцами в дискотеки и ночные клубы.

Несколько минут я с удовольствием дышал, чуть щурясь от яркого света. Откуда взялась эта заводская окраина? В Замоскворечье таких много, где-нибудь в районе Измайловского – тоже хватает. Никогда не думал, что такие районы есть между «Рижской» и «Алексеевской», стоит лишь чуть отойти от проспекта Мира...

Закрыв окно – стало совсем холодно, – я принялся торопливо одеваться. Джинсы высохли, рубашка тоже, а вот туфли остались влажными. Да, рано пришла зима. А я совсем не по погоде одет...

Снизу донесся стук, и я вздрогнул, вспомнив причину пробуждения. Кто стучится в дверь ко мне? Уж никак не почтальон...

В полминуты закончив одеваться, я сунул в карман мобильник и сбежал вниз по винтовой лестнице.

Почти сбежал. Остановился на последней ступеньке и вцепился в деревянные перила. Меня пробило мелкой дрожью, и холод тут был ни при чем.

Какая, к чертовой матери, винтовая лестница?

Вечером это была обычная металлическая лесенка вроде пожарной. Дурацкая, неудобная.

Сейчас – винтовая лестница в полтора оборота. Деревян-

ная – и перила, и ступеньки, и центральный столб. Очень по уму сделанная – ступеньки шероховатые, не скользкие, перила – как раз на нужной высоте, рука сама на них ложится.

Я вспомнил, как искал следы ремонта в своей бывшей квартире. Наивный! Тут ухитрились поменять целую лестницу, пока я спал...

Кстати, не только лестницу! Вчера пол на первом этаже был бетонный. Сегодня – деревянный. Широкие, плотно пригнанные друг к другу доски, не лакированные, как паркет, а будто пропитанные темным маслом. Очень благородно выглядит, ничего не скажешь.

А лампы на потолке оказались забранными в решетчатые металлические абажуры. Это слегка напоминало уличные фонари, но в принципе тоже смотрелось неплохо.

Можно было сказать, что мои жилищные условия после некоторого падения стремительно улучшались. Позавчера утром я был владельцем маленькой однокомнатной квартиры, вчерашний вечер встретил бомжем, лег спать в заброшенной башне у железной дороги. Теперь у меня были двухэтажные апартаменты с интерьером, не лишенным определенной роскоши.

Стук повторился, и теперь уже было понятно, что стучат в одну из дверей. Причем, если я совсем не потерял ориентацию в пространстве, не в ту, через которую я вошел.

Я подошел к двери, помедлил секунду. Решительно отодвинул засов и распахнул дверь.

Да, входил я не здесь. Эта сторона башни выходила в заснеженный заводской тупичок. А на снегу переминался с ноги на ногу мужчина средних лет в серой суконной униформе с большой медной бляхой на груди, в сапогах, в меховой фуражке и – с толстой сумкой на ремне. Нетерпение на его лице при моем появлении сменилось воодушевлением.

– Мать моя... – сказал я.

– Что? – растерянно спросил мужчина. Оглянулся и с недоумением пожал плечами. – Ваша матушка?

– Нет... ничего. Э...э?

– Доброе утро. Чудный денек, не правда ли? Почта. – Мужчина похлопал по сумке. Посмотрел на меня с некоторым подозрением.

– Да, конечно. Доброе утро. Я догадался.

– Почта, – повторил мужчина. – Два пакета и письмо.

Пакеты были прямоугольными, увесистыми. Письмо – в простом белом конверте, без марок и адреса, никак не подписанное.

– Спасибо, – принимая пакеты и письмо, сказал я. Почтальон учтиво приподнял фуражку – не представляю как, но жест вышел естественным. – Я... э... вам что-нибудь должен?

– Нет-нет, все оплачено, – вежливо ответил почтальон. – Всего доброго.

Он развернулся и пошел, огибая башню. Я выждал пару секунд – и, повинуясь безумной догадке, бросился вслед за

ним.

Не было никаких сталинских домов, насыпи с железкой, асфальтированной дороги.

Были: заводские корпуса, узкая заснеженная улица между ними и ожидающая почтальона карета. То есть не карета, конечно. Но откуда мне знать, как называется двухколесный открытый экипаж, в который впряжена лошадь? Шарабан? Тарантайка? Тильбюри?

Почтальон неторопливо шел к своему экипажу. А я обещал по свежему снегу вокруг башни – совершенно не похожей на водонапорную, скорее выглядевшую как одна из заводских построек.

Как я уже и ожидал, в башню вела только одна дверь, а на втором этаже было только одно окно. Башня была пятиугольной, метров пятнадцать высотой, немного сужающейся кверху.

Вернувшись к двери, я нырнул внутрь башни. Захлопнул дверь. Пакеты и письмо бросил на пол, а сам кинулся к другим дверям, изнутри их по-прежнему было пять.

Закрыто.

Закрыто.

Третья дверь послушно распахнулась.

Шел дождь. Над Москвой висело серое промозглое утро. Неожиданно резко ударил в нос запах выхлопных газов, мазута, еще какой-то дряни. Стучала вдали колесами уходящая электричка. Я вышел, тут же вляпался в лужу, с ботинок упа-

ли и мгновенно растаяли хлопья снега. Обернулся.

Кирпичная башня. Самая обычная старая водонапорная башня. Одна-единственная дверь, одно окно, закрытое ржавыми железными ставнями.

От магазинов донесся обильно сдобренный матюками разговор: «А она... подзаборная... нажрался... как свинья, говорит... все вы, бабы...» Неправедно обиженному что-то визгливо отвечали пропитым, но, наверное, женским голосом.

Здравствуй, любимый город...

Я отступил назад, захлопнул за собой дверь. Закрыл за-сов.

Эх, писатель Мельников... Зря ты мне не поверил.

Подняв с пола пакеты и письмо, я поднялся на второй этаж. Открыл окно, выходящее на Москву. Отошел немного и несколько минут любовался удивительной картиной: дождливое серое утро в одном окне, яркий зимний рассвет – в другом.

А потом сел за стол и аккуратно вскрыл конверт с письмом.

Из конверта выпал узкий желтоватый листок, вызвавший у меня ассоциацию то ли с повесткой, то ли с телеграммой: качеством бумаги, слепым машинописным шрифтом, пропущенными союзами.

«Кириллу Максимову. Поздравляем прибытием. Обживайтесь. По желанию приступайте работе. Комиссия прибу-

дет послезавтра. Всех благ».

Это «всех благ» меня доконало. Я скомкал листок, бросил на пол. Снова заглянул в окна. Дождь в одном, снег в другом. Два мира и три закрытых окна. Я попытался снять защелку с одного из закрытых окон – она не поддавалась.

Вернувшись к столу, я разорвал один из пакетов. Достал увесистый томик в коричневом кожаном переплете. Не в пластиковом «под кожу», а в настоящем, вкусно пахнущем новой вещью. Почему-то вспомнилось, что в Азии запах кожи считается одним из самых отвратительных... интересно, будь я китайцем или корейцем, из чего оказался бы переплет?

Я осторожно открыл книгу. Никаких выходных данных, разумеется. Хорошая плотная белая бумага, четкая печать. На первой странице – оглавление:

Москва

Товары, разрешенные к вывозу – стр. 3

Товары, запрещенные к вывозу – стр. 114

Товары, разрешенные к ввозу – стр. 116

Товары, запрещенные к ввозу – стр. 407

Я открыл страницу сто четырнадцать. Список был более чем невелик.

«Рабы (лица, обращенные в собственность ближнего своего, состоящие в полной власти его).

Оружие массового поражения (оружие, предназначенное для нанесения массовых потерь)».

Я открыл книгу ближе к началу. И выяснил, что пошлина за один килограмм разрешенного к вывозу перца (черный, красный, белый или зеленый) составляет три тысячи восемнадцать рублей шесть копеек. Зато перчатки облагались пошлиной в размере всего семи рублей за пару. Пергамент – девяносто шесть рублей три копейки за квадратный метр. А павлины (перо) – два рубля семнадцать копеек за десять сантиметров.

– Верещагин, уходи с баркаса... – пробормотал я. Посидел, разглядывая мелкий разборчивый шрифт. Нашел четверста седьмую страницу.

Кроме рабов и оружия массового поражения, в Москву было запрещено ввозить любые растения и семена, сохраняющие всхожесть, наркотические вещества и любых животных, за исключением эндемичных. Несколько секунд я размышлял, являются ли эндемичными для Москвы верблюды. Или дельфины. Или белые медведи.

В зоопарке ведь они имеются.

Я представил, как по заснеженному тупичку тяжело топаят к башне груженные тюками анаши белые медведи с погонщиками-рабами, вооруженными портативными ядерными бомбами. А я гордо встаю у двери и, размахивая книгой, не пускаю груз в Москву...

Я даже подошел к окну, за которым дремали заснеженные заводские корпуса, и бдительно оглядел безлюдную улицу.

Что это? Дыра в пространстве? Нет уж, судя по архитек-

туре зданий и гужевому транспорту почтальона – скорее во времени.

Или и в пространстве, и во времени.

Или в параллельный мир, вечную радость фантастов. Шел человек, открыл дверь в стене...

ТЬФУ!

Я разорвал второй пакет. Точно такая же книга, тоже в кожаном переплете, только черного цвета. Оглавление – все те же четыре раздела.

Но вверху – не «Москва», а таинственный «Кимгим».

Что-то в этом слове было от сибирских названий, что-то от азиатских. В одном я был уверен: никогда раньше я не слышал про такой город.

И впрямь проход между мирами?

А при чем тут я? Почему меня вначале забыли друзья, а потом перестали замечать даже менты? Откуда взялась Наташа Иванова и с какой радости она покончила с собой? Кто позвонил и вывел меня на эту башню, смотрящую двумя сторонами в два разных мира (и, никаких сомнений, способную открыться еще в три)? Кто прислал письмо и сборники таможенных правил?

Нет, неправильные вопросы. Не важные. Вначале меня должны интересовать не причины происходящего, а мои действия.

На мне сырая одежда, к тому же – совсем не по погоде. Из еды – шоколадка и бутылка минералки. Денег ни копейки, и

пока даже присвоить таможенные сборы нет возможности.

Впрочем, нет худа без добра. Раз уж меня не замечают кассирши, а милиция отпускает после задержания «на месте преступления»...

Я ухмыльнулся и отложил таможенные правила Кимгима.

С самого детства, посмотрев первый боевик и прочитав первый детектив, я решил, что грабить людей – нехорошо, а вот обчищать банки или корпорации – очень даже нравственно. Уж не знаю, откуда у меня взялась такая странная мораль, но что-то в ней есть. Я потом в книгах неоднократно встречал такой же подход. Да и в жизни, если разобраться, вора, укравшего кошелек, граждане могут убить на месте, а ловкого мошенника, обворовавшего страну на миллиард, терпят и даже готовы им восхищаться.

Как бы там ни было, но я решил обворовать ближайший крупный магазин. Такой нашелся минутах в десяти пешком от железки.

Для начала я решил запастись продуктами. Прошелся по залу, набрал полную тележку: консервы, копченая колбаса, сухарики, минералка и соки, еще две бутылки коньяка, на этот раз дорогого армянского. На взгляд все это добро тянуло тысячи на две-три. Не настолько много, чтобы персонал ждали серьезные неприятности.

Лучезарно улыбнувшись кассирше, я прокатил тележку мимо кассы. Детекторов тут не было, не настолько крупный магазин, так что визга сигнализации не последовало...

– Гражданин! – раздраженно и одновременно растерянно окликнула меня девушка с кассы.

Я выждал секунду и повернулся:

– Да?

Продавщица, ярко накрашенная молоденькая девица, возмущенно смотрела на меня:

– А платить?

У меня предостерегающе екнуло в груди. Но я еще хорохорился:

– О чем вы?

– Володя! – позвала продавщица.

Охранник тут же подошел к нам.

– Платить не желает!

Никакой забывчивости в ее глазах не было. Наоборот, я готов был биться об заклад, что девушка запомнила меня накрепко и вечером не преминет рассказать семье о наглom во-ришке.

– Как не желаю? – быстро сдал назад я. – Хотел вначале упаковать покупки.

Более нелепого объяснения и придумать было нельзя.

– А пробить? – помахивая датчиком штрих-кода, будто футуристическим бластером, спросила девушка. – А пробить я товар должна?

– Ой, извините, что-то я совсем задумался... – Выдав кривую улыбку, я стал выкладывать продукты на ленту транспортера.

Охранник задумчиво посмотрел на меня. Остановил кассиршу, уже подносящую первую банку к датчику:

– Погоди, Танька... У вас деньги-то есть, молодой человек?

Денег у меня не было. Я небрежно достал кредитку:

– Карточку принимаете?

– Принимаем. – Кассирша всмотрелась в карточку. И зло-
радно улыбнулась: – Только эту не приму.

– Почему?

– А она не ваша.

Смотреть на карточку я даже не стал. Сказал:

– Ой. Иванова Наталья? Это жены, у нас от одного банка...

– Чужую не приму, – облегченно произнесла кассирша.

Зато охранник ехидно улыбнулся:

– Вон банкомат стоит. Утром деньги закладывали. Сними,
сколько там тебе надо.

Под его пристальным взглядом я направился к банкомату.

Что сделает охранник, если я брошусь наутек? Вряд ли примется преследовать. Да и в милицию скорее всего не сообщит. Урона магазину я не нанес, а что карточка у меня чужая, так это не его проблемы...

Встав к охраннику спиной, я всунул карточку в щель банкомата (и впрямь владелица Ivanova Natalia). Карточка изменилась – чего и стоило ожидать.

А вот изменился ли пин-код?

И не успел ли банк заблокировать карточку покойной?

Я медленно набрал на пульте: 7739. Подтвердил код.

На экране загорелся запрос суммы.

Я с облегчением выбрал пять тысяч. Потом передумал и набрал девять семьсот – почти все, что на карточке оставалось.

Банкомат равнодушно зашелестел купюрами, выдавая мне новенькие пятисотки и слегка мятые сотни.

Я вернулся к кассе, демонстративно держа деньги в руке. Охранник с явным разочарованием отошел в сторону. Кассирша молча упаковала покупки, я расплатился – и через минуту уже вышел из магазина. Обернулся – кассирша и охранник смотрели мне вслед и о чем-то разговаривали.

Беда.

Куда делась моя вчерашняя неприметность? Ведь я был зрячий в стране слепых. Я был человеком-невидимкой, избавленным от проблем с ходьбой нагишом и босиком.

А сейчас...

Во мне вдруг проснулась робкая надежда. Я сел на лавочке напротив магазина, примостив рядом пакеты с покупками. Достал телефон.

Друзьям или родителям?

Родителям.

Гудок. Другой. Третий.

– Да! – послышался в трубке веселый отцовский голос. – Слушаю вас!

Я сглотнул вставший в горле ком и сказал:

– Это я, Кирилл.

– О, привет-привет! – отозвался отец. И – не успел я обрадоваться – добавил: – Кирилл Андреевич?

– Нет, Кирилл Данилович.

– Э... извините?

– Я твой сын! – крикнул я в трубку.

Несколько секунд длилась пауза. Потом отец как-то очень неуверенно сказал:

– Глупая шутка...

– Я твой сын, – повторил я.

– Сколько вам лет? – спросил отец, понижая голос.

Я растерялся, но ответил:

– Двадцать шесть.

Мне показалось – или в голосе отца послышалось облегчение?

– Не надо так шутить, молодой человек! Глупо и не смешно!

В трубке забили сигналы отбоя. Я рефлекторно набрал снова – но телефон у отца был, похоже, отключен.

Это что же получается? Назад ничего не вернулось... А зачем отец спрашивал мой возраст?

Я подумал секунду – и вдруг понял зачем. На лицо невольно напозла ухмылка. Ну, папа! Ну, ты даешь! Значит, у меня может существовать братец, старший или младший...

Впрочем, какая с того радость, если я сам не существую? Дверь магазина открылась, вышел охранник, закурил. Увидел меня – и тут же во взгляде появилась подозритель-

ность.

Нет, новая встреча с милицией мне не нужна. В этот раз не отпустят.

Подхватив пакеты, я зашагал обратно, к своей башне. Исчезни она или превратись в обычную грязную водонапорную башню – я бы ничуть не удивился. Но башня была на месте, дверь открылась, внутри тоже ничего не изменилось: винтовая лестница, простая меблировка на втором этаже. Минералка и коньяк так и стояли на столе. Я выложил покупки, сразу же понял, что забыл купить хотя бы пластиковую посуду и столовые приборы. Колбасу пришлось грызть. Впрочем, это не помешало мне позавтракать колбасой с сухариками, запить все минералкой и глотком коньяка, после чего некоторое время постоять у окна, выходящего в чужой мир.

Снег. Здания красного кирпича. Солнце стоит высоко, но уже нагнало облаков... как бы снова не начался снегопад.

Конечно, стоило выйти в этот мир. Поискать хоть какие-то разгадки. Но вначале мне потребуется теплая одежда... и с моими финансами закупки придется делать на вещевом рынке.

Утреннее воодушевление развеялось как дым.

Так не бывает! Уж если существуют иные миры – то там должны водиться чудовища и прекрасные принцессы. Первых уничтожают, вторых спасают. А тут глухая улочка и заброшенные здания...

Некоторое время я мрачно смотрел в окно. Потом сказал

сам себе:

– Нечего сидеть. Все ответы где-то там. А еще – чудовища и принцессы...

Убежденности в своем голосе я не заметил. Но встал и вышел – в Москву.

Мне все-таки удалось обойтись без визита на вещевой рынок. Я вспомнил про магазин в районе ВДНХ, где торговали конфискованными поддельными брэндами, нераспроданными остатками модных когда-то коллекций и прочими товарами с подозрительно низкими ценами. Там мне удалось приобрести теплую куртку, пошитую трудолюбивыми китайцами, вязаный берет неизвестного происхождения (надпись «Design of Italia» меня ни в чем не убедила, наоборот, укрепила в сомнениях) и зимние ботинки, имеющие одно неоспоримое достоинство – они были сухие.

Впрочем, кому-нибудь мог понравиться и их удивительный бледно-зеленый цвет.

С покупками в большом пакете, за который экономные торговцы сомнительным товаром не преминули содрать пять рублей, я вышел из магазина. Тут-то меня и поймал телефонный звонок.

– Да? – ответил я.

– Кирилл? – раздалось из трубки.

У меня потеплело на душе.

– Да! Котя, привет!

– Кхм... – Котя явно не рассчитывал, что его узнают. – А как твоя фамилия?

– Максимов.

– Угу. Да. Слушай, мы с тобой два дня назад...

– Коньяк пили, – устало сказал я. – Все ясно. Ничего не помнишь, но опять нашел свою запись? Как там старый ловелас физрук, научил старшеклассницу в шпагат садиться? Ты еще посмотри на подоконнике, там две пустые бутылки стоят. Одна «Арарат»...

– Так это серьезно все? – спросил Котя убитым голосом.

– А ты что думал?

– Хакеры шалят... влезли на мой компьютер и написали...

Нет, надо быть Котей, чтобы верить в таких хакеров.

– Слушай, я тебе ничего доказывать не буду, – сказал я. – Вчера мы вместе ходили к твоему знакомому фантасту. А потом ты меня забыл. За десять секунд.

– А где ты сейчас? – помолчав, спросил Котя.

Я насторожился.

– Зачем тебе?

– Ну... неудобно. Странно все как-то... Приезжай?

– И чем это кончится? – почти весело спросил я. – Я приеду. Буду долго доказывать, что мы с тобой знакомы. Мы выпьем две бутылки. К утру ты протрезвеешь и опять мне не поверишь. Знаешь, что... Приезжай лучше ты.

– Куда?

– Станция «Москва-3». Это в городе, недалеко от метро

«Алексеевская»...

– Я найду. Посмотрю по карте. – Котя явно решился. – Через час... нет, через полтора буду. Э... тебе надо чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Я тебя буду ждать у круглосуточного магазина на станции, если понадобится, там и возьмем. Только учти, – не удержался я, – третий день подряд пить – это уже запой.

– А как я тебя узнаю? – беспомощно спросил Котя.

– Я тебя сам узнаю.

Спрятав телефон, я подумал, что зря мы с Котей не догадались сфотографироваться. Сразу, в первый вечер, когда все только началось. Вот и было бы доказательство знакомства...

Как известно, если ты понял, что сделал глупость, то сокрушаться малопродуктивно. Куда полезнее не повторять этой ошибки. В магазинчике фототоваров у метро я купил одноразовый «пляжный» фотоаппарат, по случаю приближающейся зимы стоивший всего две сотни. На что-нибудь более серьезное деньги тратить было жалко – никаких поступлений у меня не предвиделось.

А еще я купил швейцарский перочинный ножик. Больше всего мне понравилось, что лезвие в нем маленькое и без стопора.

Ловушек я не ожидал, но на всякий случай обосновался

в отдалении от магазинчика, на полпути к своей башне. Купил бутылку пива и тихонечко распивал ее, прохаживаясь по дорожке. Человек в ожидании поезда пьет пиво, что может быть безобиднее...

Котя не подвел и приехал вовремя. Вылез из такси, воинственно поправил очки и стал озиаться. Несколько минут я изучал окрестности, но никакой группы захвата не заметил. Да кому я нужен...

– Котя! – окликнул я бывшего друга, подходя ближе.

Котя подпрыгнул на месте и уставился на меня с таким мучительным желанием узнать, что даже стало неловко.

– Я это, – сгружая пустую бутылку в урну, сообщил я Коте. – Кирилл Максимов. Твой старый... э... приятель.

– Не узнал, – печально сказал Котя. Достал из кармана мятые листки, распечатанные на принтере. Внимательно пробежался глазами. Вдохнул и протянул мне. – Все сходится. Будем на «ты»?

Оказывается, Котя не ограничился одной записью. Вчера, пока мы собирались к Мельникову, он набил еще несколько строчек:

«Сейчас пойдем в гости к Мельникову. Он фантаст, вдруг чего посоветует? На всякий случай, если снова все забуду: моего незадачливого друга зовут Кирилл Максимов. Ему двадцать шесть лет. Он работает менеджером в каком-то компьютерном салоне. Чуть выше среднего роста, обычного телосложения, намечается небольшое пузо...»

– Чего? Какое пузо? – возмутился я. – У меня совершенно нормальный вес!

– Вес нормальный, а работа сидячая, – парировал Котя.

«...пузо, лицо овальное, пухлые щеки...»

– Тебя послушать, так я весь жиром заплыл... – мрачно сказал я. – Я вешу восемьдесят кило. Совершенно нормально для моего роста.

«...щеки, глаза карие, волосы темно-каштановые, нос правильной формы, уши с четко выраженными мочками».

– Котя, ты в милиции не работал? – спросил я. – Словесные портреты не составлял?

Котя ухмыльнулся.

«В целом лицо добродушное и привлекательное. Говорит быстро, голос чуть глуховат, в разговоре неумело старается острить и подкалывать собеседника. Если я вернусь домой один и забуду про Максимова, то, прочитав эту запись, вспомню о случившемся. Что-то странное происходит с Кириллом, и мне очень не нравится, что я в это впутался».

Дальше шли чистые полстраницы – и еще несколько строчек из рассказа, в который Котя и впечатал записку самому себе:

«– Вот таким макарон! – шутливо закончил Семен Макарович, вытирая пот со лба. – Это называется тантрическая йога, и придумали ее тысячи лет назад древнегреческие гетеры.

– Спасибо огромное! – воскликнула Юля и зарделась».

Я посмотрел на Котю и покрутил пальцем у виска:

– Какие еще гетеры?

– Древнегреческие! – Котя забрал листки. – Работа у меня такая...

– Знаю я твою работу.

– Что вчера у Мельникова случилось? – спросил Котя.

– А ты ему не звонил? – поинтересовался я. – Сам-то что помнишь?

– Звонил, – ответил Котя с достоинством. – Он считает, что я к нему зашел один и мы говорили о литературе. Я тоже это помню. И все.

– Как я тебя на выходе из подъезда остановил?

Котя покачал головой.

– Пошли сядем, разговор долгий будет.

Мы взяли по бутылке пива (Котя хмыкнул, когда я без вопросов купил ему его любимую «Оболонь», а себе – нормальный «Туборг»), и я начал рассказ. Ничего не утаивая. И как купил нож, как подстерег Наталью Иванову, как она зарезалась...

– Ты уверен, что это не ты ее ударил ножом? – не выдержал Котя.

– Уверен. Я стоял с ножом в руке, хотел скотч разрезать...

– Невозможно прыгнуть на нож так, чтобы зарезаться! – подозрительно сказал Котя.

– А ты пробовал?

Котя замолчал.

Когда я дошел до милиции, освободившей меня из-под стражи, Котя занервничал.

– Слушай, Кирилл, вот это никак не возможно!

– Но так оно и было.

– Было, не было... – Котя задумался. – Говоришь, тебя били?

– Я думал, ребра сломают. Несколько раз так пнули...

– А сосед тебе в глаз засветил?

– Ну да.

– Ты в зеркало на себя смотрел?

– А что такое?

Котя ухмыльнулся.

– Ничего! В том-то и дело. У тебя лицо свежее и довольное. Будто ты неделю на курорте провел. А ребра болят?

Я подумал и расстегнул куртку. Подтянул свитер.

– Никаких следов, – констатировал Котя. – Ты меня извини, но так не бывает. Если тебя избили ногами, то хотя бы синяки наутро останутся.

Спорить с ним было трудно.

– Слушай дальше, – сказал я. – На этом чудеса не кончились.

– После ментов, которые тебя отпустили, больших чудес случиться не может, – скептически произнес Котя.

Через десять минут я закончил рассказ про башню и ехидно спросил:

– Как оно? Удивительнее ментов?

– Где эта башня? – спросил Котя.

– Вон, – показал я.

Котя снял и протер очки. Сказал:

– Это старая водонапорная башня.

– Да, конечно. С виду.

– И ты можешь меня туда провести?

– Ага.

– Пошли. – Он решительно поднялся. – Хотя я совершенно убежден, что дверь не откроется или внутри башни не окажется ничего странного...

Если честно, этого боялся и я. Откуда мне знать, могу ли я провести кого-то с собой? Быть может, проход между мирами работает только для меня. Это даже было бы логично.

Но дверь в башню открылась. И внутри все было именно так, как я запомнил. Винтовая лестница на второй этаж, пять дверей.

– Офигеть, – сказал Котя, озираясь. – Ты видишь то же самое, что и я? Качественный ремонт, винтовая лестница наверх...

– Да.

– Покажи мне ту дверь! – велел Котя. – Ту, в Кылгым!

– Кимгим, – поправил я.

Подошел к двери и, еще не открывая ее, понял, что все в порядке: металлическая ручка была ледяная.

Шел снег. Небо затянуло плотным покровом туч, и нам

на головы ложились легкие белые хлопья. В окнах заводов (хотя с чего я решил, что это заводы?) света не было, звуков тоже никаких не доносилось. Следы от почтового экипажа давно засыпало снегом.

– Вот оттуда приезжал почтальон, – сказал я. – На тильбюри.

– Интересно, – сказал Котя и покосился на меня. – Тильбюри, говоришь?

Я пожал плечами. Содрал с фотоаппарата целлофановую обертку и сделал несколько снимков. Крошечная вспышка помаргивала, пытаясь подсветить местность. Впрочем, пленка – 400 единиц, снимки должны получиться.

– По всем признакам – параллельный мир, – сказал Котя. – А? Более отсталый, чем наш. Верно?

– Ну... похоже.

– Пошли в дом. – Котя вдруг посерьезнел.

– Теперь веришь? – спросил я, задвигая засов.

– Верю, верю... – Котя подергал остальные двери. – Все закрыто... Черт побери! Какие дела...

Он заметался по комнате, прижимаясь к дверям ухом, простукивая их, чуть ли не обнюхивая. Потом принялся изучать деревянный пол.

– За ночь изменился, – сказал я с гордостью, будто это я сам, лично, за одну ночь настлал тридцать квадратных метров массивной доски.

– Лиственница, – сообщил Котя. – Лаком не пахнет. А

залакировано уже после укладки!

– Вот такая беда и на моей квартире была, – подтвердил я. – Никаких следов ремонта.

– Изменилась реальность... – с чувством произнес Котя. – И все изменились вместе с реальностью, один ты остался неизменным!

– Пошли наверх? – гостеприимно предложил я. – Там еще веселее вид.

– Или же наоборот, – продолжал размышлять Котя, идя за мной. – Реальность неизменна, а изменился ты. Потому и воспринимаешь обычные вещи как неожиданные...

– Это эвфемизм к слову «спятил»? – спросил я. – А ты не знаешь, в каждой заброшенной водонапорной башне произведен евроремонт?

Котя только вздохнул.

На втором этаже он тоже минут пять изучал обстановку. Таращился в окна, осматривал мебель. Обжигаясь, выкрутил одну лампочку и долго изучал цоколь. Потом вцепился в присланные книги, стал их с интересом проглядывать.

Я ему не препятствовал, потихоньку разлил купленный вчера коньяк, нарезал колбасу и сыр. На душе у меня слегка полегчало. Пускай друг меня и забыл, но наши отношения словно бы и не изменились. Наверное, оттого, что я-то знал, как с ним общаться, какие слова лучше говорить и как поступать.

– Что-то не сходится... – Котя отложил книги и задумчиво

посмотрел на меня. Без особого интереса взял коньяк, пробормотал: – Только для снятия стресса...

– И что не сходится? – спросил я, когда мы выпили.

– Все не сходится. Вот смотри, что мы имеем? Ты – обычный молодой московский парень. Занимаешься какой-то ерундой, живешь в квартире, подаренной родителями, не женат, детей нет. Уникальными талантами не отмечен. Верно?

– Верно, – признал я.

– В твоей квартире поселилась чужая баба, у тебя исчезли все документы, тебя забыли друзья и родные. Ты подозреваешь во всем этом чью-то злую волю – и пытаешься допросить злодейку, отнявшую твою квартиру. Она внезапно кончает с собой. Тебя арестовывают, но забывчивость ментов прогрессирует, и тебя отпускают.

– И впрямь ерунда, – признался я.

– Нет! – Котя вскинул руку. – Ты не прав! Вот как раз все это укладывается в один логически верный ряд! Некая сила стирает тебя из нашей реальности. Что это за сила – инопланетяне, масоны или господь Бог, – пока не важно. Но смотри, что происходит дальше. Тебе звонят и приводят в заброшенную водонапорную башню. Внутри башни оборудовано жилье, причем за ночь обстановка меняется к лучшему. А еще в башне пять дверей. и одна из них – пока только одна – ведет в чужой мир! К тому же тебе недвусмысленно намекают, что ты станешь выполнять функции таможенника. По-

нимаешь, что не сходится?

– Нет, не понимаю! Все та же самая «некая сила» орудует. Котя вздохнул. Налил еще по рюмке.

– Дубина. Ты возьми любого... ну ладно, у семейных свои причуды... возьми любого холостого молодого человека. Будь он дворник, студент или преуспевающий работник крупной фирмы. Возьми и предложи новую работу: таможенник миров двух между!

– Интересно, – признался я.

– Я бы согласился! – Очки Коти азартно сверкнули. Конечно же, от резкого поворота головы, но выглядело это так, будто глаза засветились от азарта. – Любой бы согласился! И ты – тоже!

– Ну знаешь... – Я посмотрел в окно. Над неведомым городом Кимгимом шел снег. Там уже стемнело. Там было тихо, таинственно и чисто. А в другом окне моросил дождь, и земля растеклась в слякотную кашу. Фыркая черным дымком, проехал по дороге тяжелый грузовик. Неожиданно для себя я признался: – Да, согласился бы.

– Ну вот, – кивнул Котя. – Теперь подумай – зачем все эти сложности? Квартира, документы, склероз у друзей, безумная баба-самоубийца? Пришли бы и предложили работу – все дела... Вот это меня и смущает, Кирилл.

– Ты пытаешься понять логику... – Я подавился словом «инопланетян» и закончил: – Невесть кого. Может у них вообще логики нет.

– Логика есть всегда! – строго ответил Котя. – Если ее нет, то, значит, мы не понимаем происходящего. И это меня тревожит... А еще...

Он взял одну из книжек, открыл в начале, провел пальцем по странице. Спросил:

– Что такое асфетида?

– Пряность восточная, – не подозревая подвоха, ответил я. – Входит в состав карри. Еще ее называют хинг или асмаргок.

– Верю, – согласился Котя. Раскрыл книгу чуть подальше. – А что такое... э... жуи?

– Ткань. Хлопковая.

– А чем она от обычной ткани отличается?

– Ну... она такая... белая или бежевая, и на ней рисунок одним цветом. Всякие пастушки, барашки, деревца...

Я замолчал.

– Дошло? – спросил Котя. – Ты когда про тильбюри сказал, я сразу неладное заподозрил... Или ты работал поваром на ткацком комбинате?

Я помотал головой.

Самое обидное, что я никаких новых знаний в себе не чувствовал. Какие пряности? Я их знаю две: соль и перец! Какие еще ткани? Бывают натуральные, а бывает синтетика. Синтетику лучше не носить. Особенно в виде носков.

Но когда Котя задал вопрос, ответ выскочил сам собой. Я представил асфетиду (даже резкий чесночный запах при-

помнился) и большой рулон жуи с пасторальными сценками.

– Это, видимо, тебе прилагается вместе с должностью, – рассуждал вслух Котя. – А иначе как будешь работать... ой!

Нервы были на взводе, но вот раздавшийся стук меня ничуть не напугал – в отличие от Коти. Я встал и отправился вниз.

– Подожди! В глазок хоть посмотри! – выпалил Котя, вскакивая.

– Какой глазок? – отмахнулся я.

– Недосмотр, что глазка нет! – Котя уже явно паниковал. – В какую дверь стучат? В какую дверь?

– В нашу! Московскую!

– Спроси кто!

Но я спрашивать не стал. Просто открыл.

Чуть в стороне, съехав с дороги на раскисшую обочину, стояла большая темно-синяя «Audi Allroad». А прямо у дверей – три человека. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом, чуть старомодном пальто из кашемира и с такими начищенными туфлями, будто до дверей его донесли. Сразу было видно человека «с положением». За ним – девушка лет двадцати, в шубке из щипаной норки, стильно одетая, хорошенькая, но с таким брезгливым выражением лица, будто ее заставили рыться в помойке. За ними – здоровенный мужик с мрачным лицом, которому не хватало только плаката на груди: «Я – очень крутой телохранитель». Но при этом телохранитель смотрел на меня не с обычным профессиональ-

ным подозрением, а с каким-то испуганным вызовом. Будто я недавно безнаказанно отвесил ему пару затрещин, а потом похлопал по плечу и одобрительно сказал: «Хороший мальчик».

Удивительное это чувство, когда понимаешь – тебя опасаются...

– Добрый вечер, – сказал мужчина с хозяйскими повадками. Я насторожился, вспоминая голос в телефонной трубке. Нет, кажется, не он. Похож только общей уверенностью. – Мы войдем.

– Пожалуйста. – Я посторонился.

Мужчина и девушка вошли. Телохранитель остался снаружи.

– Как договаривались, Витя, – бросил ему мужчина и закрыл дверь.

Наступила неловкая пауза. Девушка стряхивала с шубки капли воды. К высоким каблучкам сапожек она, похоже, не привыкла и стояла как-то неустойчиво. Мужчина осмотрелся. Улыбнулся мне, кивнул замершему на лестнице Коте. Котя зачем-то быстро снял и сжал в руке очки.

– Вы ко мне? – спросил я.

Брови у мужчины поползли вверх.

– Нет. Мы бы хотели пройти.

– В Кимгим? – хриплым от волнения голосом спросил с лестницы Котя.

– А уже есть варианты? – заинтересовался мужчина.

– Нет, – ответил я.

– Тогда в Кимгим.

– Надо было ехать на «Семеновскую»... – негромко сказала девушка.

– И провести час в пробках? Так быстрее, – отрезал мужчина. – Мы пройдем? Товаров у нас с собой нет.

Надо было попросить у них объяснений. Нет, не попросить, а потребовать. Но что-то меня удержало. Может быть ощущение, будто требовать от этого лоснящегося господина объяснений – все равно что спрашивать, сколько цилиндров в моторе его машины. Он не знает, он пользуется.

А может быть, меня остановил взгляд девушки? Одновременно раздраженный... и просящий. Будто она смертельно боялась заминки – и оттого злилась. И на меня, и на мужчину.

– Проходите в ту дверь. – Я кивнул.

Они прошли, оставляя за собой грязные следы на полу. Девушка на ходу провела рукой по перилам лестницы, будто потеряла равновесие. Мужчина уверенно отодвинул засов, пропустил вперед девушку и вежливо кивнул мне на прощание.

Я подошел, чтобы закрыть дверь. И обнаружил, что в отдалении от башни парочку ждет экипаж. Четырехколесный, с откидным верхом.

– Какая дама! – восхищенно сказал Котя за спиной. – А? Что скажешь?

– Ландо, – сказал я, захлопывая дверь.

– Какое еще ландо? Подруга у мужика хороша!

– Может, это дочь?

– Ха! – Котя даже всплеснул руками от возмущения. – С такой попой? Эх, живут же люди... Надо было их расспросить!

– Не думаю, что это они все устроили, – сказал я.

Меня что-то тревожило. Так... они вошли... девушка покачнулась и взялась за перила, на мгновение замедлила шаг...

– Ну хоть что-нибудь, да рассказали бы! Кто такие, от кого знают про башню, куда собрались... А ты понял – в Москве это не единственная башня! Есть еще где-то на «Семеновской»! Ты что там увидал, Кирилл?

Я подошел к лестнице. Наклонился и поднял с пола комочек бумаги, развернул его.

– Записка? – оживился Котя и перегнулся через перила. – Откуда?

– Это девушка бросила, – объяснил я. – Когда проходила мимо лестницы.

Глаза Коти забегали по бумаге. Через несколько секунд он тихо сказал:

– Блин... Что делать будем?

Вас когда-нибудь просили о помощи?

Наверняка просили. «Одолжи штуку на неделю, а?», «Купил я все-таки гарнитур! Приходи, будем таскать мебель на четвертый этаж без лифта!», «У тебя машина на ходу? Теща в три часа ночи из Анталыи прилетает...».

Конечно, это иногда напрягает. С другой стороны, понимаешь, что сегодня просили тебя, а завтра попросишь о помощи ты.

А вам когда-нибудь приказывали помочь?

Неприменно. «Фура с товаром пришла, поможешь грузчиком», «Стойте, гражданин, будете понятым!», «В субботу вечером все идем на митинг против терроризма!».

Знаете, в чем разница? Ты бы и так пошел разгружать грузовик, ведь от пришедшего товара зависит твоя зарплата. И засвидетельствовать, что у мрачного типа с бегаящими глазами в кармане женский кошелек, – тоже был готов. А к террористам ты относишься чуть хуже, чем к тараканам, и «была б моя воля...».

Но тебе не оставляют выбора. Тебе приказывают делать то, на что ты и так согласен. Подчеркивают, кто здесь начальник, а кто дурак. Хотя на самом-то деле умный начальник в таких случаях приказывать не станет, оставит тебе иллюзию собственного решения.

Записка, подобршенная девушкой «с такой попкой», оказалась приказом. Старательным округлым почерком человека, не привыкшего много писать от руки, на листке из блокнота было написано колонкой:

Через час отправляйтесь вслед за мной.

Найдете белую розу.

Человек ответит на все вопросы.

Я посмотрел на часы, засекая время.

– Что будем делать? – повторил Котя. – Искать мужика с белой розой?

– А может, женщину? – из чувства противоречия спросил я.

– Тут же написано – человека! – искренне возмутился Котя. – По умолчанию имеется в виду мужчина... Кирилл, ты учти, дело явно пахнет контрабандой!

– Чего? Белых роз? – Я покрутил пальцем у виска.

– Мало ли чего... Ты даже тех... этих... не проверил как следует!

– Нет у них ничего запрещенного. В товарных количествах – тоже ничего нет.

– Откуда ты знаешь? – удивился Котя. И тут же восторженно воскликнул: – О! Я понял! Ты просто знаешь! Как с асфетидой!

Я кивнул.

– Пошли наверх.

– Тебе чайник надо завести электрический, – сказал Котя,

подымаясь вслед за мной. – Или плитку. Как ты без горячего?

– Еще тюль на окна и горшок с геранью... Не собираюсь я тут обустраиваться!

– Ха! – фыркнул Котя. – Не собирается он... Слушай, а где у тебя...

– В Москве. За башней.

Котя остановился как вкопанный:

– Ты что, серьезно?

– По-большому можешь сбегать на станцию.

– Так быть не может, – строго сказал Котя. – Извини меня, но это помещение подстраивается под твои вкусы. Я имею в виду, под твои потребности!

– А ты где-нибудь здесь заметил унитаз?

Котя подумал секунду и стал подниматься по лестнице дальше.

– Закрыто там, – вяло сказал я.

Котя толкнул люк, закрывающий проход вверх. И тот легко подался, откинулся на петлях.

– Закрыто, говоришь? – бодро воскликнул он. – Так... свет тут есть?

Свет там был. Выключатель нашел я, он как-то очень удобно лег под руку.

Третий этаж башни оказался разделенным на две части. Маленькая круглая площадка вокруг лестницы, две двери. Одна вела в совмещенный санузел – исполинских размеров

ванна, умывальник, унитаз. На вешалках нашлись чистые полотенца и пестрый банный халат моего размера. Окон не было.

– Погоди минутку, ладно? – Котя бесцеремонно закрыл за собой дверь.

В ожидании я заглянул во вторую полукруглую комнату.

Как и следовало ожидать. Электрическая плита, шкафы, стол и четыре стула. Кухня. В шкафах нашлась посуда. Тарелки, вилки-ложки, кастрюли и сковородки. Неплохой набор. Я даже обнаружил внушительного размера чугунный казан для плова. На кухне окошко имелось – и выходило прямо на железку.

– Знаешь, что интересно... – входя на кухню, сказал Котя. – Никаких ярлычков на полотенцах. Никаких знаков на фаянсе. В мыльнице кусок мыла лежит, так вот это просто мыло. Без рисунка, букв, символов. Во флаконе шампунь стоит, так он ничем не пахнет и прозрачный. Но мылится!

– Гипоаллергенный, значит, – сказал я. – Котя. Я пойду и приму душ. Я последний раз знаешь когда мылся? Вчера утром у тебя дома.

– А как же эта... – Котя явно растерялся, – просьба о помощи?

– Просьба? По-моему, это приказ. Не люблю приказов.

– Мы же все равно хотели туда идти! – воскликнул Котя.

– Искать человека с белой розой? Что-то мне не хочется. Ловушка это какая-то. Лучше вымоюсь.

На лице у Коти поочередно отразились растерянность, обида и даже неприязнь.

– Дама просила, – сказал он. – Ну... смотри. Иди принимай водные процедуры. Я пока твою жратву на кухню переташу.

Когда я закрывал за собой дверь, то мне послышалось еще что-то вроде: «Дама просит, а ему двое суток без души невтерпеж...»

Плевать я хотел на его бурчание! Горячая вода, шампунь неизвестного происхождения, хороший напор в душе – я с наслаждением вымылся и оделся. Увы, о чистом белье я вовремя не задумался, но все равно мне было хорошо.

Когда я вышел из ванной на кухню, Котя стоял у окна. На плите кипел алюминиевый чайник. При моем появлении Котя демонстративно посмотрел на часы и вздохнул.

– Котя, как ты представляешь себе поиски человека с белой розой в чужом мире? – спросил я, усаживаясь за стол. Надо сказать, что, несмотря на изрядный бардак у себя дома, в гостях Котей овладела какая-то страсть к порядку. Он действительно перетаскил на кухню все продукты и аккуратно разложил по шкафам.

– Я представляю, что не тому человеку выпал уникальный шанс исследовать чужой мир! – горько сказал Котя.

– Котя, сейчас семь вечера, – ответил я. – Еще двадцать минут.

– Так ты пойдешь? – Он сразу ожил. – А еще голову моро-

чил... Кстати, здесь та же самая петрушка! Никаких знаков изготовителя, ни на посуде, ни на плите. Я думаю, все это создано механизмами башни как идеальное отражение конкретных вещей! Своего рода платоновские идеальные вещи!

– Какими механизмами? – спросил я, наливая себе кипятка и бросая в стакан пакетик чая. – Какие идеальные вещи? Этот кривобокий чайник – идеальный чайник?

– Сразу видно, что ты не интересуешься философией. – Котя тоже сделал себе чай. – Между прочим, белая роза – это древний философско-магический символ. Как и башня, кстати! Со времен Вавилонской башни...

– Котя... – Я вздохнул. – Это не символ. Мы в нем сидим. И чай пьем тоже не из символа.

– Весь мир состоит из символов, а наша жизнь – тем более! – горячо воскликнул Котя. – Любовь мужчины к женщине тоже глубоко символична. Я думаю, когда эта дама оставила нам записку...

– Котя! – воскликнул я, прозревая. – Дама?

У Коти забегали глаза, но он твердо повторил:

– Дама!

Я первый раз присутствовал в момент влюбления моего друга. Вот оно как бывает! Мимолетный взгляд, восхищение фигуркой – и Котя готов. Он ведь и лица ее толком рассмотреть не успел!

Нет, симпатичная девушка, слов нет. Но...

– Кирилл, если ты согласен, я пойду с тобой, – твердо ска-

зал Котя.

– Замерзнешь. Там снег валит, а у тебя ботиночки на тонкой подошве и куртка на рыбьем меху.

– Она с виду тонкая, а на самом деле очень теплая!

Я пожал плечами.

– Да пожалуйста! Что я тебе, мать родная, шарфик на шею повязывать? Ты уже большой мальчик, воспаление легких сам вылечишь.

– Я пойду с тобой, – упрямо повторил Котя.

В тупичке было темно. По-зимнему, когда небо не разглядишь, но рождающийся в нем белый снег координатной сеткой чертит воздух, а от самой земли будто идет слабое белое свечение. Едва-едва угадывались заснеженные стены и темный контур башни. На ней снег почему-то не налипал.

– Один маленький шаг открывает целый огромный мир, – внезапно сказал Котя.

– А? – Я вздрогнул. – Ты чего?

– Ну... мы же впервые вышли в иной мир. Надо что-то сказать. – Под моим взглядом Котя даже в темноте начал мяться. – Что-то умное.

– Впервые? Тут люди так и шастают! Туда-сюда! И мы уже выходили час назад, башню осматривали.

– Тот раз не считается... Пошли?

Я решил, что бороться с романтическим порывом Коти бесполезно, и двинулся прочь от башни. Туда, откуда приез-

жал почтальон и куда, вероятно, отправилось ландо с незнакомой дамой и ее спутником. Снега за прошедший час насыпало изрядно, но следы от повозки все-таки оставались, и мы старались держаться их.

– Неправильно все, – вздыхал за спиной Котя. – Надо было приборы захватить. Термометр, барометр... Какова разница температур между нашим миром и этим? Почему не возникает перепадов давления? Снег бы хорошо взять на анализ... Проверить, работает ли здесь радио...

– У меня в телефоне есть радиоприемник, – похвастался я.

– О!

– Только надо наушники втыкать, они вместо антенны. А их нет.

– Мобильник! – спохватился Котя. – Сейчас... – Он извлек из кармана телефон и обиженно сказал: – Блин... Сеть недоступна!

– Хватит болтать на морозе, точно горло застудим.

Думаете, Котя успокоился? Он обсуждал со мной архитектуру окрестных строений – хотя что тут можно было рассмотреть, в темноте. Выдвигал и опровергал гипотезы о мире Кимгима – к примеру, у него получалось, что мир этот может быть куда развитее нашего, а гужевой транспорт жители используют из соображений экологии и любви к старине.

Я его почти не слушал. Шел, месил ногами рыхлый пушистый снег. Есть люди, которые в непонятной ситуации замы-

каются в себе и ждут развития событий. А есть такие, кто начинает болтать и фонтанировать идеями. Я раньше считал, что и сам из таких. Но рядом с Котей невольно стал молчуном.

Меня куда больше волновало, что делать, если мы и впрямь найдем человека с белой розой. Какие вопросы задать. И какие ответы мы получим...

Улица закончилась как-то неожиданно вовремя. Котя, шедший за мной, вначале перестал тараторить, потом тяжело задышал, потом сказал, что я пру как танк и совершенно не жалею работника умственного труда, не привыкшего торить снежные тропы. Похоже, он уже готов был сдаться и отправиться назад. Но тут впереди забрезжил слабый свет, мы оба невольно ускорили шаг и через несколько минут вышли на открытое пространство. Для полноты наших впечатлений и снегопад немного поутих.

– Убиться веником! – воскликнул Котя. – Где это мы?

Я был с ним абсолютно солидарен.

Мне почему-то казалось, что тупичок расположен где-то в центре города. Что достаточно из него выйти – и мы окажемся в гуще местной жизни. Чудились какие-то кривые улочки, прижавшиеся друг к другу дома в три-четыре этажа, маленькие площади с фонтанами и крошечные лавочки с товаром непонятного происхождения и назначения, чинно расхаживающий люд, конные экипажи...

Фиг там.

Мы вышли к морю. На длинную заснеженную набережную, под которой набегали на каменистый берег серые холодные волны. С одной стороны море, с другой – однотипные здания из красного кирпича, с присыпанными снежком железными крышами, без единого огонька в окнах, прореженные уходящими от берега улочками. Как далеко тянулись здания вдоль берега, снегопад мешал рассмотреть. Уж на километр в обе стороны от нас – точно.

Со стороны моря шел довольно высокий, мне по грудь, каменный парапет. И на нем, на пузатых столбиках, горели неярким дрожащим светом большие, с метр диаметром, шары молочно-белого стекла. Фонари стояли нечасто, но благодаря снегу вся набережная была освещена.

– Свет, похоже, не электрический, – с интонациями естествоиспытателя произнес Котя. – Гляди, а что там?

Мы подошли к обледенелому, мокрому от брызг парапету. Вдали, в море, и впрямь медленно двигались огоньки – целое созвездие, плывущее за мутным снежным занавесом.

– Корабль, – предположил я.

– Угу.

– На Питер похоже, – сказал Котя. – Нет, не на Питер. На Юрмалу.

– Хочешь сказать...

– Нет, не хочу. – Котя поежился. – Какое-то все чужое... Тебе не страшно, Кирилл?

Я подумал и покачал головой. Нет, страшно не было. Лю-

бопытство, легкая настороженность — и все.

— А то, может, вернемся... — предложил Котя. — Мы честно искали, но никого не нашли.

— Следы от ландо видишь? — спросил я.

— Вижу, — признался Котя.

— Давай пройдем по ним немного. Это все-таки повозка, а не автомобиль. Не могли они очень далеко уехать. Или замерз?

— Я? — возмутился Котя. — Да я вспотел! Говорю же — у меня куртка теплая.

— Тогда пошли. Нет, подожди!

Я прошелся вдоль парапета, утаптывая снег и пытаюсь найти хоть какой-нибудь мусор. Камень, ветку... хоть что-нибудь. Лезть через парапет на берег не хотелось. Наконец я нашел булыжник с кулак размером, обтер от снега и торжественно водрузил на парапет.

— Отмечаешь место? — догадался Котя. — Правильно. А то заплутаем.

Честно говоря, я немного завидовал другу. Он вел себя... ну... правильно, что ли. Исследовал новый мир. Героически терпел холод. Спешил задать все вопросы и получить все ответы. И ведь он совершенно явно побаивался.

А во мне была какая-то непонятная уверенность в себе, которая начисто убивала сам дух приключения. Если подыскать сравнение, то Котя вел себя будто охотник девятнадцатого века, отправившийся в Африку охотиться на львов. А

я – как современный турист, едущий на сафари в комфортабельном джипе.

Может быть, так и надо?

Может быть, нет здесь никаких львов?

Мы двигались по набережной. Здесь идти было проще, ветер сдувал снег к морю. По левую руку тянулись дома, по правую – парапет с фонарями, исчезающие вдаль огни корабля. Котя приплясывал на ходу и прятал ладони под мышками. Я, честно говоря, тоже пожалел об отсутствии перчаток. Снег снова зарядил не на шутку.

А потом сквозь метель проступило здание на берегу. Здесь набережная дугой выступала к морю, и на образовавшейся площадке стоял двухэтажный дом. Тоже кирпичный, но живой – с теплым светом в занавешенных окнах, с дымком из трубы, с расчищенным снегом у входа. Такие дома рисуют воспитанные дети, которых любят родители. Еще их можно встретить в благоустроенной и уютной Европе.

У нас они как-то плохо приживаются.

– Во идиоты, – сказал Котя, останавливаясь. – Во мы идиоты!

Надо же – в очках, но первым разглядел вывеску над широкими двустворчатыми дверями.

БЕЛАЯ РОЗА

– И с чего мы взяли, что надо искать розу? Белую? Зимой? – Котя фыркнул от возмущения. – Это гостиница. Или ресторан. Ресторан еще лучше... Пошли?

– Постой. – Я схватил его за плечо. – Подожди!

Котя послушно остановился.

Я оглядывал здание. Что же меня тревожит? Там должно быть тепло. Там, наверное, и впрямь чего-нибудь нальют. Если попросить. И ответят на вопросы...

– Первым пойду я. – Я строго посмотрел на Котю. – Понял? А лучше ты подожди пока здесь...

– Дай угадаю, – сказал Котя. – Ты небось служил в десанте. Или имеешь красивый цветной пояс по каратэ.

– Нет.

– Тогда не строй из себя героя!

– Хорошо. – Я не стал дальше спорить. – Только иди за моей спиной. Пожалуйста.

«Пожалуйста» сработало. Котя кивнул.

Я подошел к дверям. Красивые ручки – бронзовые, старинные, в виде когтистых птичьих лап... Да что я тяну, здесь все старинное! Неужели пришел страх?

Я взялся за холодный металл и потянул дверь на себя. Она легко, мягко открылась.

– Что там? – спросил Котя из-за плеча.

Там была небольшая комната вроде прихожей или гардеробной. Вешалки на стенах – все пустые. Две двери. Большое кресло, обитое потертым красным бархатом. Оно пустовало, и это почему-то казалось неправильным. Из стены торчат несколько ламп с цветными абажурами. Похоже, газовые – свет дрожал, как от колеблющегося пламени.

Мы вошли.

– Стильно, – сказал Котя. – И пусто. Но тепло!

Я толкнул внутреннюю дверь. Вот за ней было именно то, что я ожидал увидеть: огромная зала (про нее хотелось сказать именно так – «зала»), потолок – метра четыре или даже пять, в центре комнаты свисает погашенная хрустальная люстра; повсюду стоит основательная, добротная мебель: кресла, столики, шкафы с посудой; стены обиты бежевыми гобеленами. Большой растопленный камин с мраморной доской, уставленной безделушками из стекла и керамики. Широкая лестница на второй этаж. Угол залы занимала массивная барная стойка: никаких металлических цеплялок для бокалов, никаких никелированных стоек, одно лишь матово-черное дерево. За стойкой у стены неглубокие шкафы с красочными бутылками, дальше – полуоткрытая дверь. На полу залы лежал светло-коричневый ковер со странным рисунком из беспорядочно разбросанных темных пятен.

– Какой странный рисунок, – глядя под ноги, сказал Котя. Умоляюще посмотрел на меня: – Да?

– Это кровь, – сказал я. И оглянулся.

В гардеробной стоял человек. Видимо, вышел из второй двери, когда мы прошли внутрь. Мне не понравилась его одежда – черного цвета свитер и брюки, все облегающее, даже на вид скользкое, не ухватить. Одежда для драки, а не для распития напитков у камина. Еще мне не понравилась черная маска-капюшон на голове, оставляющая свободными

только глаза. Глаза тоже не понравились – холодные, безжалостные. Очень не понравилась увесистая короткая дубинка в руке.

Да что там перечислять, человек мне совершенно не понравился!

И то, как он осторожно приближался, держа дубинку чуть отведенной, – тоже.

– Кирилл, зря мы сюда зашли, – дрожащим голосом сказал Котя, глядя мне за спину.

Я проследил его взгляд: за барной стойкой был еще один мужчина в черном, то ли прятавшийся под стойкой, то ли вышедший из двери. На дружелюбного бармена, мечтающего смешать вам необычный коктейль, он никак не походил. Для начала ему пришлось бы отложить дубинку и нож с широким листовидным лезвием.

Еще двое одетых в черное вышли из неприметной двери в дальней стороне зала. Тоже с дубинками и ножами.

И не похоже было, что нас собираются схватить. Скорее мы оказались досадной помехой, которую требовалось устранить максимально простым и надежным образом.

Мужчина за стойкой чуть отвел руку с ножом.

Мужчина из гардеробной перешагнул порог и стоял теперь метрах в двух от нас.

– Кирилл... – начал Котя.

Я не стал его слушать. Узурпировавший место бармена человек стремительно взмахнул рукой. В ту же секунду я вы-

бросил руку навстречу сверкнувшему ножу и ударил Котю ногой под коленку – он предсказуемо рухнул.

На самом деле это невозможно. Если тебя не обучали с младенчества в каком-нибудь Шаолине. Но сейчас я не задумывался о таких мелочах.

Я поймал нож в полете – не остановил, а лишь коснулся рукояти и подправил траекторию. Он вошел в грудь человеку, закрывавшему нам путь к отступлению, – всем своим широким лезвием, из черной ткани торчал только короткий хвостик, даже не похожий на рукоять. Человек издал хрюкающий звук и осел на колени.

И на этот раз я уже не мог сказать, что в этом нет моей вины.

Человек, метнувший нож, перепрыгнул стойку – красиво, опираясь лишь левой рукой, а правой, с дубинкой, замахи-ваясь в прыжке. Дубинка неслась мне прямо в голову. Я присел, пропуская удар над собой, – и ткнул нападавшего в грудь открытой ладонью. Убийца будто сломался. Его шатнуло назад, он выронил дубинку и беспомощно заскреб грудь руками. Я ударил снова, почему-то опять не кулаком, а растопыренными пальцами – снизу в подбородок. И не услышал, скорее почувствовал хруст позвонков, когда его голова запрокинулась назад.

Оставшиеся в живых остановились. Страх они не выказывали, хотя я лично при виде невооруженного человека, убившего двоих нападавших, еще три дня назад наложил бы

в штаны. Они скорее выглядели растерянными.

– Функционалы? – неожиданно сказал один из них.

– Нет. Не может быть, – ответил второй.

Выглядели они как персонажи-плохиши в детских мультиках. Ко всему еще один держал дубинку в правой руке, другой в левой, так что они казались зеркальным отражением друг друга.

– Кирилл, ты их убил! – внезапно воскликнул лежащий на спине Котя и попытался встать. На лице его отразился большой ужас, чем когда убить собирались нас. – Ты же их убил!

Левша неожиданно пнул оказавшийся перед ним стул – с такой силой, что тот полетел мне в голову. И парочка бросилась в атаку.

Я поймал стул на лету двумя руками за гнутые, покрытые узорчатой резьбой ножки. Одним рывком выломал эти ножки. Перевернул их в руках острыми обломанными концами вперед. И вогнал в грудь нападавшим, прежде чем они успели обрушить на меня свои дубинки.

Как выяснилось в ходе эксперимента, деревянный кол в груди смертелен для человека не менее, чем для вампира.

Левша рухнул прямо на Котю, и тот с воплем выскочил из-под подергивающегося тела. Попятился от меня, будто ожидая, что я прикончу и его.

Собственно говоря, а почему бы ему так не подумать? Ведь для Коти я – почти незнакомый человек...

– Ты их убил! Ты... ты...

– Они бы убили нас! – рявкнул я. – Ты что, они же хотели нас убить! Нож, между прочим, летел тебе в горло!

Котя закивал, но без особой убежденности. Потом глаза у него чуть прояснились, безумный ужас ушел. Но явно обещал вернуться.

– Котя, я не маньяк. Не псих. Они напали, я защищался.

– Как ты их... как ты смог? – Котя снял и начал протирать очки. При этом лицо у него, как это часто бывает с очкариками, стало растерянным и незащищенным.

Я оглядел четыре неподвижных тела. У одного нож в сердце, у другого сломана шея, двоих я проткнул. Кажется, одного насквозь. Это с какой силищей надо было ударить? Я с легким ужасом посмотрел на собственные руки. Так захочешь в носу поковыряться и полголовы оторвешь...

– Не знаю как. Это само пришло. Надо было защищаться, ну и...

– Ты... у тебя глаза при этом стали... задумчивые, меланхоличные. Будто ты стихи читаешь вслух.

Ничего себе сравнение! Все-таки в Коте есть задатки писателя.

– Я делал то, что нужно было делать. Я... даже не сомневался в этом. Знал, что так надо.

Котя кивнул. Водрузил очки на нос. Взгляд у него стал более осмысленный.

– Скажи, а что они кричали – ты понял?

– Да. А что?

– Я так и подумал. – Котя кивнул. – Они не по-русски говорили. Затрудняюсь сказать, на каком языке... что-то довольно приятное, вроде французского. Но я такого языка не знаю.

Я не удивился.

– И что они говорили? – поднимая откатившуюся к его ногам дубинку и уважительно взвешивая ее в руках, спросил Котя.

– Один из них спросил другого: «Функционалы?» А тот ответил, что не может такого быть. Что такое функционал?

– Математическая функция. – Котя аккуратно положил дубинку на хрупкий журнальный столик, чудом уцелевший в пылу сражения. – Ты у нас специалист по значению редких слов, тебе виднее.

– Видимо, функционалы через таможеню не возят.

Котя еще раз смерил меня взглядом и покачал головой:

– А ведь ты чувствовал! Ты знал, что здесь будет засада!

С очевидным спорить было бесполезно. Я зашел за барную стойку, заглянул в дверь. Небольшая кухня, все в том же стиле «у нас тут девятнадцатый век, вы не против?». Вроде бы никого нет. Я взял с полки бутылку вызывающе алкогольного вида, глянул на этикетку. Так, информация к размышлению... Надпись явно на английском. Какое-то виски.

– Котя, что тут написано? – Я показал ему бутылку.

Котя подошел, неприязненно поглядывая на тела.

– Господи, тут четыре трупа, а тебя на выпивку потянуло... Виски, односолодовый, двенадцать лет выдержки... Круто. Давай сюда!

Он сделал крупный глоток прямо из горлышка, закашлялся.

– Значит, читать у тебя получается? – спросил я.

– Если помнишь, то вывеску я тоже прочитал. – Котя вручил мне бутылку. – Она была на русском.

– Что же тут, говорят на одном языке, пишут на другом?

Котя посмотрел на меня с неожиданной иронией:

– Я бы предположил, что эти вот... что они здесь такие же гости, как и мы. И общались на своем языке. Только ты, похоже, этот язык понимаешь.

– Функционал? – Я пожал плечами. – Не сказал бы, что понимаю, но... Ты что делаешь?

Котя прошелся от тела к телу, трогая каждого за запястье.

– Вдруг живы... помогли бы.

– Они убийцы!

– Ну они же теперь не опасны? – Котя развел руками. – Нет, ты их надежно уложил. Кирилл, ну что же ты наделал... Это ведь другой мир! Понимаешь? А мы начали знакомство с ним с преступления... Зря ты их убил...

Он подошел к дальней двери и осторожно заглянул внутрь. Потом вывернулся обратно и обессиленно прислонился к стене. Лицо у него стремительно бледнело.

Подхватив на ходу дубинку, я бросился к нему на помощь.

– Лучше не смотри, – быстро сказал Котя. – Лучше не надо.

Был он белый как мел и в бисеринках пота. Одна капля смешно свисала с носа.

– Зря ты их убил, – повторил Котя. – Так легко. Надо было... надо было помучить.

В общем-то после этого в дверь можно было и не заглядывать. Все стало понятно. Но я все-таки заглянул.

– Твари... – пробормотал Котя.

– Они их пытали, – сказал я. – Соберись. Вот тут как раз надо... пощупать пульс.

Бытует мнение, что самым гнусным преступлением на свете является убийство детей. Убийство стариков вызывает презрительное возмущение, но уже не будит инфернального ужаса. Убийство женщин также воспринимается крайне неодобрительно – как мужчинами (за что женщин убивать-то?), так и женщинами (все мужики – сволочи!).

А вот убийство человека мужского пола, с детством распрощавшегося, но в старческую дряхлость не впавшего, воспринимается вполне обыденно.

Не верите?

Ну так попробуйте на вкус фразы: «Он достал парабеллум и выстрелил в ребенка», «Он достал парабеллум и выстрелил в старика», «Он достал парабеллум и выстрелил в женщину» и «Он достал парабеллум и выстрелил в мужчину». Чувствуете, как спадает градус омерзительности? Первый тип явно был комендантом концлагеря и эсэсовцем. Второй – карателем, сжигающим каждое утро по деревеньке. Третий – офицером вермахта, поймавшим партизанку с канистрой керосина и коробкой спичек возле склада боеприпасов.

А четвертый, хоть и стрелял из парабеллума, легко может оказаться нашим разведчиком, прикончившим кого-то из трех негодяев.

Так вот люди в черном явно не были озабочены укреп-

лением своего реноме. В небольшой комнате – я мысленно определил ее как курительную – я увидел три неподвижных тела. Старуха, молодая женщина и мальчик-подросток.

Всему есть свое место и время. Истязаниям пристало твориться в пыточных камерах темных подземелий. Среди мягких кресел и диванчиков (будь они хотя бы кожаными, а не из розового шелкового шенилла) и журнальных столиков с хрустальными пепельницами неподвижные окровавленные тела выглядят особенно омерзительно.

А еще – очень тошнотворна смесь запахов хорошего табака и свежей крови...

Повинуясь инстинкту защиты слабого, я первым делом подошел к голому по пояс подростку, привязанному к креслу. Мальчишке было лет четырнадцать-пятнадцать, на возраст невинного ребенка он уже проходил с трудом, но все-таки... А вот привязали его как-то картинно, так тупые злодеи связывают смелых юных героев в детских фильмах, затрачивая метров десять толстой веревки и совершенно не гарантируя результата. Ноги примотаны к ножкам кресла, руки – к подлокотникам, еще несколько петель вокруг пояса и петля на шее.

И повсюду – кровь. На мешковатых штанах из темно-коричневой ткани, на прыщавом мальчишеском лице. Кровь совсем свежая. Но многочисленные порезы – на лице, на руках, на торсе – уже не кровоточат.

Я осторожно прижал пальцы к сонной артерии. И почув-

ствовал слабое редкое биение.

– Он жив, – удивленно сказал я.

– Чего? – Котя все еще стоял в дверях. – Да из него вся кровь вылилась!

– Пацан живой. – Я встал. – Куча мелких порезов, но ничего страшного. Развяжи его и положи на диван...

Сам я отправился к женщине. Та же самая картина: неглубокие порезы, кровоподтеки. Крови потеряла много, мне показалось, что ковер под ногами влажно хлюпает. Но живая.

– Какой идиот завязывал узлы? – ругался Котя, стаскивая веревки с пацана. – Снять как нечего делать...

– Они не только глупые, они еще и целомудренные, – сказал я, глядя на женщину. – Не потрудились даже одежду снять...

Конечно, в пыточном деле я профан. Но если уж взялся кого-то мучить и тыкать ножиком, то разумно вначале жертву раздеть. Во-первых, видно результат своей работы. Во-вторых, голый человек уже заранее напуган и унижен.

А тут – с пацана сняли только рубашку, женщину вообще не рискнули раздеть.

У старухи – ей было за шестьдесят, не меньше, – я тоже нашел пульс. Пожалуй, из троицы она была самой колоритной. Если пацан был типичным подростком, которому в пору рекламировать лосьон от угревой сыпи, женщина походила на обычную домохозяйку лет сорока, то старуха скорее напоминала маститую актрису в возрасте. Я не о внешности, а о

том редком типе харизматичных женщин, которые с годами утрачивают внешнюю привлекательность, но обретают внутреннюю силу. Старая, но крепкая; с лицом морщинистым, но фактурным; с седыми, но густыми и ухоженными волосами. Среди русских женщин такие редкость – обычно они превращаются либо в затюканных, либо в сварливых бабок. Среди западных тоже, они в большинстве своем мигрируют в сторону бодрых туристок в шортах и с фотоаппаратом.

Убрав руку, я в задумчивости отступил от кресла.

Старуху пытали меньше всего. Несколько синяков – будто размашисто, но неумело били по лицу. Несколько порезов на шее – скорее всего запугивали, прижимая нож к горлу. Роскошное (но предусмотрительно глухое) платье из шелка цвета морской волны даже не было запачкано.

– Странно, – неожиданно сказал Котя. – Как в анекдоте.

– В каком?

– Ну, где бабка наняла наркоманов свинью зарезать... А те выходят из сарая и говорят: «Зарезать не зарезали, но покоцали»!

– Притащи сюда какой-нибудь труп, – попросил я.

– Чего? – Котя вздрогнул. – Чего-чего?

– Приволоки труп, трудно, что ли? – спросил я. – Не хочется мне этих без внимания оставить... Или я схожу, а ты за ними посмотришь?

Котя сглотнул. Поглядел на три неподвижных тела, на пролитую повсюду кровь. И вышел в большую залу.

Когда я заканчивал развязывать старуху (все те же многочисленные, но не слишком надежные веревочные петли), Котя довольно бодро втянул за ноги труп (судя по отсутствию крови – это был тот, кому я сломал шею).

– Спасибо, – поблагодарил я. Оставил беспамятную бабу, наклонился над телом и стащил с болтающейся головы капюшон.

Ничего необычного, если не считать того факта, что это убитый мной человек. Европеоид, лет двадцать пять – тридцать. Лицо грубоватое, непримечательное. На шее, в месте удара, багровый кровоподтек. Пульса нет, конечно же. Я раздвинул веки, посмотрел в зрачки и поднялся.

– Мертвы, – пояснил я Коте. – Я уж подумал, тут все...

Старуха в кресле застонала и зашевелилась. Мы повернулись к ней как раз вовремя: она открыла глаза.

– Мы друзья! – быстро сказал я. – Не беспокойтесь.

Старуха посмотрела на меня. Потом на Котю. Снова на меня. Задержала взгляд – будто видела что-то, мне недоступное.

– Ты откуда взялся, служивый? – хрипло сказала она. – Я-то думала, конец нам пришел...

Она тяжело привстала в кресле, обернулась.

– Живы, – успокоил я ее. – Без сознания, но живы.

Старуха рухнула в кресло. Благодарно кивнула. Я вдруг понял, что именно в ней странно: обычно к старости люди либо ссыхаются, либо расплываются. А эта бабуля, при

всех ее морщинах, ухитрилась сохранить нормальную, почти спортивную фигуру. И ее нынешняя слабость казалась вызванной пытками, а никак не следствием возраста.

– Спасибо, сосед, – сказала бабка и протянула мне руку. Секунду я колебался, а потом обменялся с ней рукопожатием – поцелуев она явно не ждала. Рукопожатие оказалось крепким.

– Да не за что. – Я с трудом удержался, чтобы не добавить: «На моем месте так поступил бы каждый...»

– Белая, – с ударением на втором слоге произнесла бабка.

– Что?

– Белая Роза Давидовна. Хозяйка гостиницы.

Котя присвистнул. И нервно захихикал.

– Максимов Кирилл Данилович, – представился я. – А этого типа зовут Константин Чагин. Ты кто по отчеству?

– Игоревич, – кисло сказал Котя. – Мог бы и запомнить.

– Очень приятно. – Роза Белая кивнула. Покосилась на неподвижное тело в черном, сочувственно, но без капли сомнений на лице покачала головой. – Глупцы...

– Кто они? – спросил я.

– Не знаю, Кирилл Данилович. Не знаю. Они увидели гостиницу и смогли в нее войти – значит не лишены известных способностей. Но они не из наших.

Мы с Котей переглянулись.

– А что они хотели?

– Мне кажется, они сами это с трудом понимали, – фырк-

нула Роза. – Они искали моего постояльца. Но у меня сейчас нет постояльцев. Не сезон, вы же видите?.. Костя, милый мальчик, принеси мне воды. У меня язык прилип к гортани. Только не из крана, на кухне белый эмалированный бак с питьевой. Набери полный графин.

Котя послушно выскочил из курительной.

– Какой вежливый молодой человек. – Роза одобрительно кивнула. – Приятно, что у вас сохранились друзья среди людей.

– А не должны были?

– Разве тебя не забыли родные и близкие? – вопросом ответила Роза. – Такова наша судьба...

Из залы донесся грохот падающего стула. И вскрик. Роза Давидовна привстала в кресле:

– Ты убил всех?

– А сколько их было? – Я ответил, уже понимая, что ответом никак не будет «четверо».

– Семеро... или шестеро? Нет, наверное...

Я не стал возиться и уточнять. Схватил дубинку, которую положил на журнальный столик. И бросился к двери.

Видимо, они спустились со второго этажа. Один держал Котю за волосы, запрокидывая голову и приставив к горлу нож. В руках у Коти был большой стеклянный кувшин с водой. Еще двое в черном, тоже с ножами в руках, осторожно крались к курительной комнате.

Мое появление их явно не порадовало. На несколько се-

кунд все застыли.

– Отпустите его, – сказал я.

Державший Котю сделал недвусмысленный жест, проводя ножом у самого горла пленника.

– Не трогай его! – Один из черных вдруг стянул с лица капюшон. К моему удивлению, это оказалась девушка: лет двадцати, коротко стриженная, с чуть раскосыми глазами и смуглым лицом. Не чистая азиатка, но явно с изрядной долей восточной крови. – Кто ты?

– Не важно, – быстро ответил я. – Отпустите моего друга!

Девушка колебалась. Видимо, они не видели и не слышали предыдущей схватки. Но вот ее результаты были перед ними налицо.

– Если отпустим, ты позволишь нам уйти?

Котя умоляюще смотрел на меня. На долю скромного труженика «желтой» прессы выпало на сегодня изрядно приключений.

Честно говоря, я не сомневался, что смогу убить еще троих. И даже был почти уверен, что Котя не пострадает.

...Я поднимаю руку – так быстро, что они не успевают среагировать. Бросаю дубинку – она летит, будто предназначенный для метания снаряд, и тяжело бьет в лоб держащего Котю черного. Тот валится навзничь – то ли мертвый, то ли оглушенный. А я уже прыгаю вперед, уворачиваясь от брошенных в меня ножей – стальных молний, беспомощно режущих воздух, сворачиваю шею черному в маске – снова

этот влажный тягучий хруст, девушку бью в живот, потом по затылку – она падает без сознания, и ее еще можно будет допросить...

Скорее всего так оно и будет.

Если, конечно, та непонятная сила, что помогает мне расправляться с вооруженными врагами, позволит оставить кого-то в живых...

– Отпустите его и уходите, – сказал я.

– Он врет, – быстро сказал державший Котю черный. Судя по голосу, это был молодой парень – и на самой грани истерики. – Он нас убьет. Полицейский функционал не отпустит...

– Он таможенник, дурак! – выкрикнула девушка. – Мы уходим! Отпускаем твоего друга и уходим!

Она разжала ладонь, и нож упал на пол. С секундным колебанием выпустил нож и ее напарник. Они стали пятиться, отступая к двери.

Державший Котю парень неохотно убрал руку с ножом и легонько отпихнул пленника. Котя, смешно семеня ногами, побежал ко мне, так и не выпустив графин с водой. Я шагнул вперед, прикрывая Котю собой. Велел:

– Отнеси водичку Розе Давидовне.

Ничего так не спасает от паники, как простые и внятные действия. Котя кивнул и юркнул в курительную.

Уцелевшая тройца налетчиков спешила ретироваться. Первой исчезла в двери девушка, за ней – ее напарник. По-

следним шел тот, кто держал Котю.

И вот тут я сгруппировался. Буквально на секунду повернул голову, глянул, что творится в курительной. Ничего особенного там не происходило: старуха стояла и жадно пила прямо из графина, Котя опасливо косился на дверь.

Левое плечо пронзила острая боль. Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть последнего налетчика, готовящегося юркнуть в дверь. Из моего плеча торчал хвостик метательного ножа.

Я взмахнул рукой, и дубинка пронеслась в воздухе, ткнув парня в затылок. Даже через всю залу мне было видно, что череп под ударом промялся, будто спелое яблоко от удара кулака. Черный раскинул руки и рухнул в проем двери.

Вот идиот...

Дверь вдруг хлопнула – и сама собой закрылась, выдавив при этом тело в прихожую. На двери грохотнул, закрываясь, тяжелый засов. Послышался голос Розы:

– Вот так спокойнее будет.

Подцепив нож, я вытащил его из руки. Снаружи ничего не было, только разрез. А вот где-то под курткой по руке текла кровь, удивительно густая и горячая. Больно не было, только ныло и пульсировало, отдавая куда-то в пальцы.

Я ввалился в курительную. Бросил окровавленный нож на столик. Сел, зажимая рану. Котя с ужасом уставился на меня.

– Царапина, – сказал я.

– Я... я перевяжу... – пробормотал Котя. – Кирилл, ты

как? На тебе лица нет...

Удивительная вещь – человек. Я убил пятерых. И никаких положенных, если верить писателям, угрызений совести и тяжких переживаний не испытал. А одна-единственная рана, понятное дело, что неопасная, – и сразу стало страшно. Сразу холодок в груди.

– Дайте-ка посмотреть, молодой человек...

Уверенными движениями Роза помогла мне снять куртку и свитер, расстегнула рубашку. Рукав был весь в крови. Морщась, я вытащил руку.

– Минуточку, – сказала Роза. В руках у нее появился мокрый платок, которым она аккуратно стирала кровь. Я посмотрел на свое плечо. Там был шрам, покрытый воспаленной красной коростой.

– Для вас это внове? – Роза посмотрела мне в глаза.

Я кивнул.

– Привыкнете.

Старуха отвернулась и пристально посмотрела на неподвижно лежащую женщину. Позвала:

– Клавдия! Клава, очнись!

Женщина медленно, заторможенно приподнялась. Посмотрела на Розу, потом на нас.

– Видишь, все хорошо, – сказала Роза. – Помощь пришла. Тебе лучше?

– Да, Роза Давидовна...

– Вот и хорошо.

Женщина склонилась над подростком, потрясла его за плечи. Тот привстал. Клавдия взяла полупустой кувшин, сделала несколько глотков, протянула мальчишке. Он начал жадно пить. Вода текла по его лицу, смывая кровь. Отставив пустой кувшин, пацан протер лицо руками. Шрамов на коже больше не было.

Юношеские прыщи остались.

– Петя, поздоровайся, – велела Роза. – И поблагодари господина таможенника. Он не обязан был нас спасать.

– Петр, – послушно представился мальчик. – Спасибо большое.

– Приведите в порядок себя, а потом гостиницу, – сказала Роза. – Почистите мебель и ковры.

– А этих куда девать, Роза Давидовна? – спросила женщина, глядя на тело налетчика.

Я подумал, что этот вопрос никогда не встает перед героями фантастических книжек. Многочисленные убитые враги остаются на месте, а потом сами собой куда-то деваются. Хорошо, допустим, на открытой местности их утилизируют звери и птицы. А в помещении? Тела требуется похоронить. Наверное, возле каждой деревушки, которую минуют, размахивая острыми железяками, герои боевиков, существует специальное кладбище для врагов.

– К морю. Только не бросайте в воду, положите пока на бережку, – поразмыслив секунду, сказала Роза. – Вдруг за ними придут и захотят похоронить.

Клавдия и Петя, с любопытством косясь на нас, но ничего не спрашивая, вышли из курительной.

— Мать и сын, — пояснила Роза. — Я их наняла три года назад у нас, в России. Не доверяю местным, знаете ли... Муж у Клавы алкоголик, сын в результате несколько... э... простоват. В жизни их ничего хорошего не ожидало. Они мне очень благодарны. Жаль, что обычные люди и в свой срок умрут.

— А мы? — спросил я.

Подцепив ногтем запекшуюся коричневую корочку на ране, я потянул ее. Результат каждому известен с детства — должна была алыми бисеринками выступить кровь.

Под корочкой была чистая ровная кожа.

Я стал одеваться.

— А мы — как получится... Долго ранка заживала, — сказала Роза. — Вы, похоже, совсем недавно при делах?

— Сутки.

— Понимаю, — кивнула Роза. — Вы молодец. Вы быстро осваиваетесь.

Я посмотрел в залу. Немногословный мальчик Петя стаскивал в кучу тела. Очень легко стаскивал, будто под черной тканью скрывались надувные куклы, а не мертвая плоть.

— Они не похожи на обычных людей. Раны сразу зажили, и такая силища...

— Это моя территория, — сказала Роза, будто это все объясняло. — И здесь я устанавливаю кое-какие правила. К сожалению, воевать — не моя прерогатива.

– Роза Давидовна! – не выдержал Котя. – Мы и в самом деле ничего не понимаем. Кто вы? И что за мир вокруг?

– Давайте поговорим, – дружелюбно кивнула Роза. – Вон в том шкафчике – коньяк, сигары. Хотя тут несколько неубрано... Идемте! А коньячок с сигарами прихватите, да.

– Не курю, – буркнул Котя, но в шкаф полез. Достал и сигары из деревянной шкатулки, и плоскую фляжку коньяка, и три изящных серебряных стаканчика.

Вслед за старухой мы прошли через залу, где Клавдия с ведром и ворохом тряпок оттирала с ковра темные пятна, поднялись по лестнице на второй этаж. От небольшого холла расходились в две стороны коридорчики. Но Роза кивнула в сторону диванчика и пары кресел у окна.

– Тут подождем, пока приберутся. Может, все-таки по сигаре? Уверены? А я, с вашего позволения... простите, что так вульгарно...

Она откусила кончик толстой коричневой сигары. На журнальном столике перед диванчиком имелись пепельница и коробок спичек. Головка сигары отправилась в пепельницу, от длинной спички Роза ловко закурила.

Странное это зрелище – женщина с полноценной «короной». Сразу вызывает возмущение у мужчин... Фрейд бы по этому поводу нашел, что сказать. Я сел рядом и огляделся. Комнатушка походила на холл маленькой гостиницы. На стенах лампы – газовые. Холодный камин с аккуратно уложенными дровами.

– Это гостиница, – сказала Роза. – Постоялый двор. Отель. Как угодно называйте.

Я молча кивнул.

– Я родилась в одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году, – торжественно произнесла Роза и с вызовом посмотрела на нас. – Не имею обыкновения скрывать свой возраст.

– Хорошо сохранились, – сказал Котя. Он не стал садиться, стоял у окна. – Да вы рассказывайте. Мы теперь во все поверим.

Поколебавшись, я взял стеклянную фляжку. Армянский «Праздничный». Судя по этикетке – выпущенный еще в СССР. Я налил три стаканчика, хотя Роза и покачала головой.

– С молодости работала по гостиничному делу, – сказала Роза. – Когда-то в отцовской гостинице, в Самаре... потом уехала в Питер. Все и не перечислить. Революцию встретила в «Европейской» помощником управляющего. Работала и когда большевики в ней приют для беспризорников открыли, и когда при нэпе снова в порядок гостиницу привели. А в двадцать пятом – попала под статью.

– Политика? – спросил я.

– Нет, проворовалась, – спокойно ответила Роза. – Что вы хотите, время такое... Всякий выживал как мог. Ходила под следствием. Бежать в мои годы уж поздновато... родилась бы мужиком – застрелилась бы, тогда это было модно, но мне никогда не нравились эмансипе. Лежать в покойниц-

кой с дыркой в голове? Нет уж, увольте! А глотать отраву – это для девочек-истеричек. Так что ждала естественного развития событий. И вдруг началась форменная чертовщина! Прихожу на работу, у самой в голове одно – сегодня в допре окажусь или завтра. А меня – не узнают! Куда прешь, говорят, бабка! Номеров нет свободных!

Она тихо засмеялась. Я кивнул.

– Возвращаюсь домой. Муж, покойник, как-то странно смотрит. Но ничего. Поужинали, спать легли. Под утро он просыпается – и давай орать! Кто такая, почему в моей постели... Вот ведь дурак, верно? Нашел в кровати женщину, пусть даже немолодую, пользуйся моментом! Кричу ему: «С ума сошел, старый хрыч? Я твоя жена!» А он в визг: жена у него пятнадцать лет как померла, на кладбище похоронена, он честный вдовец и никакая старая ведьма у него комнату не отнимет... Плюнула я ему в физиономию за такие слова – и вон из дома. Три дня по Питеру моталась. Спала на улице, христарадничала, думала, что с ума сошла. И вдруг подходит ко мне почтальон. На улице, представляете? Вручает телеграмму. А в ней адресок на Литейном и предложение прийти. Мне терять нечего, двинулась по адресу. Нашла рядом с Офицерским собранием маленький магазин. На витрины посмотрела – чуть не упала. Время-то какое было? А за стеклом – изобилие... Рыба красная и белая, раки живые, икра черная и красная, вина и шампанское, вырезка свежая, пикули, оливы в рассоле, фрукты глазированные, шоколад...

В лучшие годы нэпа такого не видала. Только при царе, да и не во всяких гастрономах... А народ мимо идет – как не видит... Я войти-то вошла, а сама уже ничего не понимаю!

Она посмотрела на нас с Котей, будто проверяя, верим или нет. Пыхнула сигарой и продолжила:

– Вышел хозяин, культурный молодой паренек, посмотрел на меня пристально и говорит: «Да у вас сейчас голодный обморок случится, уважаемая...» Накормил, напоил, все честь по чести. И говорит: «Вас, наверное, забывать все стали? На работе не узнают, в семье не признали?» Я киваю. Вот он мне и объяснил... то, что сейчас я вам расскажу.

– Нет, таких чудес не бывает, – мрачно сказал Котя. – Мы ничего не услышим. Начнется пожар или землетрясение.

– И рассказывает мне тот торговец, что я – избранная.

Котя фыркнул.

– Жизнь – она ведь коротка. Вам пока не понять, вот к шестидесяти годам убедитесь, если доживете. Как в народе говорят: хоть золотарь, хоть царь, а всё – смертна тварь... Но! – Роза назидательно подняла палец. – Это судьба обычного человека. Совсем другое, если ты в своем деле достиг высот мастерства.

– К примеру – в гостиничном? – с иронией спросил Котя.

– К примеру – да, – согласилась Роза. – Или в столярном. Или в живописи. Или в военном искусстве. И вот такие люди не умирают. Они становятся мастерами. И выпадают из жизни!

Я вздрогнул.

— Простые люди про тебя забывают, — с легким сожалением продолжила Роза. — И родные, и друзья. Документы твои рассыпаются. Место твое в жизни становится пустым, вроде как не рождался ты никогда или помер давно. Зато ты становишься мастером и можешь жить вечно. Иногда в своем мире. А иногда в другом. Где ты нужнее.

— Масоны, — сказал Котя. — И параллельные миры.

Роза рассмеялась негромким, снисходительным смехом.

— Молодой человек, не верьте «желтым» газетенкам и дешевым борзописцам... При чем тут масоны? Самые обычные люди, добившиеся настоящего мастерства в своей профессии, вступают в новую жизнь, становятся мастерами...

— Или функционалами? — спросил я.

Роза кивнула.

— Да, некоторые называют так. Но нам, русским людям, не следует портить язык. Мастера! Прекрасное гордое слово. Я — мастер в своем деле, гостиничном. Вы, как я вижу, мастер-таможенник? Восхищена, что преуспели в столь юном возрасте.

— Я не таможенник, — сказал я.

Роза улыбнулась:

— Ну я же вижу! Вы наш. Вы тоже избранный!

— Ложки нет... — сказал Котя и уселся напротив Розы.

— Какой еще ложки?

— Не обращайтесь внимания... — В Коте проснулся какой-то

профессиональный журналистский интерес. – Так вы здесь живете уже восемьдесят лет? Не старитесь...

– Как видите.

– Это ведь не Земля?

– Это Кимгим. – У Розы слово прозвучало мягко, словно с украинским акцентом. – Здесь немного иные очертания материков, но город расположен примерно на месте Стокгольма. Впрочем, я не особо интересуюсь географией.

– А откуда у вас эта гостиница?

– Каждый мастер, юноша, получает место, где может приложить свои таланты. Когда я пришла сюда – через таможенную у Николаевского вокзала, здесь стоял полуразрушенный сарай. Но я чувствовала, что это – мое. С каждой проведенной здесь ночью здание менялось. Пока не стало таким, как мне хотелось. – Поколебавшись, Роза добавила: – Если бы я пожелала, здесь вырос бы отель побольше «Европейского». Но мне всегда нравились маленькие уютные гостиницы.

– Так вы не стареете... вы получили возможность заниматься любимым делом и такую гостиницу, как вам хотелось... и какие-то способности, превосходящие человеческие... раны у вас заживают, еще что-то, да? – Котя перечислял, а Роза кивала в ответ. – Вы... вы вроде как не человек?

– Мастер, – сказала Роза.

– И вас таких много? И вы живете в нескольких мирах и путешествуете между ними? Это все уже давно, десятки и сотни лет? Почему про вас не знают?

– Почему же не знают? Вот вы, Константин, обычный человек. Но друг-мастер вам доверился – и теперь вы знаете. Со временем сумеете замечать и других мастеров, эта способность вроде как тренируется. Клава и Петя давно умеют отличать мастеров от обычных людей.

Роза наслаждалась разговором, это было сразу видно. Нечасто, наверное, ей доводилось поучать неопытных мастеров. И не похоже, что она лгала.

Вот только – какой из меня мастер? Какой еще таможенник? Каких высот я достиг, чтобы внезапно превратиться в сверхчеловека?

– А кто вами правит? – не унимался Котя.

– Правят толпой, юноша, – усмехнулась Роза. – Мы – мастера. Мы самодостаточны.

Я мог бы напомнить, что полчаса назад самодостаточный мастер гостиничного дела была привязана к креслу, но удержался. Вместо этого спросил:

– Так вы не знаете, кто на вас напал?

– Местные, – коротко ответила Роза. – Очевидно, среди них был человек, знающий о нас. Вот они и охотились за...

Она вдруг прищурилась и с силой притушила сигару в пепельнице. Я поморщился от резкого запаха.

– Кирилл Данилович, так они же за вами приходили! Да, да, да... несомненно! Знали, что вы ко мне придете, и решили вас схватить. Но просчитались! Скажите-ка, молодые люди, а почему вы ко мне пришли?

– Нас попросили, – убитым голосом произнес Котя. – Одна да... одна ба... одна женщина. Подбросила записку, что надо найти белую розу, и нам ответят на все вопросы. Мы думали, цветок надо найти. Потом решили, что это про гостиницу...

– Вас заманивали в ловушку! Но просчитались! – Роза всплеснула руками. Интрига происходящего явно прибавила старушке экспрессии. – Какое коварство! Я свяжусь с ближайшим мастером-охранником... Вы, вероятно, еще не знакомы со своими соседями?

Я покачал головой. В отличие от Коти я не испытал разочарования. Но как-то плохо вязались между собой подброшенная записка и засада.

– Нам надо вернуться, – сказал я. – Мы, пожалуй, пойдем.

– Что вы! – Роза Давидовна укоризненно покачала головой. – В такую метель? Зачем? Переночуете у меня. Вы почувствуете, что такое гостеприимство мастера! А Клава замечательно готовит, вы поразитесь, какой она искусный кулинар...

– Нам лучше вернуться в башню, – повторил я. – Ну... вы должны меня понять. Как мастер мастера.

Это подействовало. Старуха закивала:

– Да, конечно. Да, я понимаю... Так у вас тоже башня?

– Почему тоже?

– Вы бы знали, – вставая, произнесла Роза, – как предсказуема мужская фантазия. Половина мастеров предпочитают

жить в башнях.

Котя выглядел недовольным, но смолчал. Мы спустились вниз, где уже почти не было следов побоища. Мальчик Петя оттирал какие-то пятнышки со стены, его мать гремела посудой на кухне.

– Сейчас зима, – с грустью произнесла Роза. – Вы к нам приходите летом. Много постояльцев, веселый смех, цветы в вазах. Я приглашаю из города музыкантов, здесь играет пианино...

– А почему сейчас никого нет? – спросил Котя. – Я понимаю, зима. Но все-таки? Голая набережная, только фонари горят. Дома закрытые.

– Ну... так не сезон же... – повторила Роза. Взгляд у нее вдруг стал жалкий и смущенный. – Это бывает. В маленьких приморских гостиницах зимой всегда так. А жители... они тоже разъехались.

Котя посмотрел на меня и кивнул:

– Нам и впрямь пора. Очень было... – Он уставился на мальчика Петю, который меланхолично полоскал в тазике тряпку. От тряпки в воде расходилось красное, и Котя, проглотив слово «приятно», закончил: – ...познакомиться.

И тут в дверь постучали. Роза Давидовна вздрогнула. Петя уронил тряпку и замер с открытым ртом, из кухоньки выглянула Клавдия.

– Если это вернулись... – начала Роза. – Но ведь вы сможете нас защитить, Кирилл Данилович?

Я пожал плечами.

Роза мельком глянула на люстру – и та зажглась. Гордо подняв голову, подошла к двери и распахнула ее настежь.

В прихожей еще клубился пар и даже летали снежинки. У дверей стоял человек в сером пальто с башлыком, сапогах и меховой шапке. Может быть, лет сорока или чуть старше. И с очень встревоженным лицом. Только когда он увидел меня за спиной Розы, в глазах его появилось облегчение.

– Мастер? – удивленно произнесла Роза. – О... добрый вечер!

– Там, за гостиницей, пять трупов, – сказал человек, не тратя время на приветствие.

– Это ужасно, Феликс! – Роза заломила руки на груди. – Какие-то сумасшедшие люди напали на гостиницу! Они искали молодого мастера...

– Они искали меня, – отрезал Феликс. – Идемте, молодой человек. Вы не один?

– С другом.

Феликс поморщился:

– Что ж, я захвачу обоих... – Он повернулся к старухе: – Роза Давидовна, будьте осторожнее, прошу вас. Вы же понимаете, как нам будет вас не хватать, если случится непоправимое.

– О, Феликс...

Почему-то мне не хотелось пререкаться и терять зря время. Я схватил Котю за рукав и потащил за собой. Мальчик

Петя смотрел нам вслед с бесхитростным любопытством, Клава быстро и мелко крестилась, Роза Белая с немим обожанием провожала взглядом Феликса.

Мы вышли в метель.

Экипаж стоял прямо перед входом. Обычный фаэтон с поднятым по причине снега верхом, только не на колесах, а на полозьях. Впряжены в него были две лошади, поводья намотаны на неприметный столбик у дверей гостиницы. Яркий фонарь, закрепленный по правую сторону кузова, светил как раз на сваленные метрах в десяти тела, уже припорошенные снегом.

– И много сказок вам наплела Роза Давидовна? – спросил Феликс, прикрывая за собой дверь.

Котя нервно рассмеялся. Я с облегчением сказал:

– Много. Что родилась в одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году...

– Вечно молодится, – буркнул Феликс. – Ну какая тут разница – пятьдесят или шестьдесят седьмой? Нет, все бы ей приврать... Еще управляющей отеля назвалась, верно?

– Помощником управляющего.

– Горничная она. Была горничной и осталась. И отель ее – мечта горничной. Чисто, тепло и ни одного постояльца. – Феликс поморщился. – Садитесь, ребята. Нечего нам тут делать.

– Она назвала вас мастером... – Я не закончил фразу, но Феликс понял вопрос.

– Еще одна блажь. Мастера, надо же такое придумать... Мы всего лишь функционалы. Да забирайтесь в сани, успеем еще наговориться!

С погодой творилось форменное безобразие. Вьюга належала короткими снежными зарядами, потом ветер утихал, с неба начинали валить крупные рождественские хлопья снега – чтобы через минуту смениться мелкой ледяной крупкой и стригущей дорогу поземкой. Лошади бежали ровно, и сани плавно, убаюкивающе покачивались на ходу. Заднее сиденье в санях походило на узкий диванчик, покрытый меховым чехлом, для ног внизу имелось что-то вроде меховой полости. Я никогда раньше не катался в санях и ожидал гораздо меньшего комфорта.

Мы отъехали от гостиницы уже километра на три, а унылые кирпичные здания все тянулись и тянулись вдоль набережной, и не было ни одной живой души... Хороши были бы мы с Котей, попытайся проделать весь этот путь пешком.

– Меня зовут Кирилл! – запоздало представился я. – А моего друга – Константин. Мы из Москвы.

– Очень рад, – не выказывая особых эмоций, откликнулся Феликс.

Я упрямо пытался поддержать разговор:

– Феликс, почему здесь никто не живет?

– Это заводской квартал, – коротко ответил Феликс. – Промзона. А сейчас праздники.

– И все-таки? Почему совершенно никого нет? – настаиваю.

вал я.

Феликс потянул вожжи, притормаживая лошадей. Тоже интересное ощущение – машины приучили меня, что остановиться можно в любой момент. Сани проехали еще с полста метров, прежде чем окончательно встали.

– Ты правда хочешь это знать? – спросил Феликс.

Я кивнул. Лицо Феликса было серьезным, даже мрачным. Если бы он сейчас сказал, что город оккупирован инопланетными пришельцами, захвачен вампирами или выкошен чумой, – я бы поверил.

– Вокруг посмотри. Какой идиот в такую погоду отправится гулять по набережной?

Я хотел было ответить – и не нашелся, что сказать.

Феликс усмехнулся. Но тут со стороны моря тяжело плеснуло – будто накатила особенно большая волна. И улыбку с лица Феликса словно смыло этим плеском.

– Есть еще одна причина! – резко ударяя лошадей вожжами, крикнул он.

Лошади в понукании не нуждались. Они рванули так, что нас с Котей отбросило на спинку диванчика. Я перегнулся через боковину саней – и увидел, как за парашютом, за строем фонарей, колышется на воде что-то округлое, темное, усыпанное фосфоресцирующими блестками, с длинными щупальцами, тянущимися к дороге...

Сани неслись теперь вдоль самой стены заводов, максимально далеко от воды. Туша исполинского спрута вороча-

лась далеко позади.

– Не бойтесь, – не оборачиваясь, произнес Феликс. – Они боятся света и никогда не выползают на дорогу.

Почему-то ничего подобного я не ожидал. Чужой мир был слишком похожим на наш. Здесь могли водиться тигры и медведи – но никак не драконы и гигантские спруты.

– Куда мы едем? – наконец-то спросил я.

– Ко мне. Не беспокойтесь, уже почти на месте.

Сани свернули на широкую улицу – совсем не похожую на те узкие тупики, что разделяли заводские корпуса. Она была освещена – такими же фонарями, как на набережной.

И впереди что-то грохотало. Гремело. Сверкало яркими прожекторами. Неслось нам навстречу. Что-то металлическое, на огромных, метра два в диаметре, колесах, между которыми угрожающе нависал приземистый бронированный корпус с несколькими башенками с тонкими стволами – то ли пулеметов, то ли мелкокалиберных пушек...

Феликс прижал сани к обочине – и ревущая, громыхающая машина пронеслась мимо нас. Остро запахло чем-то химическим. Не обычная бензиновая вонь, а совсем другой запах, чуточку спиртовой, чуточку аммиачный.

– Так и народ подавить недолго, – буркнул Феликс. Обернулся: – Что притихли? Танка не видели?

– У нас танки другие, – тихо сказал Котя. – Они ездят за городом. Степенно. На гусеницах.

– Так у вас и по берегу гулять можно, – усмехнулся Фе-

ликс.

С берега, куда умчался колесный танк, часто застучало, будто заработала огромная швейная машинка.

Мы удалялись от берега – и город вокруг оживал, терял свою унылую геометрическую правильность. Пошли здания в два-три этажа, еще не жилого, но уже и не промышленного вида. В некоторых окнах горел свет. От дороги, по которой мы ехали, разбегались в разные стороны узкие улочки.

Снега стало меньше, полозья временами пронзительно скрипели на камнях. Мы свернули, дорога запетляла, и сани стали подниматься в гору. Теперь вокруг стояли внушительные особняки, окруженные садами. В каком-то окне я с радостью увидел мелькнувшую человеческую фигуру: женщина разливала чай. И я понял, чего мне тут так сильно не хватало: нормальных людей. Безумная бабка по фамилии Белая, ее дебильная прислуга, убийцы в черном, даже Феликс, появившийся как чертик из коробочки, – все это были не люди, а персонажи театра абсурда. Такие же странные, как скребущее щупальцами по берегу чудовище или спешивший на randevу с ним скоростной танк, только в человеческом облике.

А вот женщина, пьющая чай, была настоящей. Обычной. Самые обычные и банальные вещи – они-то как раз и есть настоящие. И даже эта мысль настоящая – потому что банальная донельзя...

Как ни странно, но люди теперь попадались все чаще,

несмотря на позднее время. В саду у двухэтажного особняка компания человек в десять – взрослые и дети – играла в снежки. Нам помахали руками, обстреляли снежками и дружно прокричали какие-то поздравления, я не расслышал, с чем именно.

– У нас праздник, – повторил Феликс.

– Я тоже не прочь поиграть в снежки, – мрачно сказал Котя.

– Сейчас согреетесь, – понял его Феликс. – Уже приехали.

Сани остановились у приземистого здания на вершине холма. По архитектуре оно напоминало старую русскую усадьбу – двухэтажный центральный корпус и два одноэтажных крыла. Площадка перед зданием была покрыта утоптаным снегом со следами многочисленных колес и полозьев. Все те же фонари на улице. Яркий свет из окон, движущиеся тени за шторами и, кажется, приглушенная музыка. Нас то ли ждали, то ли заметили приближение саней – в дальнем крыле особняка открылась дверь, к саням подбежал молодой парень: в расстегнутой рубашке, в легких туфлях, но с обмотанным вокруг шеи шарфом.

– Я вернулся, – прыгивая с саней и бросая парню поводья, сказал Феликс. – Все в порядке?

– Ага, – с любопытством поглядывая на нас, ответил парень. – Распрягать?

– Распрягай.

Вслед за Феликсом мы пошли к входу в главный корпус.

Парень повел лошадей к большим воротам в правом крыле.

– Почему у вас нет автомобилей? – не выдержал я.

– Потому что у нас нет нефти, – ответил Феликс.

У меня вдруг возникло ощущение, что Феликс на любой вопрос найдет такой, до идиотизма правильный ответ. «Почему никто не гуляет? Холодно. Почему нет машин? Бензина нет».

– В чем смысл жизни? – ехидно спросил я.

– Издеваешься... – буркнул Феликс. – Для нас весь смысл жизни – добросовестно исполнять свои функции.

– Мне это не нравится.

– Привыкнешь...

Это оказался ресторан. Не такой, как в гостинице, с атмосферой маленького европейского клуба. Нет, это был Ресторан с большой буквы. В стиле загулявших купцов и партийных работников. Это был кабак! Это было что-то столь же вульгарное, как ресторан «Прага» на Новом Арбате. Такие рестораны были в России до революции, благополучно пережили нэп (тогда, возможно, в таких кутила бодрая старушка-воровка Роза Белая), уцелели при Сталине, сохранились в годы Великой Отечественной, окрепли и заматерели в эпоху выращивания кукурузы и брежневского застоя, сменили десяток хозяев во время перестройки и победоносно встретили третье тысячелетие.

Пошлость вообще бессмертна.

Здесь были колонны. И хрустальные люстры. И шпалеры на стенах. И статуи голых фигуристых девиц с пустыми глазами вареных рыбин. И белые накрахмаленные скатерти. И хрусталь-фарфор со столовым серебром. И официанты в черных смокингах и белых рубашках, с надменно-вежливыми лицами.

Вы скажете, что все это правильно, замечательно, что ресторан должен отличаться от кафе быстрого обслуживания или ресторанчика национальной кухни. Ну да, конечно. Вот только здесь всего было слишком много. Хрусталя, серебра, крахмала. Какая-то незаметная грань была перейдена, и помпезная роскошь превратилась в безвкусицу.

Под стать оказалась и публика. Я все вспоминал того вежливого почтальона, что привез мне таможенные справочники, — он был этакий лощеный, породистый, джентльменистый. Словно дворецкий из английских фильмов.

А здесь царило безудержное веселье. Нет, за некоторыми столиками ели и пили аристократического вида дамы и господа, на них достаточно было посмотреть, чтобы понять — не наши! Местные! Из мира, где нет нефти и ездят на санях, зато на берег лезут морские чудища. Но вот в центре, за огромным столом, гуляла компания вроде тех, что я порой видал в дорогих московских ресторанах. Шеф обязательно устраивал под Новый год «корпоративную вечеринку» в какой-нибудь «Красной Площади» или «Метрополе», нет бы деньгами премию выдать... Так вот там такие случались. Накачан-

ные, но с брюшком (а можно сказать и наоборот: с брюшком, но накачанные), коротко стриженные и с постоянной, вызубренной полуулыбкой. Вначале ведут себя вполне прилично, а потом с них спадает лоск вместе с трезвостью, и они превращаются в тех, кем были десять лет назад, — мелких бандюганов. Только вместо польского «Наполеона» они теперь глушат «Камю», а заблевают не красные пиджаки, а костюмы от «Бриони».

У них и девушки были соответствующие. Длинноногие (что хорошо), красивые (что замечательно), но с глазами пустыми и яркими, как елочные игрушки. Они и сами были игрушками, но это их вполне устраивало. От скуки эти девочки открывали «бутики» (магазин — это бизнес, а бутик — для души), по полдня проводили в фитнес-залах, потребляя травяные чаи и занимаясь на экзотических тренажерах, получали никому не нужное высшее образование на платных факультетах (особо ценились менеджмент и психология).

Вот что хотите делайте, но эта компания была наша!

Феликс провел нас через зал (я заметил, что официанты при его появлении будто подтягиваются, хотя, казалось, куда уж дальше). Коридоры, мимо кухни, где гремело, шумело, растекалось вкусными запахами, лестница на второй этаж, прижимающаяся к стенкам прислуга — ресторан напоминал шкатулку с двойным дном, где спрятано куда больше, чем есть на виду.

Потом Феликс отпер высокую двустворчатую дверь и ввел

нас в кабинет – куда менее помпезный, чем залы ресторана. Письменный стол, заваленный бумагами, рабочий стул с жесткими подлокотниками и высокой спинкой. Хотя и для пышных кресел в стиле ампир, расставленных вокруг овального стола, место в кабинете нашлось.

– Садитесь. – Феликс кивнул на кресла. Нажал кнопку на столе. Через несколько мгновений в кабинет заглянул официант. Похоже, он ожидал у дверей. – Молодым людям – хороший ужин. Канелони с индейкой, бараньи ребрышки с фасолью... суп... – Феликс внимательно посмотрел на нас и распорядился: – Луковый суп обоим. И нам всем глинтвейна.

– Глинтвейн уже несут, – с достоинством сказал официант. – На дворе изрядно похолодало, господин директор.

– К утру дороги заметет, – согласился Феликс. – Мы видели кракена на берегу. Пошли кого-нибудь в полицию, возможно, удастся купить щупальца.

– Я отправлю Фридриха, – кивнул официант.

Похоже, он был не рядовой сотрудник. Начальник смены, старший по залу или как там это у них называется. А еще я заметил, что на Котю он глянул почти равнодушно, зато на меня – с явным уважением. Неужто и впрямь что-то чувствует?

Второй официант принес нам глинтвейн – по пузатой стеклянной кружке каждому и укутанный в полотенце кувшин на подносе.

Когда мы остались одни, я с наслаждением глотнул горя-

чего вина. После двадцатиминутной поездки в санях лучшего нельзя было и придумать. А потом спросил:

– Феликс, кто ты?

– Функционал. Ресторатор-функционал.

– Это вроде повара? – заинтересовался Котя.

– Готовить я тоже умею, – кисло согласился Феликс. – Нет. Я отвечаю за ресторан целиком. Интерьер, сотрудники, кухня...

– Интерьер, – задумчиво сказал Котя. – Ага.

– Мне тоже не нравится, – спокойно согласился Феликс. – Но нравится посетителям. К моему глубокому сожалению... Итак, господа, постараюсь ответить на вопросы. Наша уважаемая Роза всегда склонна приукрашать истину... Итак, Кирилл, ты – функционал.

– Это вроде бы математический термин, – сказал я.

– И что с того? Нашу суть слово «функционал» передает лучше всего. Мы – приложения к той или иной функции. Есть функционалы-продавцы. Есть функционалы-врачи. Есть функционалы – хозяева гостиниц или ресторанов.

– Прислуга, – вдруг произнес Котя.

– Именно. – Феликс кивнул. – Если тебя это оскорбляет, можешь называться мастером. Многие так и делают. Но в моем понимании мастер – человек, самостоятельно добившийся успеха. У нас ситуация несколько иная. Способности нам даны. Кем – не спрашивай, я не знаю. А история у всех одна и та же. Человека начинают забывать. У него исчеза-

ют документы. Его место – в семье и на службе – занимает кто-то другой. И вот когда человек опускается до самого дна и ему некуда деваться, к нему приходит посыльный или он получает телеграмму... в общем – его куда-то зовут. Место, куда он приходит, становится его новым местом работы. Мы называем это место функцией. Функция Розы – ее гостиница. Моя функция – этот ресторан. Твоя, как я понимаю, пропускной пункт между мирами.

Я кивнул.

– Что ты получаешь. – Феликс отхлебнул глинтвейна. – Ты получаешь очень долгую жизнь. Я не скажу «бессмертие» – ты хоть и не стареешь, но можешь погибнуть или покончить с собой. Ты получаешь полное здоровье и огромную способность к регенерации. Только учти, чем дальше ты находишься от своей функции, тем ниже твои способности! На своей территории тебя практически невозможно убить. Полагаю, даже если отрезать голову, она способна прирасти обратно. Здесь... ну, вероятно, тебя можно убить выстрелом в сердце. Или несколькими выстрелами.

Странное дело – я всю жизнь знал, что меня можно убить выстрелом в сердце, и это ничуть меня не обижало! А теперь стало очень досадно...

– Ты способен отличать функционалов от обычных людей... погоди, не спорь. Это придет не сразу. Ты понимаешь любые языки, но опять же – только в некоторой зоне от своей функции. Место, где ты живешь и работаешь, очень ско-

ро будет обставлено по твоему вкусу. Учти, это самопроизвольно! Никаких предметов роскоши, увы, ты не получишь. Никаких денег и драгоценностей. Никаких продуктов. Никаких обольстительных гурий, к сожалению... Пожалуй, это все, что касается общих способностей. Теперь специальные. Я, к примеру, знаю, кого и чем кормить... не улыбайтесь, сейчас убедитесь сами. Роза поддерживает свою гостиницу в идеальном состоянии. Ты, вероятно, почувствуешь любую контрабанду, а при необходимости вступишь в драку и победишь. Конечно, до полицейского-функционала тебе далеко, но... А какие чудеса творит врач-функционал! Вот, пожалуй, все положительное, что могу тебе сказать... Нет, подожди! Ты еще, конечно же, можешь путешествовать из мира в мир. Сколько миров связывает твоя функция?

– Пока два. Но мне кажется, их будет пять.

– Прекрасно. Итак, у тебя на выбор пять миров, куда ты можешь отправиться. Только учитывай, что твои способности сойдут на нет, когда ты удалишься на десять – пятнадцать километров. Можешь воспользоваться и чужим переходом.

– Если есть плюсы, то должны быть и минусы, – сказал я.

– Верно. Минус один. Он таков: ты будешь всегда заниматься одним и тем же делом. Если ты удивительный лентяй, то можешь исхитриться и сделать свою работу необременительной – как Роза. Но полностью от нее избавиться ты не сумеешь. Если уйдешь от своей функции далеко и надолго, то станешь обычным человеком.

– Не такой уж и страшный минус, – буркнул Котя. – Мы и так все человеки. А побыть сотню лет неуязвимым суперменом, да еще и не заботиться о хлебе насущном... такое не каждому дано... Я мог бы стать функционалом?

– Это лотерея.

– Понял. Где можно билетики купить?

Феликс только усмехнулся.

В дверь коротко постучали, и вошел официант с подносом.

– Баранину ему. – Феликс кивнул на меня. – Перекусите, молодые люди...

Он прошел за свой стол и погрузился в чтение бумаг. Мы накинулись на еду.

Действительно было вкусно. Очень. Я никогда не ел луковый суп, я вообще вареный лук ненавидел! А сейчас я слопал полную чашку в один присест. Накинулся на бараньи ребрышки. Честно говоря, баранину я ел очень редко и был убежден, что это невкусное мясо. Оказывается, я ошибался еще сильнее, чем с луком.

Было и вино. И на этот раз этикетки на бутылках оказались чужие – буквы напоминали латиницу, но слегка искаженную в написании. Смысл слов я все-таки понял: вино произвели «в высокогорных областях Скани из уникального сорта винограда Руминера». А вот Котя поглядел на бутылку так, что сразу стало ясно: он ничего прочесть не может.

– Вы можете заходить ко мне в любое время, – произнес

Феликс, не отрывая взгляд от бумаг. – Всегда буду рад принять коллегу. Приводите друзей, подруг. Мы должны помогать друг другу, верно?

– Феликс, вы из Москвы?

– Нет. Я местный.

– Но вы ведь говорите по-русски! – вскинулся Котя.

– Ну и что? Да, я русский... – Он открыл ящик стола, достал оттуда потрепанную книжку. – Возьмите. Будет проще, если вы это прочитаете на досуге.

Книжкой завладел Котя. По его радостному восклицанию я понял, что на этот раз он понимает текст.

– Учебник истории для пятого класса, русская версия! – радостно воскликнул Котя.

– Отобрал два года назад у сына, – сказал Феликс. – Решил, что рано или поздно пригодится. Новые функционалы появляются нечасто, но надо быть ко всему готовым... Так уж сложилось, что я здесь вроде как старший. Неофициально, разумеется. Но в последнюю пятницу месяца все наши собираются в ресторане... вы тоже подходите. Сосед как-никак.

– Феликс, кто напал на гостиницу? – спросил я.

Феликс вздохнул:

– Если есть люди, владеющие чем-то уникальным, у них обязательно попробуют это отобрать. Всегда ходят какие-то слухи, Кирилл. О враче, способном исцелить любые болезни. О лазейках между мирами. О неуязвимых бойцах. Об

исполняющихся желаниях, в конце концов. Все наши связи обрываются, когда мы становимся функционалами. Но рано или поздно заводятся новые. Функционалы женятся или выходят замуж. У них появляются дети. Новые друзья. И вот – нужная информация попадает слишком честолюбивому человеку, и начинается... Тайные организации. Боевики. Нападения на функционалов – некоторых выявить очень трудно, других – почти элементарно. В большинстве случаев с ситуацией разбираются полицейские. Но иногда... иногда мы гибнем. Последний год беспокойно, на меня нападали дважды...

– А так люди о нас не знают?

– Кому надо – знают. Лучше оказывать небольшие услуги власти, чем ввязываться в глобальное противостояние, верно? Опять же – тебе нужно питаться, одеваться. Знаешь как?

– Ко мне приходил почтальон. Сегодня утром... то есть уже вчера. Он принес таможенные книги... – Я не закончил.

– Правильно все понял, – кивнул Феликс. – Ты собираешь налог с товаров. И можешь полностью тратить его на себя. Я содержу дорогой ресторан. Врач очень дорого лечит богатых и скрытных клиентов от всего... Поверь, когда слух о новом функционале распространится, у тебя не будет отбоя от клиентов. Заранее приготовь таблички с временем работы и повесь на дверях.

Непохоже было, что он шутил.

– В общем, – подвел я итог, – мне дали высокооплачива-

ему работу, а вдобавок – здоровье, долголетие и неуязвимость. Надо радоваться.

– Начинай, – кивнул Феликс. – Я совершенно серьезен, начинай радоваться жизни. Лет через пятьдесят ты начнешь скучать, а пока – веселись. Предавайся всем возможным радостям и порокам. Нет, вначале радостям, пороки лучше оставь на потом... А через два дня жду тебя на нашу маленькую вечеринку функционалов Кимгима. – Он посмотрел на Котю и уточнил: – Одного, разумеется.

– Скажите, – воинственно произнес Котя, – а что будет, если я напишу про все это в газете?

– Вы журналист?

– Да!

– К вам заглянет функционал-полицейский. – Феликс покачал головой. – Воздержитесь от этой статьи, молодой человек.

– Ничего страшного не случится, даже если напишет, – быстро сказал я. – Он пишет сенсационные статейки о всякой небывальщине: тайные общества, экстрасенсы, морские чудовища...

Я замолчал, а Феликс кивнул:

– Вот-вот. Пусть воздержится. Пишите лучше что-нибудь другое, молодой человек. Что-нибудь романтическое. О любви. О животных.

– О любви к мальтийским овчаркам! – не выдержал я. И принялся хохотать. Я хохотал очень долго, взхлеб, поперхи-

ваясь и сгибаясь в кресле, пока покрасневший Котя не принялся стучать меня по спине.

– Вам надо отдохнуть, – сказал Феликс, внимательно глядя на меня. – Останетесь здесь? Я могу выделить вам комнату. Или поедете к Розе? Или к себе?

– К себе, – сказал я. Истерический хохот прошел, но мне было неловко, как человеку, сморозившему глупость в большой компании.

– Разумно. Не стоит слишком нагружать вашу функцию отлучками. К тому же, как я понимаю, вы даже не познакомились с местными функционалами?

– Нет.

– Конечно, Москва город крупный, – рассудил Феликс. – У нас десять функционалов. В Москве, полагаю, больше сотни... Но не сегодня-завтра к вам придут.

– «Комиссия прибудет послезавтра», – вспомнил вдруг я. – Да... действительно.

– Вот видите. Волей случая в курс дела вас ввел я вместе с Розой. Но у вас свои законы, свои правила... Возможно, вам все объяснят точнее и лучше.

Феликс снова нажал кнопку звонка и сказал:

– Я попрошу Карла отвезти вас. При нем можете говорить свободно.

– А могу я вас сфотографировать? – спросил я.

– Ищите доказательств для самого себя? – Ресторатор улыбнулся. – Пожалуйста. Только тогда с вас карточка.

О том, что мы можем и не найти башню, я подумал только когда мы проехали мимо «Белой Розы». От камешка, оставленного на парапете, было не больше пользы, чем от хлебных крошек, что сыпали за собой в лесу Гензель и Грета, – слишком много снега навалило за эти часы. От Коти помощи ждать не приходилось: подсвечивая страницы экраном мобильного, он пытался читать учебник истории.

Но все разрешилось неожиданно просто. В какой-то момент, вглядываясь в проносящиеся мимо улочки, я почувствовал: нам сюда. Ощущение было сродни тому, с которым я толковал Коте незнакомые термины или дрался с налетчиками, – чистое знание, убежденность в том, что надо сделать именно так.

Нас довезли до башни, на которую молодой официант глянул с жадным любопытством. Интересно, каково это – знать о существовании иного мира и не иметь возможности туда заглянуть?

– Мы вам что-либо должны? – спросил я, повинувшись невольному порыву.

Хотя что я ему мог предложить? Местных денег у меня нет, рубли ему без надобности.

– Что вы, ничего. – Парень снова глянул на башню. – Мне пора ехать... боюсь замерзнуть.

– Может быть, чуть-чуть?.. – Я не закончил фразу.

И в следующее мгновение понял, что люди остаются

людьми даже в параллельном мире.

– Если только совсем чуть-чуть. – Парень смущенно улыбнулся. – Нечасто мастер угощает простого человека.

Я подумал, что функционал Феликс слегка лукавил, издеваясь над Розой Белой. Нет, конечно, сам он не признавал такого высокопарного обращения. Но вот как звали его подчиненные – предпочитал не замечать.

– Мастер с удовольствием угостит вас, – сказал я. – Проходите.

И вот тут парня словно током ударило! Я уже открывал дверь, а он все растерянно смотрел на меня. Потом потряс головой. Спросил:

– Мастер приглашает?

– Заходи. – Я гостеприимно распахнул дверь.

Наверное, с таким чувством добрый католик вступает в папский дворец. Парень долго отряхивал с ног снег. Осторожно вошел – и уставился на электрические лампочки с тем же восторгом, как Котя, обнаруживший фонари на парапете.

– Принеси нам, – попросил я Котю. – Ага?

– Ага, – кивнул Котя.

Исчез на минуту и вернулся – с коньяком и тремя рюмками. Возница проглотил коньяк будто воду. Нет, спиртное его сейчас не интересовало...

– Мастер... могу ли я посмотреть на ваш мир?

Я посмотрел на Котю. Тот пожал плечами: «Сам решай».

– Ну, наверное, да... – Я прошел к двери, что вела в Моск-

ву. – Недолго!

Вам доводилось видеть, как человек любит видом дожда над свалкой?

Была уже глубокая ночь.

Вид за дверью был не лучше, чем в Кимгиме. Темнота, грязь, смутные силуэты домов, в нескольких окнах – неяркий свет. Почему-то еще и фонари вдоль дороги не горели.

Но парень поглощал это нехитрое зрелище с энтузиазмом первого зрителя братьев Люмьер. Потом неохотно отвернулся от двери. Прижал руку к сердцу.

– Спасибо, мастер. Я... я всегда мечтал увидеть чужие миры.

И эта дурацкая напыщенная фраза нас с Котей проняла. Мы, фальшиво улыбаясь, проводили парня до его двери – в Кимгим. Даже помахали руками.

А когда я захлопнул дверь – будто из нас обоих вынули невидимые стержни.

Я оперся о стену.

Котя поступил проще – сел на пол. И принялся ненужно долго тереть очки о рукав.

– Как тебе... их мирок? – спросил я.

– Мирок? Масоны! – твердо сказал Котя. – Мировой заговор. Чудовища. Ёшкин свет, зачем я сюда приехал!

У него в голосе прозвучала подлинная мука.

– Ты чего? – не понял я.

– Чего, чего... Ты теперь – страж между мирами, так?

На лету ножики ловишь, раны заживляешь, пошлину взимаешь... А я-то чего ввязался? Я никто, и звать меня никак! И рассказать не могу, ко мне функционал придет и башку оторвет!

– Котя...

Мне и впрямь было неудобно. На меня выпал непонятно кем брошенный жребий. Да и Котя забыл, что мы были дружны. Но все равно – я чувствовал себя виноватым.

– Все у них схвачено, все завязано, – продолжал тем временем накаляться Котя. – Повсюду все свои. И зубодеры свои, и парикмахеры. Простые люди бьются словно рыба об лед, а вы там с жиру беситесь!

Это было уже совсем странно. Я никогда раньше не встречался с классовой ненавистью. Да раньше и не было никакой разницы между мной и Котей. Но сейчас я вдруг понял, что ощущал мелкий лавочник, к которому в октябре семнадцатого года зашел революционно настроенный матрос.

– Котя...

– Иди ты на фиг! – выдал Котя, что для него равнялось отборному мату. – Хорошо вы устроились, мастера-функционалы!

Последние слова прозвучали с тем чувством, с которым оголтелый антисемит мог бы заорать: «Жида пархатые!»

– Слушай, я не рвался... – начал было я.

Но Котю, как это порой бывает, пробило на обиду.

Он резко поднялся, достал из-за пазухи учебник истории,

который мастер-функционал Феликс отобрал у своего ребенка, и бросил книгу на пол. После чего гордо вышел, хлопнув дверью.

Вышел в Москву.

– Я что, этого хотел? – спросил я башню. Потер плечо, в которое мне попали ножом. – Я что, рвался быть функционалом? Партизан мочить и таможенные сборы взимать?

В башне было тихо. Очень тихо. Отвечать мне было некому.

А устраивать истерику без зрителей – совсем уж глупо.

Я нагнулся, подобрал книжку. Она открылась на форзаце – и я увидел карту мира, в котором находился Кимгим.

Несколько секунд я глупо улыбался.

Может быть, Котя тоже видел эту карту? Оттого и завелся?

– Здесь вам не тут, – изрек я древнюю военную мудрость. Так, с книгой в руках, я и отправился на второй этаж.

Для молодого и здорового мужчины есть много способов проснуться. Самый приятный – это когда тебя целуют в ухо и нежно говорят: «Дорогой... спасибо, это была незабываемая ночь...» Как ни странно, самый ужасный – точно такой же. Только голос при этом мужской и говорит с кавказским акцентом.

Но посередке между этими двумя крайностями лежит огромный выбор из различных пробуждений. Там есть «вторая бутылка была лишняя, но посидели хорошо», «найти носки – и сваливать, пока не проснулась» и даже довольно экзотичный вариант: «Я заснул за рулем, доктор?»

Однако обычно пробуждение случается куда прозаичнее. Как правило, молодой мужчина просыпается с мыслью «Как я ненавижу эту работу!». Распространены также варианты «Этот ребенок когда-нибудь прекратит орать?» и «Какой идиот звонит мне среди ночи?».

Я проснулся, щурясь от солнечного луча, бьющего в окно. Свет был такой чистый, яркий, живой, что сразу стало ясно: это не солнце слякотного московского неба.

Однако, открыв глаза, я убедился, что за ночь погода кардинально поменялась. В Кимгиме снег уже не шел, зато небо осталось обложено тугими серыми тучами. А в Москве развиднелось: небо голубое, слепящее, будто убегающее в бе-

лизну, солнце словно с детского рисунка – лимонно-желтое, а воздух даже на глаз чистый и холодный.

Несколько секунд я лежал, глядя в открытые окна. В голове – ни одной мысли. Тело полно энергии – хочется бегать, прыгать... много чего хочется. Совершенно не хочется делать зарядку, но это потому, что она мне не нужна.

Я счастливчик! Мастер-функционал. Таможенник. Я могу в одиночку побить толпу бандитов, мне не страшны раны, а впереди – долгое и непременно счастливое будущее!

Рывком соскочив с кровати, я подпрыгнул – ладони шлепнули о потолок. Ого! Здесь же почти три метра.

– Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля! – весело прогорланил я обрывок старой песни. И замолчал. Цветом или светом? А... какая разница! Главное, что веселое солнце и чистое небо – у нас, а не в уютном Кимгиме. Пусть они там себе не слишком! У нас тоже ого-го порой!

Открыв окно, я перегнулся через подоконник. Смешно, наверное, это выглядит из Москвы: в грязной водонапорной башне на уровне второго этажа вдруг распаивается окошко и высовывается голый по пояс человек с довольной, выпавшей физиономией...

Но на меня никто не смотрел. Мчались машины, гудела вдали удаляющаяся электричка (видимо, ее шум меня и разбудил). Тепло одетые люди торопились на станцию. Правильно, сегодня же суббота... Видимо, решили воспользоваться последним теплым осенним деньком... ну, не теплым, но хо-

тя бы солнечным. Я и сам в такие дни хватал Кешью, звонил Аньке, и мы ехали к ней на дачу, старенькую и именно этим замечательную...

Вот тут мне стало пронзительно тоскливо. Не из-за Аньки. Было и прошло, расстались и попрощались, не очень-то сложилось и не очень-то хотелось... Расстались мы с ней как люди. По обоюдному решению. По стертым из моей жизни друзьям и даже родителям я тоже не особенно скучал. С друзьями, теперь я был уверен, смогу заново перезнакомиться – с Котей ведь получилось. Родители... главное, что они живы и здоровы, что они не переживают из-за меня – ведь меня словно бы и не было.

Я скучал по Кешью. Мне хотелось взять за уши его собачью морду и потрепать как следует. А потом ткнуться носом в нос, почесать за ухом, потом погладить животик...

ТЬфу! Рассказать Коте – очередной шедевр родит. А то ведь сидит сейчас небось и мучается от нехватки новых идей.

А почему, собственно говоря, я не могу вернуть себе Кешью? Ну, забыл меня пес. Ничего! Заново привыкнет! Его соседи себе взяли? Спасибо им! Я даже готов заплатить за собаку. Но мне нужен мой пес!

И от этого решения у меня сразу улучшилось настроение. Захлопнув окно, я взбежал по лестнице на третий этаж, принял ледяной душ (не то чтобы мне очень этого хотелось, но вода в горячей трубе никак не хотела нагреваться), потом соорудил себе на кухне пару бутербродов и вскипятил чай.

Хлопнулся на стул и стал жевать, размышляя – заводить или нет в башне телевизор? Сам по себе он явно не появится. Но ведь можно купить. Нужен мне в новой жизни ящик от мозгов или нет?

Наверное, нужен. Чтобы совсем уж не отрываться от страны. Все смотрят, а я чем лучше? Кто мне иначе посоветует: «Кушай йогурт», «Чисти зубы», «Иди в кино»?

Я отпилил себе еще кусок колбасы, налил чая, встал, прошелся по кухне. Потрогал ножи – острые, осмотрел кастрюли и тарелки. Надо будет научиться готовить. А то у меня в репертуаре всего два блюда: яйца жареные и курица вареная. Можно подумать, что я испытываю личную неприязнь к несчастной птице и стараюсь уничтожать ее вместе с потомством всеми возможными способами. Зайдет в гости функционал-ресторатор Феликс, стыдно будет...

И тут я понял, что уже несколько минут мне не дает покоя едва слышный звук. Откуда-то из-за стены. Тихий рокот, будто работает огромный могучий механизм.

Прислушавшись, я подошел к окну – закрытому ставнями, левому от окна в Москву. Приложил ухо к холодному металлическому листу.

За ставнями урчало, шипело, рокотало. Станки? Я открыл болт, мимолетно отметив, что пальцы держат гайку словно плоскогубцы. Рывком распахнул ставни.

Здесь тоже было солнце – только оно едва-едва вставало над морем, крошечным алым краешком обозначая восток.

Почему никогда не спутаешь, встает солнце или садится, когда видишь его над морем?

Слева и справа тянулась линия пляжа – я распахнул окно, глотнул соленый и одновременно сладкий, не надышаться, морской ветер, высунулся по пояс и огляделся. Башня стояла на песчаном мысу, словно маяк или форпост от неведомых морских чудищ.

Но почему-то я чувствовал – здесь кракенов из Кимгима нет. А если и есть... у подножия своей функции я любого кракена порву голыми руками.

Сбежав вниз, я распахнул дверь. Выскочил – ноги увязли в песке. Обежал башенку. Песчаный мыс, метрах в трехстах за башней – зеленый берег. Никаких следов людей. Только рокогут, набегая на берег, волны.

Надо жить не в холодной Москве и выбираться к морю чаще чем раз в год, чтобы поступить иначе. Я разделся догола, добежал до берега и вошел в воду. Она была по-утреннему прохладной, но вполне сносной. Метров пять я брел по песку, погрузился по пояс, после чего поплыл. Через минуту осторожно пощупал ногой дно – дна уже не было. Я так и повис в соленой прохладной воде, слегка подгребая руками и глядя на встающее солнце. Потом развернулся и посмотрел на берег, на свою башню.

Нечего было и удивляться, что в этом мире башня выглядела как маяк. Стены из серого камня и розового ракушечника. На самом верху – зарешеченная площадка, слабо по-

блескивающие зеркала и стекла. Интересно, как зажигается свет? И должен ли я выполнять работу фонарщика?

Наверное, должен.

Окунувшись с головой, я поплыл в сторону берега.

Новый мир – хорошо. А старый друг – лучше. Я должен спасти Кешью.

Я снова принял душ – вода в море была соленой. Не удержался и еще раз постоял у окна, выходящего на море.

Солнце уже поднялось над горизонтом. От моря начинал дуть легкий теплый бриз.

Всегда завидовал тем, кто живет у моря.

А теперь оно у меня собственное – прямо за порогом. В пятнадцати минутах пешком от метро «Алексеевская».

Закрыть дверь снаружи было нечем. Да и не нужно. Если уж башня за ночь выращивала целый этаж с кухней и ванной комнатой, то не впустить внутрь бомжа она сумеет. Надвинув капюшон на мокрые волосы (солнце – это хорошо, но осень никто не отменял), я двинулся к метро. Денег оставалось немного, а я ведь собирался честно выкупить Кешью...

И тут мне пришла неожиданная идея.

Я остановился и начал голосовать. Уже через минуту притормозил «жигуленок» с мордастым лысым водителем, похожим на молодого актера Моргунова.

– До Студеного проезда, – сказал я дружелюбно.

– И скока?

– Полтинник. – Я улыбнулся еще шире, хотя меньше чем с сотни и разговор можно было не начинать. – Я думаю, этого достаточно.

– Да за глаза! – искренне воскликнул водитель. Перегнувшись, открывая дверь. – Садись!

Способности таможенника явно не ограничивались знанием редких слов и умением ловить в воздухе ножики. Водитель что-то довольно мурлыкал себе под нос, а я расслабленно смотрел на проносящиеся мимо дома. Хорошо ехали, без пробок.

– Вот читал я тут недавно Генри Миллера... – неожиданно изрек водитель.

Вид водителя не внушал надежд даже на то, что он читал модных Мураками и Коэльо. Честно говоря, насчет Тургенева, Джека Лондона и Стругацких тоже существовали изрядные сомнения.

– Что именно? – спросил я. – «Тропик Рака»? Или «Тропик Козерога»?

Водитель уставился на меня в полном изумлении.

– Ну ничего себе! А ты-то откуда такие книги читал?

– Довелось... – Я и сам растерялся. – В юности, в родительской библиотеке...

– А, понятно. – Водитель успокоился. – Слушай, вот не понимаю я этой высокой литературы! Читаю, читаю... Что за беда такая? Если высокая литература – значит или говно едят, или в жопу трахаются! Вот как себя пересиливать – и

читать такое?

– Вы не пересиливайте, – посоветовал я. – Читайте классику.

– Я Тютчева очень люблю, – неожиданно сказал водитель. И замолчал – как отрезало. Так мы и доехали до Студеного проезда – молча и в размышлениях о высокой литературе. Я попросил остановиться, чуть не доезжая до своего – бывшего – дома. Вручил водителю пятьдесят рублей, которые были безропотны приняты.

Странные встречи иногда происходят без всяких чудес.

Тому, кто дал имя Студеному проезду, не отказать ни в наблюдательности, ни в чувстве юмора. Летом Студеный – вполне милая улица, за которой кончается Москва и начинается Россия. Но осенью и зимой он вполне оправдывает свое название. Сразу вспоминаются святочные истории о девочках со спичками и куда более реальные, пусть и менее душещипательные, криминальные хроники об алкоголиках, прилегших отдохнуть в сугроб.

Я медленно обходил свой дом, пытаюсь понять, как именно буду действовать. Воспользуюсь способностями функционала? Выбью пинком дверь, схвачу свою собаку и убегу? А хватит ли способностей? До башни – ровно десять километров.

Ровно?

Да, ровно. Плюс-минус пятьдесят метров. Я это знаю.

Словно попискивает зуммер в телефонной трубке, которую слишком далеко отнесли от базы...

Что ж, значит, если мне захочется покуролесить где-нибудь на Пражской – у меня ничего не получится. Там я стану обычным человеком.

Но здесь, пожалуй, способностей у меня бы хватило. Я мог – точно мог – вскарабкаться по стене нашей девятиэтажки до соседских окон. И железную дверь мог выбить. Или, к примеру, открыть хорошие итальянские замки канцелярской скрепкой. Это все входило в положенный таможеннику набор способностей.

Вот только я не хотел – ни воровать, ни грабить. Оставшиеся у меня пять тысяч рублей – это та сумма, за которую могут продать случайно доставшуюся породистую собаку. А могут и не продать...

Но тут я вошел в свой старый двор, и вопрос отпал. На детской площадке, где дети отродясь не играли, среди унылых бетонных грибочков и гнутых железных качелей, соседская девочка выгуливала Кешью.

Очень удобная ситуация! Подойти, прикрикнуть на ребенка, забрать собаку... Родители и в милицию обращаться не станут. Порадуются, что с самой девочкой ничего не случилось.

А девочка сияла от счастья. Крепко сжимала поводок, оглядывалась по сторонам – ей хотелось зрителей. Она выгуливала собаку. Настоящую. Свою собственную! Я поймал ее

радостный взгляд, меня она не узнала, конечно же. И понял, что отобрать собаку не смогу. Ну... если только Кешью сам не бросится мне навстречу.

Кешью не бросился. Деловито бегал по площадке, выбирая места посуше. Принюхивался к меткам соседских собак. Кое-где задира лапу и оставлял ответное послание.

Я подошел поближе, достал сигареты и закурил. Кешью жизнерадостно тявкнул и подошел ко мне. Он никогда не был слишком агрессивным и, если, по его мнению, хозяину опасность не грозила, готов был поздороваться с прохожим.

Конечно, если прохожий ему самому нравился.

Опустив руку, я позволил ткнуться в ладонь холодному мокрому носу. Кончиками пальцев почесал Кешью горло. Пес благосклонно посмотрел на меня, привстал, оперся об меня, пачкая джинсы грязными лапами, и приветливо гавкнул.

Соседская девочка заулыбалась и сказала:

– Кешью только с хорошими людьми так здоровается!

– Кешью? Какое удивительное имя. – Я потрепал собаку по голове. – У меня тоже был... точно такой пес.

Я ожидал, что тут девочка насторожится. Все-таки собака у нее всего два дня...

– Ух ты, как здорово! – воскликнула девочка. – А у вас сука или кобель? У нас кобель. Мне его папа подарил, когда я в первый класс пошла. И сказал, что если буду плохо учиться – отберет!

Обещание вполне в духе Петра Алексеевича... Я посмотрел на девочку. Не врет. Точно не врет!

– Так сколько уже ему? – спросил я.

– Три с половиной года. Он еще молодой! И на двух выставках был чемпионом!

А я Кешью ни разу не водил на выставки. Времени не было. Заводчица говорила, что такую собаку стоит выставить, но...

– Вижу, ты хорошо учишься, – сказал я. – Раз не отобрали. Девочка звонко засмеялась.

– Конечно, на одни пятерки. Только это папа шутил! Вы не думайте, что он всерьез! Он Кешью никогда никому не отдаст!

Я затаился посильнее и закашлялся. Блин. Что же происходит? Кешью не только мне не принадлежит! Он и у Натальи Ивановой никогда не был! Крепко выпивающий и грубоватый Петр Алексеевич подарил собаку своей дочке. И – что-то изменилось в их семье. Задерганная тихая троечница весело смеется, учится на отлично и когда говорит об отце – в голосе неподдельная любовь.

– Ах ты хулиган, – прошептал я, садясь на колени и позволяя Кешью лизнуть себя в нос. – Значит, не помнишь? Но тебе хорошо? Точно? И от тебя им стало лучше?

Кешью облизал мне лицо. Ему было хорошо. Он любил свою маленькую хозяйку и был абсолютно уверен, что большинство людей тоже достойны любви.

– Хорошая у тебя собака, – сказал я. – Ты ее береги. Я вот... потерял такую.

Лицо девочки тут же отразило весь ужас ситуации. Она кивнула. Сказала:

– У нас алиментный щенок скоро будет. Вы если хотите, приходите. Только они дорогие, извините.

– Подумаю, – пообещал я. – Я вообще-то тут знакомую ищу. Наталья Иванова зовут. Не знаешь такой?

Девочка подумала и покачала головой.

– Помню только, что в этом районе живет, – продолжал я. – И что на шестом этаже. Провожал однажды...

– Мы на шестом живем, – оживилась девочка. – Только у нас нет Натальи. У нас три квартиры на площадке. В одной живет тетя Галина... – Девочка понизила голос и повторила чужие слова: – Змеюка редкостная. В другой – мы с Кешью, папой и мамой. Между нами в однушке вообще никто не живет. Хозяевам, наверное, жилплощадь не нужна! Хоть бы сдавали, верно? Заработать можно хорошо. А то ни себе, ни людям! Папа говорит, надо посмотреть законы, может, можно эту квартиру отобрать. За неиспользование.

– Это вряд ли, – задумчиво сказал я. – Насчет щенка я подумаю, спасибо большое.

На прощание я снова погладил Кешью по загривку. И ушел не оборачиваясь.

Коте я позвонил, подходя к метро.

– Да? – очень подозрительно спросил Котя.

– Ага, – согласился я. – Именно. Это я.

Раздался тяжелый вздох.

– Котя, кончай дурить, – сказал я. – Мне посоветоваться надо.

– А мне – работать! – гордо ответил Котя.

– Что, на летний отдых зарабатываешь? – коварно спросил я.

– Почему бы и нет!

– Дай догадаюсь, как именно... «Когда-то я была веселой и общительной девочкой, а потом – увидела ее по телевизору...»

– «Раньше я была простым питерским пареньком по имени Лёха, – сказала Мэри с улыбкой. – Погаси сигарету, курение вредит здоровью!»

– У тебя появился социально позитивный подтекст! – удивился я.

– Это для газеты «Здравы будем», – виновато сказал Котя. – Они обязательно просят, чтобы помимо клубнички было о вреде пьянства, курения... Чего звонишь?

– Возьми десяток пива и приезжай, – попросил я. – Только пиво пусть будет холодное. И чипсов каких-нибудь, орешков...

Некоторое время Котя переваривал информацию. Потом сказал:

– Теплое пиво было бы проблемой, а вот... Что? Третья

дверь открылась? Куда?

– В лето, – сказал я и выключил мобильник.

Здравые мысли подкрадываются неожиданно.

– Если бы ты, Кирилл, обладал системным мышлением, – переворачиваясь со спины на пузо, сказал Котя, – ты бы попросил меня взять крем от загара.

Солнце и впрямь начинало припекать.

– Если бы ты не был столь ленив – сгонял бы сейчас за кремом, – отрезал я. – Лето с меня, а вот все остальное – твое.

– И где я сейчас куплю крем от загара? – лениво спросил Котя. – Это либо дома искать, либо в парфюмерных супермаркетах вроде «Тверская-понты». Дай пивка...

Я протянул ему бутылку «Оболони». Не выдержал и спросил:

– Слушай, что ты все время берешь это пиво?

– Мне у них рекламная стратегия нравится, – усмехнулся Котя. – Представляешь, они писателям-фантастам предлагают упоминать в книжках пиво «Оболонь».

– И что?

– Ну, если в книжке десять раз будет упомянуто слово «Оболонь», то автору выплачивают премию. Прикинь?

– Так просто? – восхитился я. – «Оболонь», «Оболонь», «Оболонь» – и все?

– Десять раз подряд «Оболонь», – подчеркнул Котя. – Не

меньше.

– А что такое вообще «Оболонь»? – спросил я.

– Болотистый берег реки.

– Серьезно? То есть «Оболонь» – это пиво из болотной воды?

– Но ведь вкусно же!

Спорить я не стал.

У такого моря и под таким солнцем, да еще и в ноябре месяце – любое пиво годилось.

– Странно все, – сказал я. – Понимаешь... я-то ждал, что Кешью страдает по Наталье... я его заберу. Заплачу, конечно! А оказалось – он у девочки три года. Неправильно это.

– Все правильно, – фыркнул Котя. – Ты еще не понял?

– Что?

– Ни Роза, ни Феликс не вспоминали про каких-то странных личностей, занявших их место. Вроде как ты должен был из жизни выпасть...

– Угу...

– А тебя – выпали. Заменяли.

Я все-таки не мог понять.

– Как заменили?

– Она в себя нож воткнула? – спокойно спросил Котя. – Грудью на нож – и оп-ля? Словно в масло? И вот труп истекает кровью, сирены воют, ты в бегах...

– Блин...

До меня наконец-то все дошло.

Я вскочил. В бешенстве ударил ногой по песку.

– Блин! Блин! Блин!

– Понял? – Котя повернул голову и подслеповато посмотрел на меня. – Твоя Наталья Иванова, мышь белая, моль бледная – такой же функционал, как и ты. Почему-то ты не действовал так, как они от тебя ожидали. Они это предвидели. И у тебя заранее был раздражитель – наглая противная девица. Ты скажи – она ведь как раз того типа, что тебе наиболее противен, верно? Не просто чужая женщина, а мерзкая чужая женщина? Так?

Я пожал плечами.

– С тобой сложнее, чем с горничной и ресторатором, – невозмутимо продолжал Котя. – Я вчера вспылил, ты уж извини. Очень меня карта завела... Но у тебя не так просто все, Кирилл. Ты не обычный таможенник, которых здесь – как грязи. Что-то в тебе есть особое. Я, правда, еще не понял, что именно.

– А пытался? – мрачно спросил я.

– Да. Полночи думал. – Котя сел на песке, надел очки. Строго посмотрел на меня. – Слушай, Кирилл. Мы, наверное, и впрямь были хорошие друзья...

Я смутился – как всегда бывает, если начинаешь говорить с друзьями о дружбе. Это с приятелями хорошо получается.

– Море в центре Москвы, Кымгым твой гребаный...

– Кимгим!

– Кимгим, без разницы! Все это хорошо. С тобой дру-

жить и приятно, и выгодно. — Котя ухмыльнулся. А потом очень серьезно продолжил: — Только ты не из рядовых масонов... функционалов. С тобой какая-то беда связана. И однажды, Кирилл, ты не успеешь перехватить все ножики. Так что я чувствую, для меня это все плохо закончится. Я сегодня утром сел писать очередную халтурку, а сам думаю — если Кирилл не позвонит до обеда, то я все телефоны отключу и постараюсь себя убедить, что мне все пригрезилось. Но ты успел. Урод.

Я смущенно посмотрел на Котю. Он был прав. Я его втягивал в какие-то приключения, вроде бы и интересные — и в то же время смертельно опасные. Но при этом у меня были тузы в рукаве: способности функционала.

— Котя...

— Ладно, проехали, это все лирика поганая. — Котя махнул рукой. — Море офигенное. Пиво холодное. Экология — убиться бумерангом! За это и помереть можно... Ты учебник кымгымский прочитал?

— Пролистал, — признался я.

— Ну и что тебя особенно удивило?

— Отсутствие государств.

— Во! — Котя погрозил мне пальцем. — Городок Кимгим на месте Калининграда — легко. Городок Зархтан на месте Питера — да запросто! С фонетикой им не повезло... Но если на весь земной шар ни одного государства — а только города и ничейные территории... это у нас что?

– Феодализм? – предположил я.

– Какой еще феодализм... – Котя сморщился. – Феодализм – это войны, это борьба за власть, это интриги... Нет, я не против, что никто в мире не воюет! Двумя руками за! Вот только это все само по себе невозможно. Искусственный мирок-то!

– Котя, у нас нет данных...

– У нас их вполне достаточно! – Котя встал с песка и потряс тощим кулаком. – Все там четко видно! Я даже точку бифуркации более-менее четко рассчитал...

И в этот момент со стороны башни донесся монотонный стук. Мы синхронно повернулись к ней.

– Пусть стучат, – решил я. – Таможенник имеет право отдохнуть?

– А ты не забыл, что у тебя сегодня комиссия намечалась? – спросил Котя.

Я стал торопливо одеваться.

Котя – тоже. И по ходу размышлял:

– Имею я право находиться у тебя? Может быть, мне спрятаться здесь?

– В Кимгиме в сугроб закопаешься! – огрызнулся я. – Ничего. Я имею право позвать в гости друзей. Наверное...

– Кирилл, ты сейчас тупи изо всех сил, – вдруг сказал Котя. – У тебя это здорово получается. Те, кто придет, – они не дураки будут.

Как-то уж так сложилось, что мне никогда не приходилось отчитываться перед комиссиями. В школе я был, с одной стороны, слишком способным, а с другой – слишком разболтанным, чтобы испугаться какой-нибудь «комиссии из гороно». В институте я учился в те годы, когда никаких комиссий попросту не было, в стране царила полнейшая анархия. Ну а работа менеджером в «Бите и Байте»... чего тут проверять? Не стырил ли я новую видеокарту для домашнего компьютера?

Нет, не стырил, взял протестировать, через месяц верну, она как раз устареть успеет, а если вам не нравится – увольняюсь, вон в «Макросхеме» на полторы штуки больше платят!

И все-таки поневоле унаследованный страх холодком елозил между лопатками.

Что поделать – непоротое поколение до сих пор лежит поперек лавки.

Ждет, пока для него розгу срежут.

Отряхивая песок с рубашки, я зашел в башню. Мельком подумал, что у дверей надо положить тряпочки... или специальные коврики, зелененькие такие, вроде травки из пластика.

В московскую дверь снова постучали.

Котя, стараясь придать себе максимально сосредоточенный вид (чему немного мешали две выпитые бутылки украинского пива), встал возле лестницы.

Я открыл дверь.

И уткнулся в три дружелюбные, хорошо знакомые физиономии.

Первым стоял известный юморист, звезда телеэкрана, щекастый и морщинистый. Улыбка на лице была приклеена так крепко, что ему, наверное, приходилось напрягать мышцы, чтобы перестать улыбаться.

Рядом – известный депутат патриотически-оппозиционных убеждений. Он тоже улыбался, но у него это получалось лучше. Доверительнее. Даже хотелось вступить в одну с ним партию и начать радеть о народе.

Эти двое – ладно. Чего-то подобного я и ожидал.

А третьей была Наталья Иванова.

Живая и здоровая, приветливо кивнувшая мне. Только взгляд не вязался с приветливой улыбкой. Настороженный был взгляд.

Спасибо Коте, что так вовремя высказал свою догадку!

– Привет, Наташа, – сказал я, потянулся к девушке и чмокнул ее в щеку. – Рад видеть в добром здравии.

Политику я протянул руку и обменялся с ним крепким рукопожатием. Юмориста, если честно, хотелось огреть надутым молотом или запустить ему в лицо кремовый торт. Но я ограничился кивком и максимально дружелюбной улыбкой.

Наталья пристально смотрела на меня. В глазах ее что-то плавилось, переключалось, переключалось. Вперед выплывало сплошное дружелюбие и одобрение. Даже веселые морщинки побежали от уголков глаз, хотя обычно такие появляются у очень умелых стерв годам к тридцати – тридцати пяти.

А настороженность пряталась, уходила из глаз – куда-то поближе к душе.

Идиот.

Ведь только что мне советовали – тупи! А я проявил себя догадливым, не удивился тому, что Наталья жива.

– Ты не в обиде на меня, Кирилл? – Наталья тоже потянулась навстречу и коснулась меня сухими, горячими губами. От ее приветливости веяло холодом.

– Да что ты! – Я заставил себя засмеяться и кивнул юмористу, словно призывая его разделить мое веселье. – Что ж я, идиот? От такого – кто откажется? Объяснила бы сразу, разве я...

– Объяснить никогда и ничего нельзя. – Наталья слегка убавила свою фальшивую приязнь. – Мы пройдем?

– Конечно! – Я отступил с дороги, мимолетно замечая и стоящие в сторонке дорогие машины, и нескольких крепких людей, окруживших башню. Троица вошла – и остановилась при виде Коти. – У меня тут друг... мы пивка попить решили, ничего?

Наталья внимательно посмотрела на Котю. Котя едва ли

не по струнке вытянулся. И выпалил:

– Чагин Константин Игоревич! Двадцать пять лет! Невольнообязанный по здоровью. Журналист!

– Какой еще журналист? – брезгливо спросила Наталья.

– Сенсационник! – выпалил Котя.

– Это у тебя Кирилл ночевал?

– Было дело, – с готовностью согласился Котя. – Только я не помню, я все забыл, мы потом заново познакомились... Вы не подумайте, я здесь не в профессиональном качестве! Чисто по-дружески. Я Кирюхе не враг!

– Главное – себе врагом не будь. – Наталья явно приняла какое-то решение относительно Коти. – Дружи, конечно. Друзья – это очень важно.

– Старый друг борозды не испортит! – скрипуче произнес юморист. С надеждой посмотрел на Наталью. Потом на политика.

Наталья его проигнорировала, политик поморщился и сказал:

– Женя, ты не на работе...

– Показалось, что смешно! – с вызовом сказал юморист и пожал плечами. – Со всяким бывает!

– Давай лучше познакомимся с молодым человеком, – миролюбиво сказал политик. – А то я догадываюсь, как нас представили... комиссия, инспекция... ненавижу бюрократию!

– Ну, я вас знаю... заочно, – пробормотал я. – Вы...

– Просто Дима. – Политик развел руками. – Никаких церемоний, здесь все свои! Кирилл, Женя, Дима... э... Костя, Наташа. Как обустроились, Кирилл?

– Помаленьку... – Стараясь не смотреть на Наталью, я принял смущенный вид и проямлил: – С деньгами плоховато... жить-то есть где, но надо же питаться... телевизор, опять же, чтобы от родной страны не отстать...

Политик кивнул. Посмотрел на Наталью – та стояла на лестнице, внимательно оглядывая второй этаж башни. Сказал:

– Наташа... разве у вас не положено выдать какие-то подъемные? Пока человек к работе приступит...

Странные отношения были внутри этой троицы. Я четко определил юмориста как самого безобидного и взятого «для массовости», а вот кто главный – Наталья или Дима, – понять не мог.

– Сейчас выдам, – согласилась Наталья. – Кирилл, третий этаж открылся?

– Кухня и ванная.

– Замечательно. – Наталья спустилась с лестницы и подошла ко мне. Глядя мне в глаза, на ощупь достала из сумочки толстую пачку сине-голубых банкнот. – Сотни тебе хватит на обустройство?

Котя прищелкнул языком и явственно прошептал:

– Помещение большое...

– Не наклейте, ребята. – Наталья усмехнулась и вложила

пачку мне в руку. – Какие двери открыты?

– В Кимгим, – сказал я. – Она первая. А сегодня утром... вот эта.

Конечно же, двери интересовали их куда больше моей персоны. Через несколько мгновений вся троица топталась по песку. На лицах было явное удовольствие. Юморист даже сбегал к воде, намочил ладони и вернулся – довольный и громко, с противной театральной интонацией декламирующий:

Зима! Крестьянин, торжествуя...

А я на Мальте, мне по...

Наталья вздохнула, но смолчала. Политик ослабил узел галстука. Снял белый пиджак и перекинул через руку. Сказал:

– Люблю море... Как замечательно, Кирилл. В Москве был всего один выход к морю. Из района Капотни, представляешь?

– А сколько всего башен в Москве?

– Не обязательно башен, в Капотне – подвал... Семнадцать таможен.

Я покосился на юмориста – теперь тот обходил башню, трогая стены, а временами даже пиная их, будто проверяя на прочность. Спросил:

– Это действительно Мальта?

– Это очень далеко от нашей Земли, – беззаботно ответил политик. – Не по расстоянию, конечно, по *вееру*. Это не Кимгим. Тут материка совсем другие. Людей нет.

– Курорт.

– Именно. Будешь пользоваться популярностью.

– Мы в тебе не ошиблись, – согласилась Наталья. – Что ж, Кирилл. Поздравляю. Это хорошая дверь. Впрочем... ты и сам это понял.

Я проследил ее взгляд – и обнаружил оставленные на песке пивные бутылки и пакетики с орешками. И не только я. Политик неожиданно направился к месту пикника, поднял две бутылки и открыл одна о другую. Сделал большой глоток.

Подкупило их море. Расслабило. Видимо, им очень хотелось иметь сюда еще одну дверку.

– От чего зависит, куда откроются двери? – спросил я.

– От таможенника, – секунду поколебавшись, объяснила Наталья. – Ты открываешь двери в те миры, которые тебе наиболее близки.

– А сколько всего миров? – спросил из-за спины Котя.

На этот раз Наталья колебалась дольше. Но ответила:

– Нам известно двадцать три. Это те, куда проходы открываются стабильно... хотя почти половина этих миров никому не нужна. Ходят истории про миры, куда проходы открывались нерегулярно... возможно, просто слухи. Некоторые миры встречаются часто, другие – реже.

– Кимгим часто, – предположил я.

– Кимгим – популярный мир, – согласилась Наталья. – Его даже используют в качестве промежуточного, если надо попасть в какой-то более редкий... Ладно, раз уж начали вопросы-ответы, то спрашивай дальше. Отвечу.

– Наталья, кто ты?

– Функционал.

– Я догадался. А точнее?

– Акушерка. – Ответ явно был заготовленный. И я послушно сделал удивленные глаза, после чего дождался пояснений: – Акушер-гинеколог. Ищу будущих функционалов и помогаю им проявить себя.

– Вчера вечером гулял по Кимгиму, познакомился с парочкой функционалов... – небрежно сказал я. И отметил, что информация для них внове. Наталья сохранила каменное лицо, политик чуть-чуть прищурил левый глаз, а вот юморист откровенно удивился. – Они меня ввели в курс дела. Но никто про акушеров не говорил.

– Это потому, что роды бывают нормальные, а бывают – осложненные, – мягко сказала Наталья. – В твоём случае все было... очень плохо. Пойдем, Кирилл. Этот разговор... для функционалов.

Она мягко взяла меня за руку и повела от башни к морю. Котя остался. И не только Котя. Политик и юморист тоже за нами не последовали. Так они, выходит, обычные люди?

– Они всего лишь люди, – негромко сказала Наталья. – Ни

к чему им слышать... детали. Ты меня второй раз удивляешь, Кирилл.

– Первый раз – когда пришел с ножом?

– Да. Совершенно не соответствовало твоему характеру. А сейчас ты удивительно быстро освоился. Хорошо, я тебя недооценила. Давай определимся раз и навсегда, Кирилл. Между нами – мир?

– А если нет? – спросил я.

Наталья дернула плечиками.

– Тут твоя территория. Ты меня можешь в бараний рог согнуть. Но потом...

Я кивнул:

– Понятно. Придет функционал-полицейский. Наталья, один вопрос. Почему именно я стал таможенником? Эта какая-то врожденная особенность?

– Нет, – неохотно сказала Наталья. – Кажется, нет. Механизмов я не знаю, да и знать не хочу.

– Ты же акушерка.

– И что? Мне сообщают, что кто-то станет функционалом. Я наблюдаю за ним. Обычно человек стирается из реальности легко и быстро. В его квартире появляется кто-то другой, его рабочее место тоже занимают. Но иногда все сложнее. Твоя квартира изменилась, но вместо тебя никто не возник. На твоей работе образовалась вакансия.

Я вспомнил, с какой готовностью шеф предложил мне устроиться на работу в «Бит и Байт», и неохотно кивнул.

– Забывали тебя медленно, – продолжала Наталья. – Пришлось подменить тебя. Занять твоё место и надавить как следует. А что делать? Ты как-то ухитрился цепляться за окружающий мир...

– Или мир за меня? – пробормотал я. – Понятно.

– Вся моя вина в том, – сказала Наталья, – что я тебя немного подтолкнула. Ускорила твоё превращение в функционала. Этой симуляцией... чтобы ты сам захотел быть собой. Любой другой функционал на моём месте поступил бы так же. Ну?

Она склонила голову набок, заглянула мне в лицо. В уголках глаз опять возникли лучистые морщинки.

А ведь она вовсе не молода, понял я. Функционалы, наверное, вообще не стареют, консервируются в своём человеческом возрасте. Но Наталья стала функционалом вовсе не в двадцать с небольшим...

– Ты добрая женщина, – сказал я.

– Что поделать. Ты меня немного достал, Кирилл. Целые сутки держался. – Фальшивая благожелательность стала понемногу исчезать из её глаз. Но её место, слава Богу, занимало равнодушие. Наталья всё-таки пришла к выводу, что я не опасен.

– Ну зачем было меня так пугать? Рассказала бы сразу...

– И этим бы всё испортила. – Наталья фыркнула. – Не учи функционала исполнять его функцию.

– Поговорка?

– Вроде того. Мир?

– Мир. – Я ухмыльнулся и пожал ей руку. – А все-таки ты из меня жилы потянула...

– Зато какая плата. – Наталья кивнула на шипящую полоску прибоа, подкатившуюся к самым ногам. – Слушай дальше. Эти, – она глянула на политика с юмористом, – не функционалы. Они могут пользоваться нашими способностями. Ходить из мира в мир. Красиво стричься и вкусно кушать. Лечиться и учиться. Но особо с ними не откровенничай. Ты – функционал при своей функции. Они – производные. Дери с них пошлину, когда они идут через таможню. Будь вежлив, но строг. А вот функционалов у таможенников принято пропускать без лишних церемоний... если не совершается что-то совсем противозаконное.

– Вроде провоза запретных товаров?

Наталья кивнула:

– Именно. Ну все, идем...

– Подожди! Еще пара вопросов.

– Да? – Наталья выжидающе посмотрела на меня.

– Откуда люди узнают про функционалов? Кто получает право пользоваться нашими... функциями?

– Кирилл, тебе деньги нужны? – Наталья прищурилась. – Вещи... посложнее табуретки и кастрюли? Безопасность?

– Нужны, – признал я и покосился на двух членов инспекции. – А еще юмор, да?

– Не все в мире меряется деньгами! Ты же открылся сво-

ему другу?

Отповедь была столь сурова и неожиданна, что я не нашелся, что ответить. Наталья победно улыбнулась.

– Тогда последний вопрос. Кто у нас главный?

– Ты все еще живешь в каком-то уродливом мире. – Наталья покачала головой. – Мире, где важны деньги, власть, положение в обществе; в мире жадных детей... Расслабься! Ты вышел за эти рамки. Главных нет. Мы все равны. Честно исполняй свою функцию – и у тебя все будет хорошо.

Развернувшись, Наталья двинулась к башне. Остановилась. Обернулась, посмотрела на меня:

– Пойдем. Я за то, чтобы признать твое вступление в функцию состоявшимся. А твой друг... что ж, нам могут пригодиться сметливые журналисты.

Они провели в башне еще с полчаса. После того как Наталья объявила, что довольна мной, обстановка стремительно потеплела. Мы все-таки ушли с пляжа, поднялись на кухню. Но перед этим политик выглянул из дверей, подозвал кого-то из охраны, и ему принесли бутылку шампанского. Настоящего, французского, конечно же, брют, в меру охлажденного, но не ледяного «из морозильничка... гляди, гляди, льдинки плавают, хорошо у нас морозит, правда?». Впрочем, сладкое «Советское шампанское», надутое углекислым газом купажное вино, иначе чем ледяным раз в год «под куранты» и невозможно пить.

Я нашел более-менее приличные фужеры из того набора посуды, что возник вместе с третьим этажом. Юморист сообщил, что «бытие на Руси есть питание», и мы выпили по глотку шампанского.

Потом я получил визитки от Димы и Жени. Наталья, конечно же, никаких координат мне не оставила. Но пообещала, что мы периодически будем видеться. И посоветовала купить десяток-другой визитниц, поскольку за ближайший месяц у меня перебывает несколько сотен известных людей.

Уже когда я провожал «комиссию», юморист окончательно меня добил – картинно хлопнул себя по затылку, закричал: «Голова моя седая, голова моя седоватая!», бросился к машине, долго рылся в багажнике, вернулся со слегка помятой книжкой своей юмористической прозы – и очень долго писал автограф. Наталья даже не стала дожидаться – помахала мне рукой и двинулась пешочком в сторону метро. Небось торопилась на Черкизовский, китайскими штиблетами торговать... Зато политик вежливо дождался окончания эпистолярного действия, красноречивой гримасой дав мне понять, что это неизбежно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.